

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2019 Том 19

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)
Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Ивченков С. Г., Никифоров Я. А., Романовская О. А., Калининкова М. В.**
Социологическая рефлексия государственной национальной политики современной России 370
- Томилин О. Б., Бритов А. В., Фадеева И. М., Томилин О. О.**
Некоторые математические соотношения в социологических исследованиях организационной культуры 375
- Айменов А. Ж., Шахматова Н. В.** Правосознание как социологическая конструкция 385
- Mogilevich V. R.** The Transformation of Language Functions: Sociological Reflection [Могилевич Б. Р. Трансформация функций языка: социологическая рефлексия] 389
- Аксенова О. В.** Полевая диалектика: противоречия актора в российском развитии 392
- Дулина Н. В., Моисеева Д. В.** Финансовое поведение пенсионеров: трансформация под влиянием цифровой экономики? 399
- Касаткина Н. П., Шумкова Н. В.** Структура и функции молодежной самозанятости в регионе 407
- Наймушин А. О., Замогильный С. И., Корчагин С. А.** Прогнозная модель роста доли столичных жителей по отношению к общей численности населения РФ 415
- Баландина Т. М., Петров Н. Р.** Совершенствование социального партнерства в условиях современного этапа социально-экономического развития России 423
- Уфимцева Е. И.** Воцерковленность современной православной молодежи: социологический анализ факторов и тенденций развития 427

Слово молодым социологам

- Кулагина П. Ю., Девлетов Р. Н.** Социальная защита профессиональной группы как фактор преодоления социальной напряженности 432
- Калиева Ж. А.** Модели отношения молодого поколения к казахстанским молодежным объединениям 437

Политология

- Шестов Н. И.** Гипотеза в политическом исследовании 441
- Афонасова А. В.** Проблематика политической функциональности государства в дискуссиях о действующей Конституции Российской Федерации 448
- Бахлов И. В., Бахлова О. В.** Институционализация профессиональной экспертизы в сфере государственной национальной политики Российской Федерации 454
- Бурганова И. Н.** Проблемы межкультурной коммуникации в условиях реализации политики мультикультурализма 461
- Магомедов А. К., Шапаров А. Е.** Онтологические основания индигенной политики: к пониманию природы «особых» интересов коренных народов Российского Севера 468
- Вилков А. А.** Проблематика Крыма в отечественном научном дискурсе 2014–2019 гг. 473
- Головченко А. В.** Проблематика Крыма как фактор политической позиции либеральных партий в современной России 478
- Курочкин А. В.** Институциональные противоречия взаимоотношений политических партий с парламентами субъектов Российской Федерации 483
- Головченко В. И.** О структуре политических идеологий в условиях ценностной конвергенции российских партий 487

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 22.00.01; 22.00.03; 22.00.04; 22.00.05; 22.00.06; 22.00.08; 23.00.01; 23.00.02; 23.00.03; 23.00.04; 23.00.05; 23.00.06)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Садыкова Марина Владимировна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Садыкова Марина Владимировна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 20.11.19.
Подписано в свет 02.12.19.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,65 (15,75).
Тираж 500 экз. Заказ 153-Т.
Цена договорная

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2019

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта –14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.sozropolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.sozropolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Ivchenkov S. G., Nikiforov Ya. A., Romanovskaia O. A., Kalinnikova M. V.** Sociological Reflection of the State's National Policy in Modern Russia 370
- Tomilin O. B., Britov A. V., Fadeeva I. M., Tomilin O. O.** Some Mathematical Correlations in Sociological Investigations of Organizational Culture 375
- Aimenov A. J., Shahmatova N. V.** Legal Consciousness as a Sociological Construct 385
- Mogilevich B. R.** The Transformation of Language Functions: Sociological Reflection 389
- Aksenova O. V.** Field Dialectics: Actor's Contradictions in Russian Development 392
- Dulina N. V., Moiseeva D. V.** Financial Behaviour of Pensioners: Transformation under the Influence of the Digital Economy? 399
- Kasatkina N. P., Shumkova N. V.** The Structure and Functions of Youth Self-Employment in the Region 407
- Naimushin A. O., Zamogilny S. I., Korchagin S. A.** Forecast Model of Capital Residents' Share Growth in Relation to the Total Number of RF Population 415
- Balandina T. M., Petrov N. R.** Improving Social Partnership in the Conditions of the Present Stage of Socio-economic Development in Russia 423
- Ufimceva E. I.** Churching of Modern Orthodox Youth: Sociological Analysis of Factors and Trends of Development 427

New Voices: Young Sociologists' Research

- Kulagina P. Yu., Devletov R. N.** Social Protection of a Professional Group as a Factor of Overcoming Social Tension 432
- Kaliyeva Zh. A.** Young Generation Models of Attitude to Kazakhstan Youth Associations 437

Politology

- Shestov N. I.** Hypothesis in Political Science Research 441
- Afonasova A. V.** The National Security Issue Within the Debate on the Current Constitution of the Russian Federation 448
- Bakhlov I. V., Bakhlova O. V.** The Institutionalization of Professional Expertise in the Field of State National Policy of the Russian Federation 454
- Burganova I. N.** Problems of Intercultural Communication in the Conditions of Implementation of Multiculturalism Policy 461
- Magomedov A. K., Shaparov A. E.** Ontological Foundations of Indigenous Policy: Understanding of Nature of the «Special» Interests of Indigenous Peoples of Russian Far North 468
- Vilkov A. A.** The Issue of Crimea Within the Russian Scholarships in 2014–2019 473
- Golovchenko A. V.** The Issue of Crimea as a Factor of Political Stance of Liberal Parties in Modern Russia 478
- Kurochkin A. V.** Institutional Contradictions in the Relations Between Political Parties and Regional Parliaments of the Russian Federation 483
- Golovchenko V. I.** About the Structure of Political Ideologies within the Value-Based Convergence of Russian Parties 487

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Айтчисон Брайан, PhD политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук (Москва, Россия)
Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, профессор (Пенза, Россия)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)
Данилов Михаил Викторович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Ульяновск, Россия)
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Саранск, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

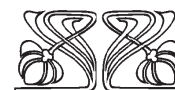
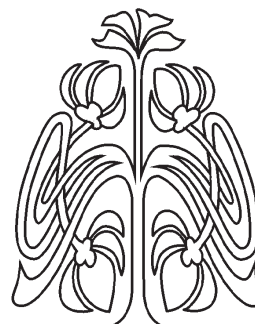
Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Irina A. Beginina (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Brian Itchison (London, Great Britain)
Jim Butterfield (Kalamazoo, USA)
Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)
Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)
Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)
Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)
Mikhail V. Danilov (Saratov, Russia)
Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)
Marina E. Elutina (Saratov, Russia)
Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)
Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Arbakh K. Magomedov (Ulyanovsk, Russia)
Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)
Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)
Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)
Irina M. Fadeeva (Saransk, Russia)
Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)
Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.014

Социологическая рефлексия государственной национальной политики современной России

С. Г. Ивченков, Я. А. Никифоров, О. А. Романовская, М. В. Калининкова

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ivchenkovsg@mail.ru

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikiforovy@mail.ru

Романовская Ольга Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальной информатики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, romanovska.ol@yandex.ru

Калининкова Марина Викторовна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kalinnikova1@rambler.ru

В статье представлен сравнительный анализ Концепции и Стратегии государственной национальной политики в части эффективности реализуемых практик нациестроительства и гармонизации этноконфессиональных отношений на региональном уровне. Авторы рассматривают государственную национальную политику России, акцентируя внимание на фоновом контексте этнокультурных регулянтов. Авторская рефлексия направлена на определение эффективности наиболее часто используемых способов получения социальной информации. Делается вывод, что серьезным ресурсным потенциалом обладают методология *Verstehen* и этнометодология. В этом предметном поле исследовательский интерес сфокусирован на процедурах интерпретации, скрытых, неосознаваемых, нерелективных механизмах социальной коммуникации в контексте изучения взаимосвязи этнических и социальных явлений в современном обществе, этнических процессов в различных социальных группах и социальных процессах в различных этнических общностях.

Ключевые слова: национальная политика, этноконфессиональные отношения, полиэтнические сообщества, этнометодология, методология *Verstehen*.

Sociological Reflection of the State's National Policy in Modern Russia

S. G. Ivchenkov, Ya. A. Nikiforov, O. A. Romanovskaia, M. V. Kalinnikova

Sergey G. Ivchenkov, <https://orcid.org/0000-003-1939-214X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ivchenkovsg@mail.ru

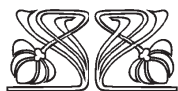
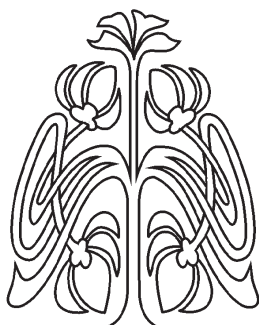
Yaroslav A. Nikiforov, <https://orcid.org/0000-0002-0325-1855>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, nikiforovy@mail.ru

Olga A. Romanovskaia, <https://orcid.org/0000-0003-1732-8072>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, romanovska.ol@yandex.ru

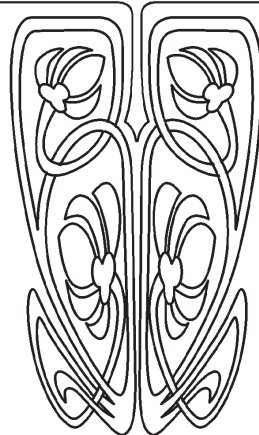
Marina V. Kalinnikova, <https://orcid.org/0000-0003-4077-0221>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, kalinnikova1@rambler.ru

The article presents the comparative analysis of the state's national policy concept and strategy regarding the efficiency of the realized practices of nation building and harmonizing the ethnic

© Ивченков С. Г., Никифоров Я. А.,
Романовская О. А., Калининкова М. В., 2019

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

confessional relations at the regional level. The state's national policy in Russia focusing on the background context of ethnic cultural regulators is considered. The authors' reflection is directed to defining the efficiency of the most often used ways of obtaining social information. The conclusion is made that Verstehen methodology and ethnomethodology possess serious potential. In this subject field the research interest is focused on the procedures of the hidden, irreflexive mechanisms of social communication interpretation in the context of studying interrelation of the ethnic and social phenomena in modern society, ethnic processes in various social groups and social processes in various ethnic communities.

Keywords: national policy, ethnic confessional relations, multiethnic communities, ethnomethodology, Verstehen methodology.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-370-374>

В конце XX в. в этносоциальной истории России произошли кардинальные изменения, осмысление которых стало общим местом для обществоведческой традиции постсоветской России. Так же, как и во всех посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы, этот крутой поворот был отмечен, в первую очередь, учреждением новых политических институтов и реформированием государственного управления. На обоих уровнях этого процесса, как государственного, так и местного самоуправления, появилась проблема эффективного управления полиэтническими сообществами.

Реалии момента позволяют утверждать, что широкий общественный интерес к проблемам этничности актуален, в первую очередь, потому, что мифология так называемого этнического возрождения в России вызвала не только рост этнического самосознания, но и кровавые конфликты на различных уровнях бытования российского социума. Очевидно, что этнокультурные меньшинства, выступавшие в защиту своих прав, дали особый импульс формированию различных интеллектуальных проектов сохранения идентичности государствообразующей нации.

Вполне естественной реакцией на происходящие процессы была разработка на государственном уровне опорных документов национальной политики, призванных определять принципы, приоритетные цели и задачи, а также механизмы ее реализации. В 1996 г. была утверждена Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Однако все-таки считать этот документ основой претворения в жизнь сколько-нибудь конструктивного государственного кредо национальной политики можно было только в момент ее принятия. Достаточно указать на очевидно дестабилизирующий для государственного здания фундамент этой Концепции, постулирующий в качестве тенденций будущего общественного развития «стремление народов к самоопределению» и «возрастающую самостоятельность субъектов Российской Федерации»¹.

Практически сразу же как в политическом, так и в научном сообществе начались дебаты о необходимости выработки нового документа, призванного упорядочивать и определять общее направление формирования национальной политики в России. И 19 декабря 2012 г. была принята Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г. (далее – Стратегия), на сегодняшний день концептуализирующая данную сферу общественной жизни. В качестве основных целей в Стратегии определяются: а) упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации); б) сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России; в) гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений; г) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств; д) успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов².

Грамотно сформулированные как в социально-историческом, так и в государственно-правовом отношении, эти цели в процессе реализации на практике должны были неизбежно натолкнуться на неоднородность положения дел в этнической сфере в регионах России. Такое состояние предопределено всем многовековым ходом исторического развития нашей страны вкуче с хаотичностью внешне- и внутривнутриполитических процессов конца XX – начала XXI в. Общественный и научный интерес к проблеме этнической идентичности и «я»-детерминации в контексте цивилизационных признаков нашей страны и суждения разных исследователей об этом прямо и косвенно коррелируют с областью международного права. За первые десятилетия XXI в. в массовом сознании россиян, а отчасти и в социальных науках сформировалось несколько форматов восприятия данного процесса. Использование этнической риторики, апелляция к этнической солидарности и национальной исключительности, напоминания об исторических народных трагедиях редко базируются на научном анализе.

На практике это вылилось в: гетерогенность национального состава регионов; диспропорцию властных полномочий между этническими группами в регионах; существенные различия в социально-политическом и экономическом развитии регионов; разнонаправленность и наполненность внутренних и внешних миграционных потоков в регионах и, соответственно, разные уровни адаптации мигрантов. Разрешение противоречия между поставленными задачами и исходными условиями социально-этнической ситуации в стране было задумано с помощью более четкой проработанности национальной политики на местном уровне и стремления по-

высвить ответственность региональных и муниципальных властей.

Базовым социальным механизмом достижения поставленных целей были выбраны долгосрочные целевые программы по гармонизации межэтнических отношений и укреплению единства российской нации. Следуя генеральной линии государственной национальной политики, изложенной в Стратегии, региональные власти стали разрабатывать и претворять в жизнь комплексы мероприятий в рамках данных программ³. И сейчас же встал вопрос об эффективности реализуемых практик в рамках этих программ. Даже если оставить за скобками региональную специфику проблем в сфере межэтнических отношений, краеугольным камнем остается предмет обсуждения: по каким критериям судить о степени решенности поставленных задач.

Действительно, эффективность единой государственной национальной политики должна оцениваться через возможность применения единых лекал, иначе любой регион сможет по своему рефлексировать и официально транслировать смыслы этноконфессиональной политики на уровне субъекта РФ, муниципального образования, местечка и т. п., соответственно, судить о перспективах успешной реализации федеральных предписаний, оценивая управленческие решения в этом вопросе. Однако этноконфессиональный дискурс в обязательном порядке должен соотносываться не только с «писаными» законами, которым не удается дисциплинировать индивидов на уровне повседневности, но и с поисками ответов на вопрос: на каком уровне бытования российского социума зарождается, а затем и проявляется феномен «бризантности» этноконфессиональных отношений, коррелирующих с агрессивностью в отношениях этнофоров?

Характерно, что изначально в проекте Стратегии присутствовал целый раздел, который подробно и четко прописывал характеристики, позволяющие судить о степени эффективности деятельности властей в данной сфере. Фиксировались: доля граждан Российской Федерации в субъекте Федерации, испытывающих неприязнь по отношению к представителям других народов, включая мигрантов (по данным социологических опросов и этномониторинга); уровень открытости людей к контактам с лицами иной национальности в трудовой сфере и в сферах неформального общения (по данным социологических опросов и этномониторинга); отток/приток русского и других народов как характеристики состояния межнациональных отношений в регионе (по данным переписей населения и текущей статистики); уровень межнациональной напряженности (по данным этномониторинга и социологических опросов); количество преступлений, в которых хотя бы одной из сторон проявилась этническая мотивация (по данным правоохра-

нительных органов и общественного мониторинга); наличие либо отсутствие структурного подразделения по реализации государственной национальной политики, уровень компетентности его кадрового состава, состояние инфраструктуры данной сферы; качество и уровень реализации программ, направленных на укрепление единства российской нации, этнокультурное развитие народов России, профилактику этнического и религиозно-политического экстремизма, защиту коренных малочисленных народов и национальных меньшинств, адаптацию и интеграцию внешних и внутренних мигрантов; качество докладов по итогам анализа и мониторинга межнациональных отношений в субъектах Российской Федерации⁴.

Можно только догадываться, почему этот раздел не вошел в итоговый документ, тем более что многие указанные критерии спорны с теоретико-методологической и даже с научно-практической точек зрения. Тем не менее, выбор мерил оценивания результатов национальной политики отдан на откуп регионам. Как следствие, налицо следующий социальный факт: практически все региональные власти в качестве объективных (не связанных с деятельностью самой власти) показателей выбирают доли населения, удовлетворительно отзывающегося о реализации этнокультурных прав, положительно оценивающего состояние межнациональных отношений и т. п. Выглядит это внешне научно (по мнению властей и аффилированных информационно-аналитических структур), практикуется повсеместно, постоянно фигурирует в отчетах и докладах. Наиболее часто используемым способом получения социальной информации в таких исследованиях стало сочетание количественных (анкетирование) и качественных (экспертное интервью) методов. Однако можно ли методологически уверенно утверждать, что такое комплексное исследование дает достижение оптимального результата по выявлению требуемых оценок и мнений?

В этой связи полагаем важным вспомнить, что в арсенале современной социологической науки существует методология *Verstehen*⁵, способная если не полностью восполнить выявленные пробелы, то обогатить возможности получения эмпирической социальной информации в непростой (для этого) сфере общественной жизни. Более того, методология *Verstehen* позволяет «замерить» степень этнической эмпатии через повседневный уровень господства негативных гетеростереотипов.

Драматургия этноконфессиональной повести демонстрирует, как в необъятной сфере межэтнических коммуникаций общим местом является убеждение этнофоров, что анекдоты про чукчей, кавказцев, гастарбайтеров-рабов из Средней Азии и т. п. есть неотъемлемая составляющая общероссийской культуры, и практи-

чески каждый нерусский имеет презрительные клички, приписываемые дурные «природные» характеристики. Дискуссии на данную тему формализуют на официальном уровне проблематизацию имперского наследия и современного нациестроительства. Однако сложно выйти на аксиопистию, используя в полевых исследованиях формализованные методы, тем более когда социолог стремится получить информацию о том, как преобразуется и трансформируется социокультурная сфера в зоне этнических контактов, как изменяется уровень открытости людей в общении с лицами иной национальности в трудовой сфере и в сферах неформальной коммуникации.

Серьезным ресурсным потенциалом обладает и этнометодология Гарольда Гарфинкеля, фокусирующаяся в предметном поле на процедурах интерпретации, скрытых, неосознаваемых, нерелективных механизмах социальной коммуникации между людьми. Высокая исследовательская продуктивность этнометодологии проявляется там, где «неявность и фоновость» инстинктивного этнокультурного эссенциализма транслируются и воспроизводятся через зоны этнических контактов, окрашенных негативной исторической памятью и конфликтным социальным наполнением.

Этнометодология, бросая вызов традиционному социологическому подходу изучения общественных действий, обеспечивает способ исследования механизма человеческого поведения в контексте конструирования постоянно меняющейся социальной действительности, выходя на изучение социальных ожиданий. Обычно социологическое исследование трактует воспроизводимость социального поведения в отношении расположений и ожиданий социальных акторов. Вместо того чтобы искать базовые нормативные структуры, этнометодология сосредоточивается на социальных действиях и поведении на стадии их производства. Темы варьируются от образцов взаимодействия автохтонов до доказательства математических теорем, но объединены сосредоточенностью на деталях выполнения социального действия⁶. Полевой опыт подсказывает, что этнометодология продуцирует интеллектуальную готовность осмыслить наивный примордиализм (биологический или культурный) и зафиксировать его через защитный механизм самоидентификации социального актора в обстоятельствах, воспринимаемых им как разрушение этнокультурной среды. Однако именно исследования, основанные на примордиальном подходе, являют этничность как глубинно и сокровенно рефлексивный феномен, особенно в том поликультурном поле, где идея Юргена Хабермаса о патриотической преданности не этническим корням, но демократической конституции государства одинаково распространяется на всех граждан⁷.

В связи с изложенным возникают серьезные основания сомневаться в возможностях только классических количественных и качественных методов социологического исследования в деле изучения механизмов взаимосвязи этнических и социальных явлений в современном обществе, этнических процессов в различных социальных группах и социальных процессов в различных этнических общностях. Полагаем, что подобная «закрытость» обуславливается тем, что «цифры и проценты» необходимо не только дополнять полевой информацией, полученной в ходе глубинных исследований, но и, отказавшись от «привычной установки искать непосредственную и очевидную “предметность” социальных отношений и ценностных манифестаций (даже если они представлялись в ответах самих респондентов при эмпирических массовых опросах как данность) и анализировать “невидимые” функциональные последствия взаимодействий, не артикулируемых и не кодифицируемых в общепринятом языке»⁸.

Таким образом, постановка задачи, выбор процедур (а, значит, и утверждение их соответствия поставленной задаче) и, что самое главное, интерпретация результатов и систематизация этнокультурных регулянтов национальной политики РФ, действующих открыто и (или) находящихся в латентной форме, определяют характер «профессиональных» вопросов для социологии не только официальным заказом. Мы убеждены, что осуществление независимых наблюдений, обследований национальной идентичности и степени эффективности национальной политики, бесспорно, приведут к поддержанию всех форм добровольных межэтнических и межконфессиональных движений и социокультурных обменов, а в перспективе позволят разработать системы оценок позитивного взаимосоответствия общих целей существования, исторически сложившегося этноконфессионального пространства в интересах граждан Российской Федерации.

Примечания

- ¹ Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации : указ Президента РФ от 15.06.1996 № 909. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ² См.: О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ (в ред. указа Президента РФ от 06.12.2018 № 703). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&link_id=0&nd=102161949 (дата обращения: 11.05.2019).
- ³ См., например: О долгосрочной целевой программе «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Ленинградской области на 2012–2014 годы» (с изменениями на 25 ноября 2013 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/537917321> (дата

обращения: 22.05.2019); О государственной программе Саратовской области «Культура Саратовской области до 2020 года» (с изменениями на 29 декабря 2017 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/467701348> (дата обращения: 10.10.2018).

- ⁴ См.: Проект «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации». URL: <http://www.iarex.ru/articles/30062.html> (дата обращения: 20.06.2019).
- ⁵ См.: *Ожегова О., Овчаров Д.* К вопросу о методологии Verstehen : прикладные стратегии исследования этноконфессиональной принадлежности // *Общество и этнополитика : материалы Второй Междунар. науч.-практ. Интернет-конф. 1апреля – 15 июня 2009 г. / под*

ред. Л. В. Савинова. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2009. С. 15–22.

- ⁶ См.: *Ethnomethodology and Conversation Analysis // The Handbook of the 21st Century Sociology / ed. by C. D. Bryant, D. L. Peck. Thousands Oaks : Sage, 2006.*
- ⁷ См.: *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство : его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // *Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.]. М. : Практикс, 2002 ; Жижек С.* Добро пожаловать в пустыню Реального / пер. с англ. А. Смирного. М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002.
- ⁸ *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М. : Нов. лит. обозрение ; «ВЦИОМ-А», 2004. С. 8.

Образец для цитирования:

Ивченков С. Г., Никифоров Я. А., Романовская О. А., Калининкова М. В. Социологическая рефлексия государственной национальной политики современной России // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2019. Т. 19, вып. 4. С. 370–374. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-370-374>

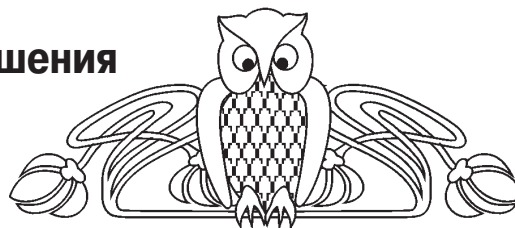
Cite this article as:

Ivchenkov S. G., Nikiforov Ya. A., Romanovskaia O. A., Kalinnikova M. V. Sociological Reflection of the State's National Policy in Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 370–374 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-370-374>

УДК 316.485:378.4

Некоторые математические соотношения в социологических исследованиях организационной культуры

О. Б. Томили́н, А. В. Бритов, И. М. Фадеева, О. О. Томили́н

Томили́н Олег Борисович, кандидат химических наук, доцент, заведующий кафедрой физической химии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, tomilinob@mail.ru

Бритов Александр Владимирович, кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры алгебры и геометрии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, algebra@math.mrsu.ru

Фадеева Ирина Михайловна, доктор социологических наук, доцент, директор, Научный центр социально-экономического мониторинга; профессор кафедры социологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, fadeeva5@yandex.ru

Томили́н Олег Олегович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и административного права, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, ootomilin@gmail.com

Проектирование систем эффективного менеджмента и успех их реализации обуславливается знанием состояния социальных систем и прогноза их реакции на изменения систем управления. Количественная оценка этих факторов представляет собой задачу создания инструментария современного менеджмента. Цель статьи – построить и обосновать диагностику новых характеристик организационной культуры. В рамках метода конкурирующих ценностей введены новые характеристики организационной культуры: общекультурный вектор \vec{p} , площадь S и периметр P профиля организационной культуры, разность общекультурных векторов $\Delta \|\vec{p}\|$ различных целевых групп, разность общекультурных векторов $\|\vec{p}_3\|$ целевой группы настоящего и желаемого состояний организационной культуры. Профили организационной культуры определялись по методике OSAI К. Камерона и Р. Куинна. Эмпирические материалы статьи получены в результате сравнительных социологических исследований, проведенных в 2003 и 2016–2018 гг. в ряде регионов Российской Федерации. В рамках проведенных социологических исследований российских университетов показана возможность использования введенных характеристик для оценки тренда развития организационной культуры, оценки отклонения от равновесного состояния как условия устойчивого развития, оценки уровня конфликтности между различными целевыми группами, оценки уровня интеллектуального и эмоционального выгорания целевых групп соответственно.

Ключевые слова: метод конкурирующих ценностей, организационная культура, профиль организационной культуры, конфликтность, интеллектуальное и эмоциональное выгорание.

Some Mathematical Correlations in Sociological Investigations of Organizational Culture

О. В. Tomilin, A. V. Britov, I. M. Fadeeva, O. O. Tomilin

Oleg B. Tomilin, <https://orcid.org/0000-0002-1570-230X>, National Research Mordovia State University, 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia, tomilinob@mail.ru

Aleksandr V. Britov, <https://orcid.org/0000-0002-0487-9126>, National Research Mordovia State University, 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia, algebra@math.mrsu.ru

Irina M. Fadeeva, <https://orcid.org/0000-0002-1709-9970>, State Public Institution of the Republic of Mordovia «Scientific Center for Socio-Economic Monitoring», 39a Khmel'nitskogo St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia; National Research Mordovia State University, 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia, fadeeva5@yandex.ru

Oleg O. Tomilin, <https://orcid.org/0000-0002-0626-4037>, National Research Mordovia State University, 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia, ootomilin@gmail.com

Designing effective management systems and their successful realization is based on understanding social systems' state and the forecast of their reaction to management systems' changes. The quantitative assessment of these factors represents a problem of setting up modern management ways. The purpose of the article is to construct and prove diagnostics of organizational culture new characteristics. In the frames of competing values method new characteristics of organizational culture are introduced: a common cultural vector \vec{p} , area S and perimeter P of a profile of organizational culture, a difference of common cultural vectors $\Delta \|\vec{p}\|$ various target groups, a difference of common cultural vectors $\|\vec{p}_3\|$ target group of the present and desired states of organizational culture. The profiles of organizational culture were defined by OSAI procedure of K. Kameron and R. Quinn. The empirical materials present the results of the sociological researches (2003, 2016–2018) carried out in some regions of the Russian Federation. The sociological investigations carried out at some Russian universities made it possible to use the introduced characteristics for evaluating: the trends of organization culture development; the deflection from equilibrium state as a condition of state development; the conflict level among target groups and their installation and emotional burning out accordingly.

Keywords: method of competing values, organizational culture, profile of organizational culture, conflict level, intellectual and emotional burning out.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-375-384>

Одним из важнейших достигнутых результатов в работах классиков менеджмента XX в. было однозначное представление организационной культуры (социального феномена) как многомерного социально-группового явления. Многомерность открывала возможности для использования различных научных подходов ис-

следования рассматриваемого системного феномена: социологического, культурологического, институционального, психологического, деятельностного, поведенческого и других, рождая различные типологии организационной культуры для диагностики состояния исследуемых организаций. Различие подходов устанавливалось совокупностью факторов, которые, по мнению авторов, представлялись наиболее значимыми в интерпретации и прогнозировании развития исследуемого системного феномена.

Успех вычленения значимых отдельных характеристик (факторов) объекта социологических исследований обуславливается адекватностью используемых методов диагностики состояния социального феномена.

Первым и самым простым методом диагностики является прямое анкетирование с установленными градациями оценок по исследуемому фактору X . Фактор X или чаще всего совокупность факторов $\{X_j\}$ выбирается (формулируется) на основе тех или иных соображений теоретического подхода. Естественно, что в этом случае связь между выделяемыми факторами носит стохастический характер. Полученные результаты сводятся к многолучевым диаграммам, которые носят некое собирательное отображение проведенной диагностики организационной культуры. Соотнесение лучей (факторов) на диаграмме по отношению друг к другу весьма условно, поэтому характеристики как линии, объединяющей вершины лучей, так и многолучевой звезды в целом не несут дальнейшей информации.

Полученные таким образом результаты диагностики организационной культуры представляют собой более или менее удачную в зависимости от выбора факторов $\{X_j\}$ «моментальную фотографию» адаптационного состояния организации. Поэтому оценка перспектив развития организации на основе подобных «моментальных фотографий» целиком определяется креативностью интерпретатора.

Принципиально новый подход в диагностике организационной культуры открывается в предположении, что между измеряемыми факторами X и Y существует не стохастическая, а функцио-

нальная связь $f(X, Y) = 0$. Это предположение составляет основу метода конкурирующих ценностей¹. В этом случае возможно построение и исследование функциональных зависимостей в декартовой системе координат. Переменные x и y представляют собой используемые в рассматриваемой типологии ценности X и Y , измеряемая величина которых изменяется в интервале $[-\infty, +\infty]$. Конкурирующие ценности в этом случае, например «гибкость и дискретность» – «стабильность и контроль», есть одна и та же переменная (ценность), только имеющая разные знаки: «стабильность и контроль» = – «гибкость и дискретность».

Каждый квадрант декартовой системы координат определяет результат взаимодействия ценностей $[X, Y]$, $[X, -Y]$, $[-X, Y]$ и $[-X, -Y]$ соответственно. Эти результаты устанавливают четыре предельных состояния организационной культуры, называемых базовыми культурами. Показано², что конкурирующие ценности 14 наиболее известных в литературе типологий однозначно сводятся к одним и тем же базовым культурам, которые в соответствии с типологией Камерона и Куинна³ называются клановой (A), адхократической (B), рыночной (C) и иерархической (D), как это показано на рис. 1, a . Биссектрисы квадрантов являются координатными осями базовых культур, на которых откладываются измеренные усредненные их количественные вклады a, b, c, d . Обобщение, представленное в⁴, позволяет дать интегральную характеристику каждой из базовых культур на основе использованных ценностных базисов.

Существенным элементом метода конкурирующих ценностей является не только установление функциональной зависимости $f(X, Y) = 0$ для факторов X и Y , но и нормирование вкладов базовых культур путем введения дополнительного условия $d_1 + d_2 = 100$, где d_1 и d_2 – отрезки на биссектрисах квадрантов. Концы отрезков представляют собой измеренные усредненные вклады базовых культур a, b, c, d .

Полученные результаты позволяют построить четырехлучевую звезду – четырехугольник, называемый профилем организационной культуры. Однако, в отличие от первого подхода, функ-

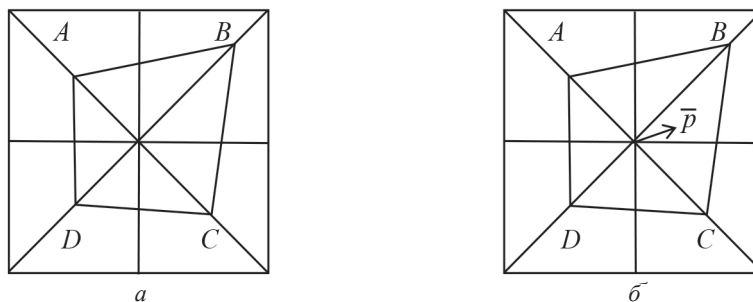

Рис. 1. Геометрическое представление профиля организационной культуры в методе конкурирующих ценностей: a – профиль организационной культуры по⁵, b – общекультурный вектор⁶

циональная зависимость $f(X, Y) = 0$ с условием нормирования по базовым культурам открывает возможность соотнести некоторые геометрические характеристики профиля организационной культуры с ее проявляемыми свойствами, а также проводить количественные исследования динамики трансформации организационной культуры социального института под действием внешней среды.

Новые характеристики организационной культуры в методе конкурирующих ценностей

Как уже отмечалось выше, полученные результаты позволяют построить четырехлучевую звезду – четырехугольник, называемый профилем организационной культуры, отражающем функциональную зависимость $f(X, Y) = 0$ с условием нормирования по базовым культурам. Существующая интерпретация установленного в результате диагностики четырехугольника сводилась к интерпретации положения координат вершин профиля организационной культуры. Однако существует возможность использовать некоторые иные геометрические характеристики профиля организационной культуры, сопоставляя с ее свойствами. К таким геометрическим характеристикам можно отнести следующие.

Общекультурный вектор \bar{p} . Усредненные количественные вклады a, b, c, d базовых культур представляют собой векторы $\bar{a}, \bar{b}, \bar{c}, \bar{d}$ и выражают процентные вклады базовых культур в диагностируемую культуру. В этом случае общекультурный вектор $\bar{p} = (\bar{a} + \bar{b} + \bar{c} + \bar{d})$. Тогда направление и длина вектора \bar{p} характеризуют качественно (направление) и количественно (длина) доминанту базовой культуры в состоянии организационной культуры (рис. 1, б)⁷. Вектор \bar{p} представляет собой вектор синергетического результата взаимодействия базовых культур, и его длина $\|\bar{p}\|$ может служить мерой лабильности отклика деятельности организации на влияние внешней среды, а направление – доминирующее влияние той или иной базовой организационной культуры в деятельности организации.

Введение общекультурного вектора \bar{p} показало, что его направление и величина однозначно откликаются на вид основной профессиональной деятельности организации в целом, как это показано на рис. 2, а также профессиональных групп внутри организации, как это показано в⁸ на примере двух академических субидентичностей университетского сообщества: профессорско-преподавательского персонала и административно-вспомогательного персонала.

Площадь S и периметр P профиля организационной культуры. Существенным результатом обобщения об объективном существовании возможности единых подходов в описании материальных и нематериальных явлений и

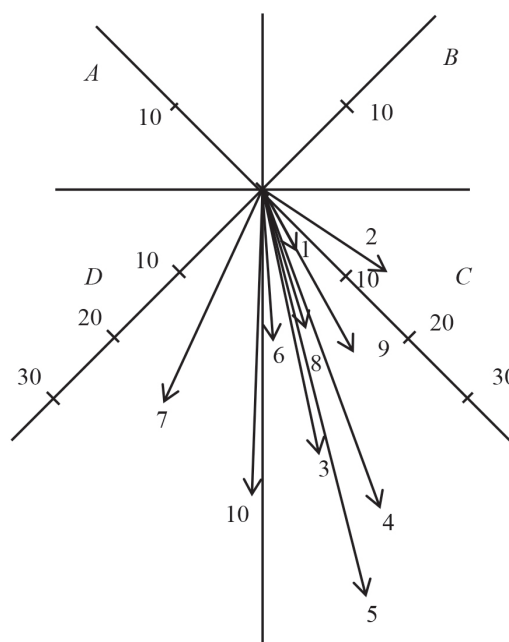

Рис. 2. Общекультурные векторы организаций, осуществляющих различные виды деятельности. Номерами обозначены виды деятельности. (1 – Сельское хозяйство/Лесная промышленность/Рыболовство; 2 – не классифицируемые; 3 – Финансы/Страхование/Недвижимость; 4 – Производственные предприятия; 5 – Горнодобывающая индустрия; 6 – Строительство; 7 – Общественная администрация; 8 – Сфера услуг; 9 – Розничная и оптовая торговля; 10 – Транспорт/Связь/Электричество/Газ/Санитария⁹

процессов является утверждение, что равновесное (квазистатическое) состояние системы представляет собой особый случай динамических процессов, достигаемый при существующих функциональных связях и параметрах. Условия равновесия системы являются условиями стабильности, необходимыми для динамичного развития. Создание теории общего (динамического) равновесия трудами К. Эрроу и Дж. Дебрё¹⁰, с одной стороны, представляло дальнейшее продвижение прикладной математики в экономику и, с другой – развитие микроэкономики наряду с макроэкономической теорией Дж. М. Кейнса. Поэтому идеи и аппарат теории общего (динамического) равновесия уместно применять для описания состояния организаций, в том числе их организационной культуры.

Воспользуемся методологией термодинамики для описания экономического равновесного состояния системы¹¹ в построении модели организационной культуры в рамочной конструкции двух конкурирующих ценностей. В идеальном случае устойчивость системы при бесконечно малом интервале времени можно считать эквивалентной обратимому равновесному процессу как способности системы возвращаться в первоначальное состояние при снятии внешних воздействий, сохраняя свои внутренние связи и

базовые параметры функционала деятельности. Именно обратимые процессы обеспечивают условия выполнения максимальной работы системой, что придает им особую значимость.

Безусловно, функционирование социальной системы представляет собой неравновесный процесс. Однако, учитывая устойчивость гештальтов человеческого сознания к изменениям под воздействием внешней среды, в первом приближении можно полагать, что процессы функционирования организации в коротких временных интервалах (до 5–7 лет) являются равновесными.

Тогда, по аналогии с П. Самуэльсоном¹², который при описании процессов экономической деятельности использовал зависимость $p - V$ для идеального газа, воспользуемся уравнением Пуассона

$$pV^k = \text{const}, \quad (1)$$

где k – параметр, зависящий как от природы газа, так и от температуры, описывающий адиабатическую систему идеального газа. Будем сопоставлять две переменные X_1 и X_2 (например, *гибкость и дискретность* и дифференциация¹³) в рамочной конструкции конкурирующих ценностей термодинамическим параметрам p и V . Необходимо определить аналог температуры T в существующих характеристиках социальной системы. Причем этот параметр должен характеризоваться определенной величиной (уровнем), пусть даже качественной, как внутри выделенной системы (организации), так и вне системы – социуме. Таким социальным параметром X_3 , удовлетворяющим вышеизложенным условиям, может быть влияние внешней среды. Влияние внешней среды на организацию (социальную систему, институт) может иметь разное выражение, начиная с различных экономических воздействий и завершая нормативно-институциональными законами и правилами властных структур. При полном отсутствии влияния внешней среды ($X_3 = 0$) реализуется абсолютная свобода чле-

нов организации, которая может полностью отсутствовать при абсолютном влиянии внешней среды ($X_3 \rightarrow \infty$). Таким образом, предлагаемый социальный параметр X_3 аналогичен температуре T , измеряемой в абсолютной шкале Кельвина.

Обратимый процесс в адиабатической системе представляет собой цикл Карно, состоящий из двух адиабатических и двух изотермических процессов. На рис. 3 представлены циклы Карно для термодинамических и социальных систем.

Исходя из интерпретации цикла Карно в термодинамике, опишем процессы, происходящие в организации при внешних воздействиях в обратимом равновесном процессе. При заданном уровне влияния внешней среды $X_3^{(1)}$ ($X_3^{(1)} = \text{const}$) на организацию при изменении состояния $1 \rightarrow 2$ происходит адаптация ее организационной культуры (осуществление «механической работы» организации) путем изменения параметров X_1 и X_2 (*гибкость и дискретность и дифференциация*). Эта адаптация продолжается и при изменении состояния $2 \rightarrow 3$. Конечным результатом адаптационных реакций является демпферирование влияния внешней среды на организацию благодаря ее внутренним институциональным и нормативным возможностям, что создает внутренний эффект «уменьшения» влияния внешней среды ($X_3^{(1)} > X_3^{(3)}$). Создаваемый в организации внутренний эффект «уменьшения» влияния внешней среды не может быть долговременным, так как он определяется возможностями «автономизации», которыми институционально наделена организация. Изменение состояния $3 \rightarrow 4$ и далее $4 \rightarrow 1$ (осуществление «механической работы» над организацией внешними силами) означает продолжение адаптации организационной культуры путем изменения параметров X_1 и X_2 , направленной на достижение равновесного состояния при реальном уровне влияния внешней среды $X_3^{(1)}$ ($X_3^{(3)} = \text{const}$ и $X_3^{(4)} < X_3^{(1)}$). Таким образом, обратимый равновесный процесс изменения состояния организационной культуры в координатах социальных

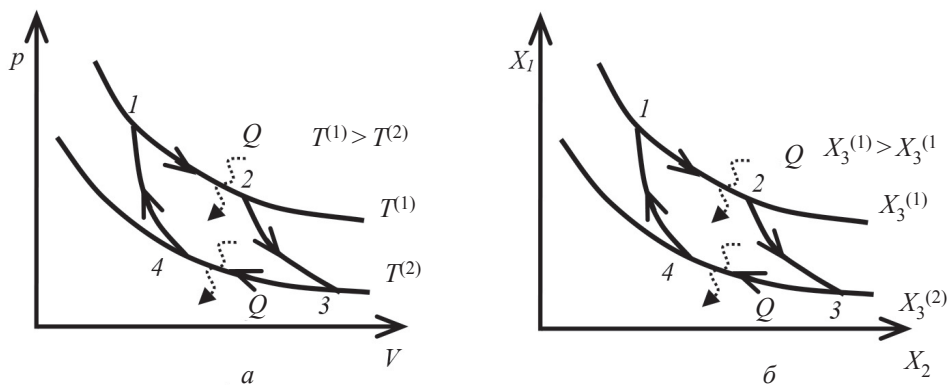

Рис. 3. Графическое представление обратимого (равновесного) процесса (цикла Карно) в координатах термодинамических $p - V$ (а) и социальных $X_1 - X_2$ (б) параметров для рассматриваемых систем

параметров $X_1 - X_2$, обеспечивающий стабильность организации для устойчивого динамического развития, характеризуется графически четырехугольником с криволинейными сторонами (рис. 4), который будем называть профилем организационной культуры.

Ресурсы организационной стабильности для устойчивого динамического развития будут определяться характеристиками профиля организационной культуры. Так, например, величина «механическая работа» организации в обратимом (равновесном) процессе характеризует возможности имеющейся организационной культуры в ее адаптации к влиянию внешней среды. Величина механической работы A равна интегралу по контуру

$$A = \oint_C pdV, \quad (2)$$

где C – контур цикла с вершинами в точках подвижного равновесия системы 1, 2, 3, 4. В нашем случае величина A равна площади четырехугольника с криволинейными сторонами (рис. 4).

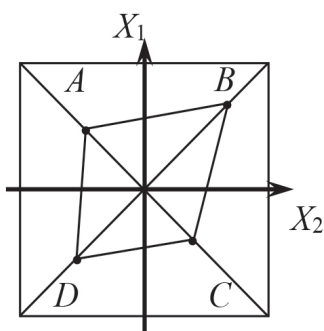

Рис. 4. Профиль организационной культуры в рамочной модели конкурирующих ценностей X_1 и X_2

Для дальнейшего анализа характеристик полученного профиля организационной культуры в рамочной конструкции двух конкурирующих ценностей проведем некоторые преобразования полученных результатов. Во-первых, используемые независимые параметры X_1 и X_2 , являясь по своей природе конкурирующими ценностями, могут иметь, в отличие от термодинамических параметров p и V , отрицательные значения. Введение в шкалы X_1 и X_2 уровня, равного нулю, означает перенос начала системы декартовых координат X_1 и X_2 (рис. 4) в точку пересечения диагоналей полученного четырехугольника с криволинейными сторонами.

Во-вторых, линеаризуем стороны криволинейного четырехугольника 1234 профиля организационной культуры логарифмированием уравнения (1). Социальные параметры X_1 , X_2 и X_3 не имеют размерности, поэтому их математическое представление может быть любым, которое учитывает их качественное содержание. В результате профиль организационной культуры

в виде четырехугольника 1234 с криволинейными сторонами (рис. 4) может быть представлен нормальным четырехугольником $ABCD$ с теми же самыми вершинами в точках подвижного равновесия. В¹⁴ отмечалось, что линеаризация изотерм и адиабат выводит систему из категории равновесной на пути изменения состояния системы. Однако это утверждение, строго говоря, относится к параметрам, которые имеют количественное, а не качественное выражение.

В-третьих, необходимо обосновать ориентацию диагоналей полученного четырехугольника $ABCD$ как по отношению друг к другу, так и по отношению к координатным осям. Будем считать, следуя¹⁵, что точки равновесных состояний A, B, C, D лежат на биссектрисах углов между осями координат. Таким образом, получаем профиль организационной культуры, полностью соответствующий используемой в¹⁶ рамочной модели конкурирующих ценностей X_1 и X_2 при условии

$$d_1 + d_2 = 100, \quad (3)$$

где d_1 и d_2 – длины диагоналей четырехугольника профиля организационной культуры.

Для выяснения соответствия найденного профиля организационной культуры равновесному состоянию проведем исследование закономерностей изменения площади образованного четырехугольника S_{ABCD} . Максимальная площадь S_{ABCD} при условии (3) достигается, когда профиль организационной культуры представляет собой **квадрат**. Этот профиль соответствует не только равновесному состоянию организационной культуры, но и ее максимальным адаптационным возможностям к влиянию внешней среды. Величина $\Delta \text{Сиссл.} = \text{Сравн.} - \text{Сиссл.}$, где Сиссл. – площадь исследуемого профиля организационной культуры, позволяет оценить степень отклонения исследуемой организационной культуры от равновесного, т. е. стабильного состояния.

Однако четырехугольник $ABCD$ может иметь различный вид для одной и той же величины площади S при условии (3). Чтобы устранить эту неоднозначность, будем также количественно характеризовать профиль организационной культуры периметром P_{ABCD} образующегося четырехугольника $ABCD$. Для квадрата при условии (3) величина P_{ABCD} минимальна. Степень отклонения исследуемой организационной культуры от равновесного, т. е. стабильного состояния, можно характеризовать величиной $\Delta \text{Риссл.} = \text{Рравн.} - \text{Риссл.}$, где Риссл. – периметр исследуемого профиля организационной культуры.

Для профиля организационной культуры в виде квадрата общекультурный вектор $\bar{p} = 0$, что свидетельствует о предельной устойчивости организации любым внешним воздействиям. Отметим, что величина $\bar{p} = 0$ достигается и в слу-

чае профиля организационной культуры в виде ромба, который имеет периметр, равный периметру квадрата при условии (3). Эти обстоятельства позволяют предположить, что ромбический профиль организационной культуры, соответствующая равновесному состоянию, описывает различные стадии «жизненного цикла» рассматриваемого системного феномена, так как площадь ромба всегда меньше площади квадрата.

Стадия зрелости достигается, когда профиль организационной культуры представляет собой квадрат. Ромбический профиль организационной культуры имеет две реализации: ориентация длинной диагонали ромба по биссектрисе квадрантов $A - C$ и ориентация по биссектрисе квадрантов $B - D$. В¹⁷ показано, что стадии «жизненного цикла» организации связаны с направлением общекультурного вектора \bar{p} . Используя эти результаты, на рис. 5 показаны стадии «жизненного цикла» организационной культуры в равновесном (наиболее стабильном) состоянии. Сопоставление исследуемых профилей организационной культуры с реперными профилями, представленными на рис. 5, позволяют оценить стадию «жизненного цикла», что является принципиально важным отправным материалом для принятия значимых управленческих решений.

Обсудим практические возможности использования новых количественных характеристик профиля организационной культуры Сиссл. и Риссл. при условии (3).

1. Как следует из определения, адаптивность социальной системы к изменению внешних условий характеризуется величиной Сиссл., максимальное значение которой достигается в равновесном состоянии $S_{равн.} = 1250,00$. Однако, как отмечалось выше, одной и той же величине Сиссл. могут соответствовать различные профили организационной культуры.

2. Так как в равновесном состоянии величина $S_{равн.}$ достигается при $R_{равн.} = 141,42$, выбор из двух профилей с одинаковой величиной Сиссл. можно вести по величине Риссл., имеющей минимальное значение.

Длина $\Delta \|\bar{p}\|$ разности общекультурных векторов целевых групп настоящего состояния организационной культуры. Органи-

зационная культура как отражение состояния личностных и групповых отношений в процессе их совместной деятельности однозначно реагирует на процессы происходящих изменений, становясь причиной возникновения конфликтов внутри коллектива. Конфликты, порождаемые состоянием организационной культуры корпорации, представляют собой новый тип конфликтов – организационные конфликты.

Отправной точкой современных теорий конфликтологии, как правило, являлись уровень и качество отношений между субъектами конфликта, т. е. отдельными личностями различного должностного ранга. Само название книги Ф. Глазла «Конфликтменеджмент. Настольная книга руководителя и консультанта»¹⁸ очерчивает объект изучения. Это отношения внутри организации между личностями и группами личностей в процессе их совместной деятельности. Естественно, что разрешение конфликтов опирается на методы практической психологии, которая оставляет за рамками своего внимания влияние внешней среды.

Возникающие в группах организации конфликты направлены на внешнюю среду¹⁹. Внешняя среда представляется экраном, на который проецируется конфликтный потенциал в виде групповых ценностных паттернов представления внешнего мира. Эти ценностные паттерны, формирующиеся с учетом принятых констелляций ролей в группе и организации (базовых представлений) при совместной деятельности, безусловно, являются идеализированными, тем не менее их выделение позволяет формулировать некоторые базовые характеристики, сочетание которых образует реальное состояние внутри организации. Так, например, Ф. Глазл при диагностике конфликтов использует четыре идеализированные ценностные модели: «санаторий», «крепость», «театр», «крестоносцы»²⁰; У. Мاستенбрук – четыре типа отношений между субъектами организации: отношения силы и зависимости; деловые «инструментальные» отношения; «отношения, предусматривающие переговоры»; социоэмоциональные отношения²¹.

Как отмечалось выше, различие общекультурных векторов, а следовательно, и профилей

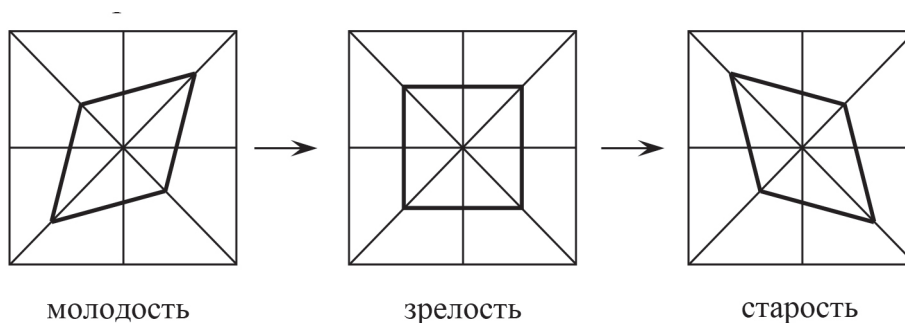

Рис. 5. Стадии «жизненного цикла» организационной культуры в равновесном состоянии

организационной культуры свидетельствует о существовании собственных ценностных паттернов, отражающих структуру и качество отношений внутри организации, несмотря на спектр психологических типов работников. Таким образом, состояние организационной культуры может являться причиной, в первую очередь, групповых конфликтов.

Использование инструментария диагностики организационной культуры может стать первым шагом в решении указанной проблемы. «К сожалению, пока практически нет технологий, которые бы связывали процесс диагностики, выявляющий основные структурные и процессуальные характеристики конфликтов, с выбором методов управления, позволяющих наиболее эффективно и с минимальными деструктивными последствиями для организации их решать»²².

Естественно, что длина вектора $\Delta \|\bar{p}\| = \|\bar{p}_A - \bar{p}_B\|$, где A и B – различные целевые группы, характеризует уровень существующей конфликтности между рассматриваемыми группами. Кроме того, совмещая поля используемых конкурирующих ценностей «внешнее позиционирование и дифференциация» (X) – «гибкость и индивидуальность» (Y) с полями конкурирующих ценностей Глазла²³: «стремление к успеху» (X) – «лидерство руководителя» (Y), можно установить тип существующих организационных конфликтов в модели конфликтных констелляций.

Длина $\|\bar{p}_3\|$ разность общекультурных векторов целевой группы настоящего и желаемого состояния организационной культуры. Высокая турбулентность окружающей среды в современном обществе требует постоянной работы над повышением эффективности менеджмента. Успех создаваемых систем эффективного менеджмента обуславливается реакцией членов организации на управленческие инновации, которая содержит в себе эффект непреднамеренно воздействия.

Отмечается, что заметным непреднамеренным воздействием систем эффективного менеджмента на профессорско-преподавательский состав является создание дополнительного давления из-за повышения рабочей нагрузки и снижение контроля, которое способствует интеллектуальному и эмоциональному выгоранию профессорско-преподавательского состава (ППС)²⁴. Интеллектуальное и эмоциональное выгорание ППС определяется как психологическая и физическая реакция на стресс на рабочем месте, для которого характерны эмоциональное истощение (общая усталость от чрезмерных физических, когнитивных и эмоциональных затрат для выполнения заданий) и эмоциональное отчуждение от работы.

ППС представляет собой основную группу риска в развитии интеллектуального и эмоционального выгорания в университетском сообществе, так как данному процессу способ-

ствуют работа в однообразном и напряженном ритме, высокая эмоциональная нагрузка от высокого уровня общения с людьми, отсутствие должного материального и нематериального вознаграждения за труд. Интеллектуальное и эмоциональное выгорание ППС может иметь неблагоприятные последствия для результатов деятельности университетов. Такими результатами могут быть резкое снижение производительности труда ППС, высокая текучесть преподавательских кадров, снижение уровня генерируемых инноваций.

На качественном уровне причины выгорания членов университетского сообщества рассматривались в рамках теории организационной справедливости²⁵. Так, несмотря на то что высшие учебные заведения выделяются как «особые» из-за характера производства нематериальных услуг (исследование и обучение), тем не менее, их организационный дизайн во многом схож с организациями другой производственной направленности.

Проведенные исследования утверждают, что представления о справедливости являются ключевым фактором в понимании выгорания сотрудников. Если справедливые системы эффективного менеджмента создают обстановку для уменьшения интеллектуального и эмоционального выгорания членов университетского сообщества²⁶, то несправедливые системы рождают неопределенность перспектив деятельности, затрудняют работникам университетов достижение своих целей, нарушают социальные отношения на рабочем месте, усиливая тенденции стресса, интеллектуального и эмоционального выгорания.

Обоснованное использование теории организационной справедливости в практике требует количественной диагностики учитываемых факторов. На этом пути можно установить критические значения, определяющие качественные изменения интеллектуального и эмоционального состояния ППС университетов.

К таким методам диагностики можно отнести шкалу справедливости систем эффективного менеджмента²⁷, Ольденбургский перечень выгорания²⁸. Однако использование указанных характеристик представляет собой лишь сечение более сложной совокупности внешних и внутренних факторов, определяющих результативность деятельности организации.

Можно утверждать, что уровень выгорания ППС определяется системой отношений работников внутри университета в процессе совместной деятельности по производству нематериальных услуг (исследования и обучение) и адаптационным потенциалом высшего учебного заведения к внешним воздействиям. Иными словами, выгорание есть одна из характеристик такого системного феномена, как организационная культура.

Экспериментальная проверка представленной гипотезы может быть осуществлена на основе обсуждаемой методики ОСАИ²⁹ диагностики состояния организационной культуры. На рис. 6, а и б, в представлены профили организационной культуры, определенные для настоящего и желаемого состояний организационной культуры соответственно. Для каждого из состояний найдены общекультурные векторы \bar{p}_1 и \bar{p}_2 .

Разность векторов \bar{p}_1 и \bar{p}_2 (рис. 6, в), т. е. вектор $\bar{p}_3 = \bar{p}_1 - \bar{p}_2$, характеризует конфликт собственного ценностного паттерна личности (идентичности) и условий, норм и процедур деятельности, порождающий когнитивные ис-

кажения и разрушительные процессы в системе ценностей. В этом контексте интеллектуальное и эмоциональное выгорание представляется социальным явлением. В качестве количественной меры длина общекультурного вектора $\|\bar{p}_3\| = \|\bar{p}_1 - \bar{p}_2\|$ может служить уровнем существующей степени выгорания.

Отметим, что в равновесном состоянии организационной культуры величина $|\bar{p}_3| = 0$ – соотношение найденных величин $|\bar{p}_3|$ с качественными категориями и их калибровка – требует дополнительных исследований, однако анализ имеющегося эмпирического материала позволяет сделать определенные заключения, имеющие прикладное значение.

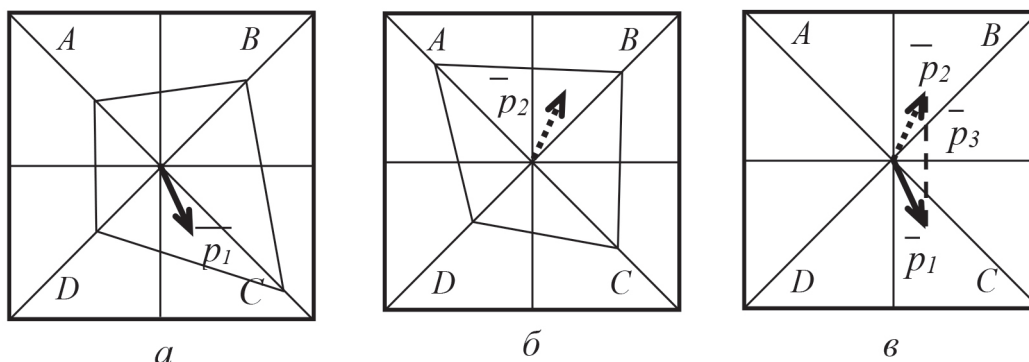

Рис. 6. Профили организационной культуры настоящего (а) и желаемого (б) состояний, векторы \bar{p}_1 и \bar{p}_2 совмещение настоящего и желаемого состояний для нахождения уровня интеллектуального и эмоционального выгорания личности \bar{p}_3 (в)

Возможности новых характеристик организационной культуры в методе конкурирующих ценностей

Введенные новые характеристики организационной культуры были использованы при исследовании динамики изменения организационной культуры российских университетов³⁰, которое основывалось на 205 экспертных оценках из 9 регионов (2003 г.) и 386 экспертных оценках из 12 регионов (2016–2018 гг.). Как видно из рис. 7, в отмеченный период времени модернизации российского высшего образования происходило существенное нарастание отклонения организационной культуры университета от равновес-

ного состояния: 2003 г. – Δ Сиссл. = 2,88 (0,23%), Δ Риссл. = 1,07 (0,76%); 2016–2018 гг. – Δ Сиссл. = 7,25 (0,58%), Δ Риссл. = 2,44 (1,73%). В скобках показано отклонение введенных характеристик от характеристик равновесного состояния. Можно отметить, что величины Δ Сиссл. и Δ Риссл. изменяются симбатно, хотя величина Δ Сиссл. примерно в 3 раза больше Δ Риссл. Калибровка величин Δ Сиссл. и Δ Риссл. по отношению к критическому значению, устанавливающему значимое проявление изменения организационной культуры, представляет собой самостоятельную задачу. Однако увеличение в 1,5–2,5 раза величин Δ Сиссл. и Δ Риссл. за исследуемый пе-

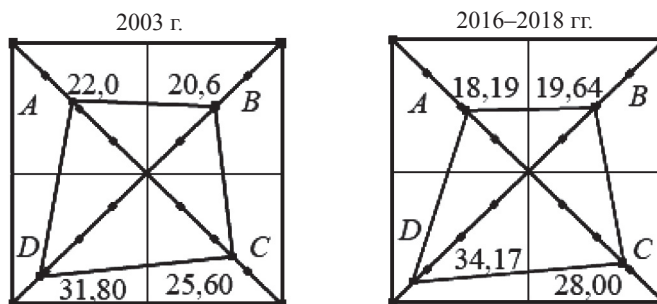

Рис. 7. Профили организационной культуры усредненного российского университета

риод времени однозначно свидетельствует о значительном усилении вклада иерархической культуры за счет ослабления ценностей клановой и рыночной культур.

Организационные конфликты между профессорско-преподавательским составом и административным персоналом (АДМ), а также внутри возрастных ППС и АДМ представляют собой «холодный» тип конфликта «крепость». Однако статус университета выделяет свои особенности. Для университетов 1-й группы организационные конфликты между возрастными группами ППС лежат на границе конфликтных констелляций «крепость» (холодный тип) – «театр» (горячий тип), что свидетельствует о большей напряженности конфликтности, обусловленной высоким уровнем ответственности при неопределенности целей и задач протекающей трансформации высшего образования. В университетах 2-го типа напряженность конфликтности существенно снижена: существование организационных конфликтов в большей мере связано с возрастной компетентностью и распределением ответственности между возрастными группами³¹.

Анализируя данные из³², можно отметить следующее.

1. Почти два десятилетия условия функционирования российской высшей школы создают достаточно высокий уровень интеллектуального и эмоционального выгорания как у работников профессорско-преподавательского состава, так и у работников административно-управленческого персонала. Это означает, что данные условия не способствуют эффективности деятельности университетов, напротив, благоприятствуют процессам профессиональной деградации.

2. Последние 15 лет в российской высшей школе наблюдается процесс увеличения степени интеллектуального и эмоционального выгорания как у работников профессорско-преподавательского состава, так и у работников административно-управленческого персонала. Этот результат свидетельствует, с одной стороны, что протекающие процессы модернизации высшего образования не приняты и не разделяются университетским преподавательским сообществом и университетским менеджментом, с другой стороны, попытки создания вертикали эффективного менеджмента в системе высшего образования не получили одобрения и понимания.

Итак, качественная интерпретация новых количественных характеристик продемонстрирована на примерах социологических исследований диагностики организационной культуры учреждений высшего образования. Полученные результаты сопоставлены с результатами исследований с использованием иных методов и показана их непротиворечивость. Предлагаемые новые количественные характеристики организационной культуры могут быть применены к диагностике организационной культуры организации любой

производственной деятельности, необходимой для проектирования систем эффективного менеджмента, включая промышленные предприятия.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства Республики Мордовия (проект № 18-411-130018р_а «Организационная культура промышленных предприятий Республики Мордовия (на примере инновационного и промышленного кластеров)»).

Примечания

- 1 См.: Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры / пер. с англ. под ред. И. В. Андреевой. СПб. : Питер, 2001.
- 2 См.: Томилин О. Б., Барнашова М. И., Томилин О. О. Организационная культура как новый управленческий ресурс стратегического менеджмента // Университетское управление : практика и анализ. 2014. № 3. С. 19–38.
- 3 См.: Камерон К., Куинн Р. Указ. соч.
- 4 См.: Томилин О. Б., Барнашова М. И., Томилин О. О. Указ. соч.
- 5 См.: Камерон К., Куинн Р. Указ. соч.
- 6 См.: Макаркин Н. П., Томилин О. Б., Бритов А. В. Роль организационной культуры в эффективном менеджменте высших учебных заведений // Университетское управление : практика и анализ. 2004. № 5–6. С. 152–162.
- 7 Там же.
- 9 См.: Томилин О. Б., Ключев А. К., Другова Е. А., Фадеева И. М., Томилин О. О. Организационные конфликты в трансформации университетов : destrum et aedificabo // Интеграция образования. 2019. Т. 23, № 2. С. 265–283. DOI: <https://orcid.org/10.15507/1991-9468.095.023.201902.265-283>
- 8 См.: Камерон К., Куинн Р. Указ. соч.
- 10 См.: Arrow K. J., Debreu G. Existence of an Equilibrium for a Competitive Economy // *Econometrica*. 1954. Vol. 22, № 3. P. 256–290.
- 11 См.: Самуэльсон П. А. Принцип максимизации в экономическом анализе (Нобелевская лекция) // *THESIS*. 1993. Вып. 1. С. 184–202.
- 12 Там же.
- 13 См.: Камерон К., Куинн Р. Указ. соч.
- 14 См.: Самуэльсон П. А. Указ. соч.
- 15 Там же.
- 16 См.: Камерон К., Куинн Р. Указ. соч.
- 17 См.: Макаркин Н. П., Томилин О. Б., Бритов А. В. Указ. соч.
- 18 См.: Глазл Ф. Конфликтменеджмент. Настольная книга руководителя и консультанта : пер. с нем. Калуга : Духовное познание, 2002.
- 19 Там же.
- 20 Там же.
- 21 См.: Мاستенбрук У. Управление конфликтными орга-

- низациями и развитие организации : пер. с англ. М. : ИНФРА-М, 1996.
- ²² Решетникова К. В. Методологические основы квалификации технологий управления организационными конфликтами // Социс. 2008. № 10. С. 57.
- ²³ См.: Глазл Ф. Указ. соч.
- ²⁴ См.: Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания : диагностика и профилактика. СПб. : Питер, 2008.
- ²⁵ См.: Greenberg J. A Taxonomy of Organizational Justice Theories // Academy of Management Review. 1987. Vol. 12, № 1. P. 9–22.
- ²⁶ См.: Noblet A. J., Rodwell J. J. Integrating Job Stress and Social Exchange Theories to Predict Employee Strain in Reformed Public Sector Contexts // Journal of Public Administration Research and Theory. 2008. Vol. 19, № 3. P. 555–578.
- ²⁷ См.: Colquitt J. A., Conlon D. E., Wesson M. J., Porter C. O. L. H., Ng K. Y. Justice at the Millennium : A Meta-Analytic Review of 25 Years of Organizational Justice Research // Journal of Applied Psychology. 2001. Vol. 86, № 3. P. 425–445.
- ²⁸ См.: Noblet A. J., Rodwell, J. J. Op. cit.
- ²⁹ См.: Камерон К., Куинн Р. Указ. соч.
- ³⁰ См.: Ключев А. К., Томилин О. Б., Фадеева И. М., Томилин О. О. Управление университетом : итоги трансформации // Университетское управление : практика и анализ. 2018. Т. 22, № 1. С. 93–104. DOI: <https://doi.org/10.15826/umpra.2018.01.009>
- ³¹ См.: Томилин О. Б., Ключев А. К., Другова Е. А., Фадеева И. М., Томилин О. О. Указ. соч.
- ³² См.: Томилин О. Б., Фадеева И. М., Томилин О. О. Оценка степени интеллектуального и эмоционального выгорания в высшей школе // Университетское управление : практика и анализ. 2019. № 1–2. С. 141–154. DOI: <https://doi.org/10.15826/umpra.2019.01-2.012>

Образец для цитирования:

Томилин О. Б., Бритов А. В., Фадеева И. М., Томилин О. О. Некоторые математические соотношения в социологических исследованиях организационной культуры // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 375–384. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-375-384>

Cite this article as:

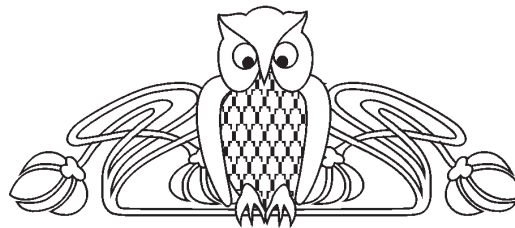
Tomilin O. B., Britov A. V., Fadeeva I. M., Tomilin O. O. Some Mathematical Correlations in Sociological Investigations of Organizational Culture. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 375–384 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-375-384>

УДК 316.645.2

Правосознание как социологическая конструкция

А. Ж. Айменов, Н. В. Шахматова

Айменов Айдар Жамбулович, преподаватель кафедры правоведения, Университет дружбы народов имени академика А. Куатбекова, Шымкент, Республика Казахстан, zhambul_ukgu@mail.ru

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, директор Центра региональных социологических исследований, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nadezhdashakhmatova@yandex.ru

В статье анализируется правосознание, которое отличается двойственностью. Оно – часть индивидуального мировоззрения и основа правового пространства социума. Правосознание рассматривается как идеальный латентный многоуровневый феномен ментальности граждан, отражающий их идентификацию, совокупность знаний, мотивов, ценностных ориентиров, оценочных отношений к правовой реальности, практике ее реализации, который регулирует повседневное поведение индивидов в юридически значимых ситуациях. Восприимчивость правосознания определяется не только духом патриотизма и гражданской ответственности. Институционализация в обществе свободной атмосферы толерантности, законопорядка и законопослушности объективно служит залогом успешности формирования правосознания.

Ключевые слова: право, социология права, правосознание, правовая культура.

Legal Consciousness as a Sociological Construct

A. J. Aimenov, N. V. Shahmatova

Aidar J. Aymenov, <https://orcid.org/0000-0002-5852-4152>, University of Friendship of Peoples academician A. Khatbekov, 32 Tole bi St., Shymkent 160012, Republic of Kazakhstan, zhambul_ukgu@mail.ru

Nadezhda V. Shahmatova, <https://orcid.org/0000-0003-2413-1534>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, nadezhdashakhmatova@yandex.ru

This article analyzes the phenomenon of legal consciousness characterized by duality. It is a part of individual ideology and a foundation of society's legal space. Legal consciousness is studied as a perfect latent multilevel phenomenon of citizens' mentality reflecting their identification, the aggregate of knowledge, motivation, values, assessment of relations to the legal reality, the practice of its implementation that regulates the individuals' daily behavior in legal situations. The susceptibility of lawfulness is determined not only by the spirit of patriotism and civic responsibility but also by institutionalization of the free atmosphere of tolerance, the rule of law and law obedience which objectively serve as a pledge of success in shaping legal consciousness.

Keywords: law, sociology of law, legal consciousness, legal culture.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-385-388>

Сегодня особенно актуальна проблема взаимодействия государства, социума, так как вариативность традиций и нормативных взаимоотношений индивидов и институтов власти способствует тому, что правовое поведение населения не всегда можно отнести к законопослушному¹. Основной формой ее разрешения выступает формирование гражданского общества, призванного обеспечить наиболее полную реализацию и содействовать самореализации потребностей, законных интересов и прав граждан. Не случайно к важным критериям гражданского, правового общества относят умение и готовность его членов защищать свои права, признавать такие права за другими людьми, не нарушая их. Это характеризует уровень правовой культуры, которая формируется правовой социализацией. С позиций социологии эта культура формируется под влиянием общества, его структур и институтов, которые обуславливают генерирование правовых норм, ценностей и смыслов, включенных в правовое сознание. Деформации правосознания, искаженные представления значимости права и его проявлений обнаруживаются в нигилизме, инфантилизме, дилетантизме, экстремизме, что демонстрирует низкий уровень правовой культуры в целом.

Интерес к правосознанию в дореволюционной России осуществлялся в рамках позитивистской социологии и субъективной школы. Субъективистские конструкции включали в правосознание эмоции. Так, Л. И. Петражицкий, практически отождествляя право с правосознанием, считал правовыми любые эмоциональные переживания, связанные с представлениями о взаимных правах и обязанностях². Правовые эмоции рассматривались как двусторонние. Считалось, что возникающие из них правовые нормы имеют атрибутивно-императивный (представительно обязывающий) характер³.

С позитивистских традиций обосновывалось освобождение права от жесткого политического влияния⁴ и приведение его в соответствие с нравственными ценностями личности⁵, интересы которой признавались высшим приоритетом⁶. При этом доминировала вера в объективность, насущность идеи всеобщей справедливости (В. Соловьев, Е. Н. Трубецкой), а также ее метафизическое обоснование (Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский)⁷.

В советский период под влиянием работ К. Маркса и Ф. Энгельса актуализировался (официально не существующий в тот период) социо-

логический подход к пониманию правосознания⁸. Так, А. А. Пионтковский и С. Ф. Кечекьян полагали, что для правильного восприятия права следует обращать внимание на нормы права и регулируемые этими нормами правоотношения⁹. Однако изучение правосознания носило системно-центристский характер¹⁰, нацеленный на поддержание и укрепления строя, но не индивида.

Сегодня российские специалисты в области социологии права много внимания уделяют теоретическим¹¹ и эмпирическим исследованиям социально-правовых проблем (Ф. Шереги¹²), девиантного поведения, (Я. Гилинский¹³), ищут баланс между фактичностью и нормативностью (Д. Ефременко¹⁴), между правом (правосудием) и справедливостью (А. Кондаков¹⁵), анализируют эффективность нормативного правового регулирования¹⁶. Их результаты позволяют проследить динамику состояния правосознания населения, его ценностно-правовые ориентации, их место в системе социальных ценностей, степень поддержки людьми различных формы защиты своих прав и т. д.

Социология воспринимает правовые ценности как общественные феномены, созданные в результате социального взаимодействия, межличностного конструирования социальной реальности¹⁷. Соответственно, понятие правосознания рассматривается в контексте формы ментальности, выступающей основой своеобразных практик. В связи с этим оно выступает как объективный факт социальной жизни, ее атрибут и неотъемлемое свойство. Правосознание отражает качественный срез знания права, постижение его необходимой важности, его включение в механизм личностной мотивации повседневного и ситуационного поведения. Обладающий им индивид не только понимает свои обязанности перед обществом, окружающими людьми, но и осознает свои права личности, которая обладает ценностью и достоинством, не допуская их ущемления. Формирование правосознания происходит под влиянием социально-политических, экономических, культурных факторов, а также морали, искусства, религии, науки.

Правосознание, будучи базовым компонентом правовой жизни социума, одновременно является идеальным, латентным, не наблюдаемым непосредственно, феноменом ментальности, который можно, по определению Э. Дюркгейма, отнести к коллективным представлениям. Оно проявляется в форме юридических знаний, оценочного отношения к праву и практике его реализации, соответствующих ценностно-нормативных установок, регулирующих повседневное поведение людей в юридически значимых ситуациях. Отсюда вытекает его первая особенность – ориентированность на формирование субъектных условий для реализации гражданином своих прав.

Вторая особенность правосознания заключается в том, что оно воспринимает и воспроизводит жизненные ситуации в ракурсе социальной справедливости, праведности и свободы, предпо-

лагая существование общеобязательных значимых норм как границ свободного поведения и наличие правового механизма для их поддержания и обеспечения. Поэтому его отличают некоторая формализованность, определенность и категоричность. Правосознание как формальная категория служит для большинства населения в определенных правовых ситуациях нормой поведения с конкретными правовыми предписаниями и актами, регулирующими потребности, позиции, отношения и поведение людей в социально-правовом пространстве. Допустимые границы активности правосознания определяются мерой соответствия его свойств общепринятым эталонам, нормативно-правовым образцам, стандартам, узаконенным конкретным социумом, освященным авторитетом власти и базовыми принципами социальной системы.

Еще одной спецификой социологического видения правосознания является то, что оно постоянно проникает не только в сферу правовых отношений, но и в другие области общественных отношений. Так, для того чтобы быть зафиксированными в форме закона государства, необходимые экономические, политические, нравственные и другие социальные притязания, требующие юридического закрепления, должны пройти сквозь призму правосознания, наполнить содержание, принять форму его элементов, а впоследствии стать закрепленными в качестве новых форм права¹⁸.

Социологическая интерпретация правосознания предполагает выделение его функций в обществе. В публикациях выделяют познавательную, диагностическую, регулятивную¹⁹ функции правосознания. Познавательная функция определяется через восприятие и понимание ситуаций, общественных процессов как правовых проявлений. Субъектами здесь являются законодатели, профессионалы и граждане, которые используют свои представления о праве в целенаправленных повседневных и профессиональных практиках. Диагностическая функция проявляется в анализе и оценивании конкретных юридически значимых жизненных ситуаций с позиций юриспруденции, когда осуществляется правовая оценка деятельности граждан, устанавливаются и квалифицируются обстоятельства их жизнедеятельности с позиций сравнения с должными, нормативными критериями. Такая оценка и анализ требуют высокого уровня правосознания²⁰. Поэтому основными субъектами становятся не столько граждане, сколько юристы. Актуальной является реализация регулирующей функции правосознания, которая на базе имеющейся юридической информации контролирует степень соответствия поведения индивида правовым предписаниям. Она опосредуется опытом, способностью к самоконтролю, мотивами, ценностями и правовыми установками граждан и может сопровождаться широким спектром чувств и эмоций²¹.

Правосознание концентрированно отражает правовые явления, процессы и институты.

Его непосредственная реализация заключается в приобретении знаний о праве и законе, их идентификации в призме сформированного у индивида мировоззрения, включая личностную моральную оценку и особую мотивацию. По типу правосознание делится на обыденное, ситуационное и профессиональное, по степени реализации – на малоразвитое, средне развитое и высоко развитое, по виду – на легитимное (законное) и нелегитимное (противозаконное)²².

Правосознание индивида характеризуется направленностью на выделение, различение и постижение смыслов правовых явлений. Однако правовые смыслы обладают двойственной природой, одновременно определяя установки нравственного сознания. Таким образом, основы правовой социализации должны формироваться в раннем детстве. Поэтому важной предпосылкой правового обучения выступает нравственное воспитание, которое задает условия усвоения правовых установок и смыслов.

И. А. Ильин сформулировал три аксиомы правосознания, акцентировав внимание на важнейших условиях, при которых право становится реальностью: закон духовного достоинства (самоутверждение); закон автономии (способность к самоуправлению); закон взаимного признания (взаимное уважение и доверие людей друг к другу)²³. Чувство собственного достоинства (первая аксиома) трактуется мыслителем как состояние духовной жизни, символ самоутверждения. Оно определяет самоуважение, заложенное в основе правосознания.

Следующая аксиома правосознания определяет основное условие осуществления права и духовной жизни – автономию индивида. Она является стержнем формирования правовых смыслов. Автономия определяется как степень духовной зрелости, необходимой личности для жизни в обществе. При этом важно, чтобы внутриличностная автономия могла свободно проявляться во внешнем социальном окружении, что можно охарактеризовать как правовое признание и гарантированность личной свободы гражданина. Третья аксиома основана на взаимном признании людей, уважении и доверии их друг к другу. Особенность этой аксиомы в определении способа существования как равноправного взаимоотношения между людьми. Таким образом, чувство собственного достоинства, способность к самоуправлению, взаимное уважение и доверие граждан друг к другу, к власти (при доверии государства к своим гражданам) составляют внутреннюю базу правосознания.

В структурном контексте можно выделить обыденное, профессиональное, научные виды правосознания²⁴. Первый вид – самый распространенный, он отражает представления, настроения людей по отношению к законам и праву. Они возникают под влиянием непосредственных условий жизни и социальной практики. Спе-

цификой обыденного правосознания может считаться его ограниченность непосредственным индивидуальным опытом, который не позволяет выйти за рамки обыденности.

Профессиональное правосознание основывается на понятиях, представлениях, убеждениях, традициях, сложившихся в юридической среде. При этом среди юристов фиксируется дифференцированное восприятие правовых ситуаций. Это разнообразие связано с преломлением теоретических знаний через фокус юридических практик. Для научного правосознания характерна ориентация его субъектов – ученых правоведов – на разработку идей, концепций, отражающих систему права, законодательство, определяющих векторы его развития.

Вместе с тем, судя по субъектам правосознания, оно выступает как многоуровневое явление. В нем следует различать индивидуальный и коллективный уровни. На индивидуальном уровне правосознание выступает как результат правовой социализации личности, интериоризации коллективного и персонального правового опыта на протяжении всей жизни. В коллективном правосознании следует различать общественный и групповой подуровни. Первый отражает общепризнанные институционализированные правовые стандарты, второй – цели, интересы и границы правовой приемлемости отдельных социальных групп.

Однако уровни правосознания взаимосвязаны. Правосознание всего общества отражает его идеологию, общепризнанные правовые стандарты, юридические концепции, теории, ценностные доминанты, типичные проявления общественного мнения по поводу права, распространенные в конкретном реальном социуме. Это воспроизводится в правовой культуре общества, социальных групп, индивидов, в законодательстве содержательно определяя деятельность юриспруденции и ее институтов. Правосознание отражается в публикациях СМИ, в деятельности всех социальных институтов, в профессиональной деятельности юристов, в групповых и персональных представлениях и повседневных практиках.

Вектор формирования индивидуального правового сознания начинается сверху, с общественного институционализированного уровня, проникая на коллективный, групповой уровень. И лишь затем через обучение, правовое взаимодействие или личный опыт формируется индивидуальное восприятие правовой реальности. Обратный процесс происходит с правовыми идеями и инициативами, которые возникают на индивидуальном уровне и лишь затем постепенно (при наличии всеобщего одобрения) институционализируются и становятся общезначимыми.

На каждом уровне на правосознание влияют различные факторы. На общественном уровне срабатывают идеологические цели и запросы социальных институтов (особенно властных), экономической, демографической, этнической, религиозной

и социокультурной сфер, а также стратификационные различия в социальной структуре социума. На групповой уровень правосознания влияют особенности субкультур, статусные отличия, особенности отношения к собственности различных сообществ, специфика их нормативно-ценностных ориентаций. Все эти факторы во многом влияют на восприятие и оценку существующей правовой системы и на личностном уровне.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что правосознание отличается двойственностью, будучи частью индивидуального мировоззрения и основой правового пространства социума. Оно представляет собой идеальный латентный многоуровневый феномен ментальности граждан, отражающий их идентификацию, совокупность знаний, мотивов, ценностных ориентиров, оценочных отношений к правовой реальности, практике ее реализации, который регулирует повседневное поведение индивидов в юридически значимых ситуациях. Восприимчивость правосознания определяется не только духом патриотизма и гражданской ответственности. Институционализация в обществе свободной атмосферы обсуждения, толерантности, законопорядка и законопослушности объективно служит залогом успешности формирования правосознания.

Примечания

- 1 См.: Жетписов С. К., Омарова Р. З. Трансформация правосознания и правовой культуры казахстанского общества в условиях формирования государственно-правовой идеологии // Вестн. Евразийской юрид. акад. им. Д. А. Кунаева. 2011. URL: <https://articlekz.com/article/21794> (дата обращения: 12.02.2019).
- 2 См.: Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. 3-е изд. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1908.
- 3 См.: Кистяковский Б. А. В защиту права: интеллигенция и правосознание // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М.: Правда, 1991.
- 4 См.: Евдеева Н. В., Перов О. Ю. Правосознание и правопонимание: диалектика взаимодействия // Современное право. 2007. № 7. С. 48–53.
- 5 См.: Галкин А. Г., Коротченко А. С. К вопросу об истории развития правопонимания в российской доктрине // Изв. вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 2 (46). С. 5–11.
- 6 См.: Палеха Р. Р. Современное отечественное правопонимание: состояние и перспективы развития. М.: РАП, 2010.
- 7 См.: Фролова Е. А. История политических и правовых учений. М.: Проспект, 2017. С. 314.
- 8 См.: Попов В. И. Правопонимание в советской юридической науке: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
- 9 См.: Черкасова Е. В. Роль понимания права в формировании прецедентной практики: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
- 10 См.: Лапаева В. В. Конкретно-социологические исследования в праве. М.: Юрид. лит., 1987.
- 11 См.: Общество и право. Исследовательские перспективы: сб. ст. / ред.-сост. А. Кондаков. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2015.
- 12 См.: Шереги Ф. Социология девиации: прикладные исследования. М.: Центр социального прогнозирования, 2004.
- 13 См.: Гилинский Я. И. Российская социология девиантности и социального контроля (девиантология) в 60-е–90-е гг. XX столетия // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России, 2010. № 1. С. 7–19.
- 14 См.: Ефременко Д. В. Социология права в поисках баланса между фактичностью и нормативностью // Современная социология права: сб. науч. тр. / отв. ред. Е. В. Алферова. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 6–9.
- 15 См.: Кондаков А. Неюридические подходы к изучению права // Общество и право. Исследовательские перспективы: сб. ст. / ред.-сост. А. Кондаков. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2015. С. 1–24.
- 16 См.: Эффективность законодательства. Вопросы теории и практики / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Емельянцева. М.: ИНФРА-М, 2015.
- 17 См.: Лапаева В. В. Социология права в России: послесталинский, перестроечный и постсоциалистический периоды // Социс. 2018. № 3. С. 98–112.
- 18 См.: Орлова А. А. Особенности правового сознания в контексте социологического, психологического и естественно-правового подходов к правопониманию // Изв. вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2007. № 1. С. 226.
- 19 См.: Нелюбина Е. В. Правосознание, правовая культура и социальные права человека: взаимосвязь и взаимообусловленность // Право и политика. 2009. № 7. С. 150–155.
- 20 См.: Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М.: Проспект, 1999.
- 21 См.: Вопленко Н. Н. Правосознание и правовая культура. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000.
- 22 См.: Курюкин А. Н. Правосознание и гражданское общество // Время больших перемен: политика и политики: материалы Всерос. науч. конф. РАПН с междунар. участием (Москва, РУДН, 24–25 ноября 2017 г.) / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. А. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. М.: РУДН, 2017. С. 214–216.
- 23 См.: Ильин И. А. О сущности правосознания / подг. текста и вступ. ст. И. Н. Смирнова. М.: Рарогъ, 1993.
- 24 См.: Алексеев С. С. Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1. С. 32.

Образец для цитирования:

Айменов А. Ж., Шахматова Н. В. Правосознание как социологическая конструкция // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 385–388. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-385-388>

Cite this article as:

Aimenov A. J., Shahmatova N. V. Legal Consciousness as a Sociological Construct. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 385–388 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-385-388>

УДК 316.347

The Transformation of Language Functions: Sociological Reflection

B. R. Mogilevich

Bronislava R. Mogilevich, <https://orcid.org/0000-0002-4986-9183>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, mogilevich@sgu.ru

The article considers the language functions' evolution in correlation with society development. Language functions are presented from the point of view of various theoretical methodological approaches: behavioral, structural-functional, discourse practices, symbolic interactional, and social constructional. The special role of construction language function, as the most significant under information society, is pointed out. Some examples of this language function activity in establishing national states are given. It is stated that any language makes it possible for its speakers to generate and percept socio-cultural information. In conclusion, languages' special mission of preserving their speakers' socio-cultural heritage is focused on.

Keywords: language functions, social construct, information society, socio-cultural heritage, discourse.

Трансформация функций языка: социологическая рефлексия

Б. Р. Могилевич

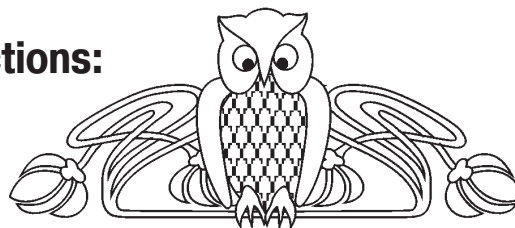
Могилевич Бронислава Рафаиловна, доктор социологических наук, профессор кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, mogilevich@sgu.ru

В статье рассмотрена эволюция языковых функций в корреляции с развитием социума. Языковые функции представлены в контексте разных теоретико-методологических подходов: бихевиоризма, структурного функционализма, дискурсивных практик, символического интеракционизма, социального конструктивизма. Выделена особая роль конструктивной функции языка как наиболее значимой в эпоху информационного общества. Приведены примеры действия конструктивной функции языка при создании национальных государств. Подчеркнуто, что любой язык дает возможность его носителям генерировать и воспринимать социокультурную информацию. В заключение акцентирована особая роль языков для сохранения социокультурного опыта их носителей.

Ключевые слова: языковые функции, социальный конструкт, информационное общество, социокультурное наследие, дискурс.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-389-391>

Human society cannot exist without a language, which is universal by its nature. Languages preserve their speakers' unity in spite of social barriers, therefore they make human society alive in time and space. Language investigations are impossible without considering social conditions of their speakers'

lives. From synchronic point of view, any language presents itself as a unified system, all its elements constructing a unique structure. According to T. Parsons, any language is a universal symbolic system, and only a human being is capable of learning and using this phenomenon conditioned by humans' specific genetic characteristics. Consequently, any humans' verbal and non-verbal means of communication are made by means of a language [1].

According to C. Levi Strauss, human communication implies 3 levels: messages exchange, conveniences exchange and marriage couples exchange. And all these types of exchange are determined by language usage. C. Levi Strauss put forward 3 reasons for this statement:

- these levels' ontogenesis and philogenesis imply language usage;
- these levels are presented in the form of semi-otic behavior, speech-wise and particular;
- all types of non speech behavior can be easily transformed into speech-wise ones [2, p. 99].

E. Durkheim, notifying the main role of linguistics among humanities, put forward an idea of linguistic sociology [3, p. 18–22] R. Murton in his functions' theory revealed 5 meanings of the concept "function" in the form of the following oppositions: open-latent; positive-negative, which to a great extent can be attributed to any language [4, p. 19].

However, the new stage of society development conditioned by establishing information society put forward language problems to the forefront of social life. As a language is a social product and a complex system its rules can be described as the activity of its various functions. The functions, in their turn, demonstrate the way the system elements work in relation to each other and the system itself. In general, any system functions make it possible to construct the unified picture of any phenomenon. The function combination, therefore, provides for making the taxonomic representation of the system. As for a language, the 3 function language model based on information types had been known up to the middle of the 20th century K. Pike proposed a unified languages' model in their social contexts. He considered any language as its speakers' behavior display. The cognitive function was considered to be the main one and was aimed at expressing ideas, concepts and thoughts. This function, according to behavior methodology, expressed language understanding as a tool of expressing thoughts. The second function, an evaluating one, provided the relationships of communication partners. The third

function, an effective one, expressed the processes of emotion and feelings exchange [5, p. 60].

R. Jakobson proposed his own model of language functions. It was focused on the correlation between speech aspects and language functions. The transition from one aspect to another determines language functions activity. The following 5 language functions were distinguished within the frame of this theory:

– emotive – an addressee's aim is to treat communication situation;

– cognitive – the main attention is paid to an addressant, mainly to using vocatives (appeals), and imperatives (indications), both aimed at attracting attention and motivating to activity;

– contextual – the main focus is laid on the theme, content, and discourse;

– report – represents messages themselves;

– contact – using a language for starting, maintaining, and terminating communication;

– code – describing any even/fact by language means [6, p. 110].

According to M. Hallyday's theory of sociological semantics, 7 functions of children's language in the course of time transform into adults 3 macro language functions:

– cognitive function includes evaluative and effective aspects of humans' language activity;

– interpersonal function expresses speech habits, speech situations, and personal relations;

– contextual function implies personal choice of speech content characteristics (lexical, grammatical, phonetic, and stylistic) adequate to extralinguistic situation.

The essence of M. Hallyday's theory was the relationship between content, social, and linguistic components of speech generation, therefore, these language macrofunctions were the tools of transforming meaning into speech actions [7, p. 140–165].

N. V. Mechkovskaya's taxonomy of language function, as the fullest one, is presented by the following components:

– communicative function is the main one and implies the presence of an addressee, an addressant, communication itself, and information; cognitive function means language usage in mental activity – perception, judgements, conclusion, comparison, analysis, memorizing, and preserving information;

– regulative function reveals itself in expressing addressee's intentions and goals in relation to an addressant in term of illocution and perlocution;

– emotional-expressive function actualizes itself in speaker's personal/subjective attitude to utterance content, mainly by means of intonation;

– fatic (establishing contact) function is actualized mainly in greetings, congratulations, common topics (weather, prices, city transport, TV shows, etc) and is dominated by peoples' social status, education level, territorial and gender characteristics;

– metalanguage function implies explaining words' meanings (explaining terms, abbreviations, reductions, and so on);

– esthetic function reflects language users attitude to a language itself, namely to the texts, generated by people, in terms of the texts' beauty, emotional content, stylistic variety, and is manifested, mainly, in fiction, poetry in particular;

– magic function is contained in taboo, swears, incantations, and religious texts, and is actualized in conventional character of language usage (names, word order), aimed at manipulating over others by means of language devices [8].

The second half of twentieth century is characterized by establishing the phenomenon of information society in which generating, receiving, perceiving, and interpreting information became the most important factors human's lives [9]. It was accompanied by the phenomenon of "linguistic turn" in all humanities' investigations which meant that personal characteristics became the main tool of constructing social reality. The term "discourse" came to be used to describe various social processes in the context of social actors' speech characteristics, including extralinguistic situations of peoples' social activity. Moreover, one more language function came into being – a constructive one. This function provided language users to make cognitive actions in frames of their everyday lives' and interpersonal communication. Establishing social relations, mastering social roles in the course of socialization, defines interaction and dialectics between an individual and a language. It means symmetric and asymmetric development of language functions and language structures, for example, post-industrial societies use developed language systems (grammatical, lexical, stylistic), they are presented by English, Russian, French, German, etc. On the contrary, the languages of national minorities lack various grammatical categories (terminology, tense system, numbers, and so on). Moreover, languages play a leading role in establishing national states, for example, English was the main constructive tool in establishing the United Kingdom, the USA – unifying numerous immigrants from various parts of the world. Or, Hebrew, the language of the Bible, contributed to a great extent to establishing modern Israel [10].

Thus, language evolution is inseparable from human society development. It is a social construction, functioning in the form of a system and various subsystems. In the course of mastering languages, native and foreign ones, humans take part in inter-subjective interaction. In their turn, all languages absorb their speakers' life experience and construct their own ones in term of culture, politics, and economics and pass over their socio-cultural heritage from one generation to another.

References

- 1 Parsons T. *The Concept of Society: The Components and Their Interrelations* // Parsons T. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Engelwood Cliff (NJ), Prentice Hall, 1966. 270 p.

- ² Levi-Strauss C. *Social Structure*. London, Hachette UK, 2008. 352 p.
- ³ Alpert H. *Emil Durkheim and Sociology*. New York, Russell & Russell, 1966. 233 p.
- ⁴ Merton R. *Yavnye i latentnye funktsii* [Explicit and Latent Functions]. Moscow, Direkt-Media, 2007. 50 p. (in Russian).
- ⁵ Pike K. L. *Language in Relation to a Unified Theory of Human Behavior*. The Hague, Mouton, 1971. 762 p.
- ⁶ Yakobson R. O. *Lingvistika i eio otnoshenie k drugim naukam. Izbrannye raboty* [Linguistics and Its Relation to Other Sciences. Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1985. 460 p. (in Russian).
- ⁷ Halliday M. A. Language Structure and Language Function. *New Horizons in Linguistics*, 2008, no. 1, pp. 140–165.
- ⁸ Mechkovskaya N. B. *Sotsial'naya lingvistika* [Social Linguistics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000. 208 p. (in Russian).
- ⁹ Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura* [Information Era: Economics, Society, Culture.]. Moscow, GU VSE Publ., 2000. 219 p. (in Russian).
- ¹⁰ Mogilevich B. R. Language Construction of Global Social Reality. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2016, vol. 16, iss. 3, pp. 286–289 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2016-16-3-286-289>

Образец для цитирования:

Mogilevich B. R. The Transformation of Language Functions: Sociological Reflection [Могилевич Б. Р. Трансформация функций языка: социологическая рефлексия] // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 389–391. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-389-391>

Cite this article as:

Mogilevich B. R. The Transformation of Language Functions: Sociological Reflection. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 389–391 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-389-391>

УДК 316.42+303.01

Полевая диалектика: противоречия актора в российском развитии

О. В. Аксенова

Аксенова Ольга Владимировна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, illaio@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы разработки теоретических подходов в эмпирических исследованиях социального развития. Показаны ограничения современных концепций, связанные с низким потенциалом объяснительности, с несовпадением содержания категорий и российских реалий. Анализируются причины обращения к теоретическому инструментарию диалектической логики в исследованиях автора и его коллег, связанные с выявлением парадоксов, которые не удается объяснить при помощи современных подходов, включая полипарадигмальный. В числе этих парадоксов обнаружение феномена активизма в российской и советской системах управления, а также тенденции формализации социальных взаимодействий и алгоритмизации социального действия в западном гражданском обществе. На конкретных примерах показано применение инструментов диалектики для изучения процессов развития, выявления противоречий социального действия и его субъекта в этих процессах. Рассматриваются возможности использования диалектической логики в сочетании с полипарадигмальным подходом, что предполагает критический анализ социологических теорий, соотнесение их с историческим контекстом, в котором данные теории сформировались, выявление изменений содержания их категорий. Сделан вывод о результативности применения диалектической логики для изучения различных версий развития, в том числе развития российского, исторически осуществлявшегося в условиях ограниченного рынка.

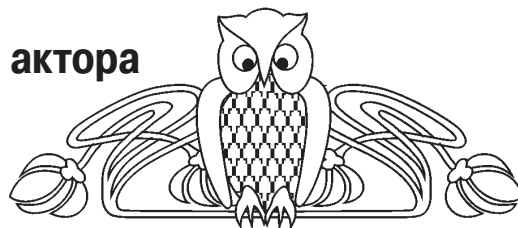
Ключевые слова: теоретический подход, диалектическая логика, противоречие, развитие, актор, агент, социальное действие.

Field Dialectics: Actor's Contradictions in Russian Development

O. V. Aksenova

Olga V. Aksenova, <https://orcid.org/0000-0003-1634-7597>, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), 24/35 korp. 5 Krzhizhanovskogo St., Moscow 117218, Russia, illaio@yandex.ru

The paper is dedicated to the problem of theoretical approaches in empirical sociological studies of social development. The limitations of modern theories related to the insufficient potential of explanatory irrelevance of their concepts to Russian reality are considered. The paper reveals the reasons of dialectic logic theoretical instruments' usage. They are related to the impossibility of the revealed paradoxes' explanation within modern theoretical approaches. One of these paradoxes is concerned with the activity of Russian and Soviet systems of management and governance. The other one is related to the formalization and algorithmization of social interactions and functioning of a social action in Western

civil society. The implementation of dialectic logic for the study of development processes and revealing the contradictions of social action and its subject in these processes are shown. The possibilities of dialectics in combination with polyparadigmatic approach requiring critical analysis of the theories and revealing the correlations with the historical context in which these theories emerged are presented. The conclusion is made on the effectiveness of dialectic logic instruments' usage for studying various versions of progress, including Russian development ones which historically took place in the situation of limited market.

Keywords: theoretical approach, dialectic logic, contradiction, development, actor, agent, social action.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-392-398>

В статье представлен обобщенный тридцатилетний опыт полевых исследований, осуществлявшихся при участии автора по широкому спектру направлений, в числе которых социальные движения, социокультурные аспекты жизнедеятельности местных сообществ, экологическая политика и управление, местная политика, профессионалы в российской модернизации и ряд других. Все исследовательские проекты так или иначе были связаны с процессами развития, в разные периоды обозначившиеся как «транзит», «реформирование», «модернизация». Экологическая модернизация изучалась в Нидерландах и России. Каждое исследование включало поиск подходящего теоретического инструментария, его адаптацию к ускользающим от анализа российским реалиям. В итоге после долгих дискуссий, размышлений, проб и ошибок был разработан подход к изучению отечественной модернизации, в основании которой оказалась диалектическая логика в ее марксистской интерпретации как внутреннего механизма развития материального мира. Подход сфокусирован на роли в развитии субъекта социального действия, который концептуализирован как противоречивое единство «агента» и «актора». Изложенная ниже история создания данной методологии позволяет показать причины обращения к классической теории XIX в. и продемонстрировать ее исследовательский потенциал в условиях, когда сам постмодерн того и гляди устареет, даже при свободе выбора новейших концепций.

Проблемы теории в практической социологии

В начале 1990-х гг. российские социологи едва ли не полностью отказались от наследия Гегеля и Маркса, не обращая внимания на то, что

их западные коллеги продолжали считать последним одним из основоположников социологии. Позже марксизм начал возвращаться, чаще имплицитно, иногда эксплицитно, в ряду других теорий. В настоящее время началось осмысление перспектив его использования в современных исследованиях¹. Но в первые постперестроечные годы для эмпирических исследований, казалось, открылось царство методологической свободы с широким выбором теоретических инструментов и практически неограниченными возможностями. Однако ограничения обозначились довольно скоро.

Наиболее заметным было несовпадение содержания категорий и вроде бы соответствующей им реальности. Быстрее всего это выяснялось в совместных проектах, выливаясь в острые дискуссии с западными коллегами. Например, в нашем случае существенно различалась интерпретация социального движения в западной социологии и его характер в России, о чем речь пойдет несколько позже. Данная проблема частично решалась посредством корректировки категорий или выбора наиболее общих определений. Так, трактовка институтов как норм и правил² позволяла выявлять разнообразную и постоянно трансформирующуюся систему формальных и неформальных правил, регулирующих экологическую и местную политику, управление, жизнедеятельность местных сообществ в целом.

Следующим ограничением были узкие рамки интерпретаций, заданные высокоспециализированными концепциями. Они не позволяли изучить предмет как целостность, выделяя какую-либо одну его сторону. Например, теория мобилизации ресурсов³ выявляла способы мобилизации ресурсов и организации деятельности движений, но оставляла неисследованным феномен активизма, акционизм⁴, наоборот, фокусировался исключительно на акторе.

Единственным выходом было использование полипарадигмального подхода. Множество теорий должны были иметь большую объяснительную силу, чем одна, поскольку позволяют анализировать различные аспекты изучаемого предмета, а в итоге составить представление о целом. Так, В. А. Ядов перечисляет шесть различных подходов, использованных для изучения социальных идентификаций россиян, включая марксизм, рациональный выбор, бихевиоризм, психоанализ: «Ни одно из приведенных толкований не представляется “лишним”, но обеспечивает многосмысловое понимание проблемы»⁵.

Однако полипарадигмальность вызвала обоснованные возражения, наиболее значимым из которых представляется несовместимость парадигм, созданных в различных контекстах: «Неправомерное смешение разных методов порождает своего рода логический коллапс полипарадигмальных теоретических построений: поскольку метод есть истина предмета, взятая

в определениях познающего его научного сообщества, постольку употребление взаимоисключающих методов имеет следствием “конфликт истин”»⁶. Тем не менее, иного способа решить проблему не существовало, поэтому категории до возможных пределов согласовывались внутри конкретного исследовательского проекта.

Пожалуй, главной сложностью стал ощущимо недостаточный объяснительный потенциал равным образом теорий среднего уровня и теоретических парадигм. Они позволяли интерпретировать результаты исследований, но не объяснять их. О кризисе объяснительности писал еще в конце 1980-х гг. Р. Коллинз, связывая его с отсутствием согласованной концепции, подобной тем, что сложились еще в XIX в. в естественных науках. Причины ее отсутствия заключаются, по его мнению, в растущей специализации социологии, обусловленной разнообразием объекта ее исследования, коим является весь социальный мир, в соперничестве множества теоретических школ, а также в политической ангажированности ученых: «Все эти обстоятельства затрудняют поиск тех точек, где сходятся разные теоретические объяснения. Это лишает возможности собрать обрывочные данные, поставляемые различными подходами, в стройную, согласованную модель»⁷. Несводимость понятий к общему, элементарному основанию является на самом деле главной причиной всех перечисленных выше методологических проблем.

Постмодернизм разрешает кризис объяснительности, отмахнувшись от него: истина относительна, восприятие субъективно, реальность сложна, допускается множество ее интерпретаций и их комбинаций. Социологическая практика должна в этой связи стать чистым нарративом, описанием событий, не претендующим на обнаружение внутренних закономерностей, существенных оснований происходящего, объективных причинно-следственных связей и т. п. По сути, постулируется отсутствие веками двигавшего науку простого любопытства, стремления заглянуть за пределы видимости явлений.

Российская эмпирическая социология не утратила наивного желания узнать, как устроен мир. Она не может от него отказаться еще и потому, что даже решение практических задач требует ответа на вопросы, что происходит и почему. Приходится выяснять, что скрывается за непосредственной данностью социального мира вне зависимости от кризиса объяснительности, столкновения истин, разницы контекстов, ангажированности теоретиков и субъективности научного восприятия. Поэтому неизбежным было появление множества своего рода частных объяснительных теоретико-методологических подходов, основанных на единственно возможной в сложившихся условиях полипарадигмальности. Они согласуются внутри себя при помощи разных логических приемов, включая корректиров-

ку категорий в соответствии с целью, предметом и контекстом исследования. Их редко замечает теория среднего и высшего уровня, так как они разрабатывались для отдельных, весьма конкретных исследований, коих великое множество. Теоретическая значимость этих подходов чаще всего остается лишь пунктом диссертационных работ. В публикациях они обозначаются несколькими строками, не раскрывающими в полной мере их содержания, а процесс их создания и вовсе остается за кадром.

Эти подходы, несомненно, умножают и без того великое число слабо согласованных научных абстракций, но в то же время многие из них ценны тесной связью процесса абстрагирования с конкретной, непосредственно данной реальностью, в соответствии с которой уточнялись категории и определялись возможности и границы используемых концепций. Возвращение инструментов диалектической логики происходило в связи с появлением конкретных исследовательских задач, которые можно было решить лишь с их помощью.

Изменчивость объекта и ее отражение

Смена научных парадигм в социологии существенно отличается от аналогичного процесса в естественных науках. Точно так же теория следует за результатами наблюдений, но наблюдаемая реальность меняется на протяжении жизни одного поколения исследователей, а при смене эпох и того чаще. В этих условиях практически не действует принцип соответствия, согласно которому старая концепция становится частным случаем новой, как это происходит в естественных науках. В науках об обществе парадигмы отрицают друг друга едва ли не полностью, выстраивая принципиально новую картину мира.

Быструю смену теорий среднего уровня в экосоциологии нам удалось наблюдать в течение примерно пятнадцати лет. В определенном смысле это было научной удачей, так как позволило сопоставить изменения в используемой теории с трансформациями предмета исследования (западным экологическим движением, экополитикой и управлением), одновременно сравнивать происходящее с их российскими аналогами, а в итоге выяснить, автономна ли теория или детерминирована реальностью.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в исследованиях социальных движений использовались, главным образом, теории, сфокусированные на ценностях и ценностно-ориентированных действиях новых социальных движений. Основной была деятельностно-активистская концепция А. Турена (акционизм). Его центральная категория, актер, меняющий своими действиями социальную реальность, соответствовала российскому контексту: в этот период в СССР, а затем в России был мощный всплеск гражданской ак-

тивности, движения, в первую очередь экологическое, затем и рабочее, формировались стремительно, быстро становились массовыми.

Ситуация в методологии исследований изменилась в 1993–1994 гг. В наших совместных с Нидерландами проектах по изучению экологического движения и экологической политики акционистский подход уже считался устаревшим и к использованию не рекомендовался. Голландские социологи требовали фокусировать исследование на институтах, организации, сетях связей и т. п., использовать в первую очередь теорию экологической модернизации, в которой движение рассматривалось в качестве одного из функциональных элементов управления охраной окружающей среды⁸. Данное требование имело отнюдь не субъективные основания. Исследования экологической политики в Нидерландах и сотрудничество с голландским экологическим движением показали, что теория полностью отражает реальную ситуацию. Социальное движение трансформировалось в хорошо организованную и высоко-специализированную сеть неправительственных организаций, в которой гражданская самоорганизация осуществлялась по строго определенным алгоритмам, заданным множеством методических материалов и требованиями грантовых программ. Она была тесно связана с управленческими государственными структурами, с частными консалтинговыми фирмами и экологическими департаментами корпораций, все вместе было частью сложной управленческой системы. Самоорганизацию в этих условиях можно было назвать скорее саморегулированием, поскольку ее актер терял самостоятельность, действовал в соответствии с нормами и правилами, а не ценностями, как это было ранее.

К началу нового столетия объект изучения изменился в очередной раз в связи с глобализацией. В начале XXI в. голландские коллеги формулируют и предлагают к обсуждению теорию экологических потоков и их регулирования⁹. Актору же не может изменять реальность, поскольку поток не зависит от его воли, разума, активности, способности к самоорганизации. Во время конференции в университете г. Вагенинген в 2005 г. было предложено понятие агента, обслуживающего потоки, функцией которого является обеспечение безопасности окружающей среды. Смены категорий в социологии не произошло, актер и агент продолжают использоваться как синонимы, но, по сути, актер перестал быть действующими субъектом, окончательно превратившись в субъекта-функцию. В концепции актерских сетей (АНТ) он и вовсе равен всем прочим материальным и нематериальным элементам технологической цепочки¹⁰.

Мы наблюдали как концепция мигрировала географически вслед за реальностью, которую она отражала. Экологическая модернизация была теорией индустриальной системы, создава-

лась и развивалась на основе исследований охраны среды в промышленных отраслях, в частности химической промышленности, Нидерландов и вслед за промышленностью вместе с исследованиями ее авторов переместилась в Китай¹¹.

Таким образом, экосоциология за чуть больше чем десять лет совершила переход от ценностных концепций к почти технологическим теориям, каждый раз предлагая новую интерпретацию реальности. Они сменяли друг друга в социологическом дискурсе как в калейдоскопе, вытесняя предшествующие, в том числе из сознания самих ученых.

Эта разорванность, дискретность процесса осмысления реальности и одновременно очевидная детерминированность его этой реальностью заставила в поисках инструмента, пригодного для объяснения происходящего, обратиться к методологии К. Маркса: к рассмотрению теории как зеркала реальности, отражающего ее противоречия и изменения. «Капитал», в название которого входит и «Критика политической экономии», построен во многом на ретроспективном анализе теорий, из которых извлекается отраженная в них реальность.

Кроме того, перечисленные выше концепции заставили вспомнить понятие «вульгарная политическая экономия», которое не имело привычных нам коннотаций, а обозначало отражение наукой непосредственной данности и интерпретации ее как сущности без попыток исследовать последнюю. Использование самих современных подходов считалось на Западе хорошим тоном, но оно же ликвидировало возможность понять, какие изменения происходят в предмете исследования, придавая его результатам дополнительную «вульгарность».

Ретроспективный анализ изменения социально-экологических идей выявил радикальное изменение содержания категории «актора», который в конце 1980-х – начале 1990-х гг. превращается из действующего субъекта, меняющего мир, в субъекта-функцию, этот мир обслуживающего¹². С нашей точки зрения, это было достаточным основанием для введения категории «агента», предложенной голландскими коллегами. Разделение категорий на «актора» и «агента» зафиксировало реальное направление развития: от действующего субъекта к субъекту-функции. Разумеется, сфера охраны окружающей среды не является заповедником технократического тоталитаризма, редуцирующего актора к агенту. Она лишь часть жизнедеятельности социума, в которой происходили те же самые изменения. Потребовался более широкий ретроспективный анализ теоретических интерпретаций субъекта социального действия для того, чтобы выявить общий тренд трансформаций, который подтвердил направленность изменений на формализацию социального действия и функционализацию его субъекта¹³.

Возвращение противоречия

В России изменений в содержании категории «актора» не наблюдалось вовсе. На протяжении всего периода исследований он продолжал действовать самостоятельно, в соответствии со своими ценностями. Характер российского активизма, соответствовавший движениям 1960-х – 1970-х гг. на Западе, давал основания для использования несколько скорректированного полипарадигмального подхода при его изучении. И. А. Халий сопоставила меняющиеся друг друга парадигмы с историческими процессами для того, чтобы получить методологию изучения общественных движений в России: «Можно сказать, что каждая парадигма отражает определенный этап развития социальных движений. Тем не менее, их авторы, критикуя предыдущие подходы, предлагают свою теоретическую систему как единственно адекватную для проведения анализа. В то же время исследовательский опыт показывает, что на каждом этапе развития общества существуют движения, которые можно изучать, применяя те или иные теории и подходы каждой из парадигм»¹⁴. В данном случае имелось в виду российское общество и его особенности.

В проекте по изучению экологической модернизации в России и в Нидерландах также удалось настоять на использовании акционистского подхода вместе с концепцией экологической модернизации. Последняя позволила выявить схожие тенденции в российском экологическом управлении: возникновение множества некоммерческих и коммерческих организаций, функционально включенных в процесс государственного управления. Конфликт истин имел место: экологическая модернизация содержала понятие актора, радикально отличающегося от такой же категории в акционизме. Но именно он обнажил сочетание модернизационных тенденций с сохранением действующего субъекта. Более того, социальный активизм обнаружился там, где его быть не должно, – в управленческих структурах. А расширение исследований за пределы экосоциологии находило актора повсеместно: в организациях культуры, в школах и школах искусств, в муниципальной власти, в отраслевых структурах управления. Активизм был выявлен в сферах, где нужно выполнять приказы, соблюдать нормы, следовать инструкциям и алгоритмам, в профессиональной деятельности и управлении. Но наиболее парадоксальным стал активизм и свободно действующий субъект в системе управления Советского Союза.

Приходится признать, что сила воздействия теоретических подходов, занимающих место мейнстрима социологического и политологического дискурса, чрезвычайно велика. Априорность концепции тоталитаризма мешала просто вспомнить реальность, которая для старшего по-

коления социологов была непосредственно данной: актор в ней присутствовал.

Самым приемлемым объяснением этому казались институциональная жесткость и неповоротливость советской системы управления и недостаточная развитость российской, которая в отличие от западной технологической системы не может дотянуться до каждого, чтобы превратить его окончательно в функцию.

Согласно одной из первых гипотез, актор действовал вопреки системе, что и обеспечило успехи советского модерна. В материалах исследований было много историй о борьбе с системой, подтверждающих эту идею. Однако противостояние системе зачастую происходило одновременно с борьбой с собственными подчиненными, с их рискованной самостоятельностью. Также стало ясно, что актор-профессионал являлся одновременно и агентом, соблюдающим нормы.

Иными словами, сама реальность возвращала нас к понятию диалектического противоречия, заставляя интерпретировать субъекта социального действия как противоречивое единство агента и актора, а социальное действие – как единство действия нормативного и свободного. От представления о неповоротливости советской системы управления пришлось отказаться, так как в экстремальных ситуациях она реагировала стремительно, организационно перестраивалась, сознательно расширяя пространство свободного действия профессионалов. То есть актор присутствовал в системе управления не случайно, не по недосмотру и глупости управляющего центра, он на самом деле был ее функциональным элементом.

Противоречие социального действия развертывалось в противоречия агента и актора, актора и системы, норм и ценностей, централизации и децентрализации. Оно снималось посредством формирования системы, в которой актор играл одну из ключевых ролей.

В западном модерне то же самое противоречие снималось посредством полной алгоритмизации действия, превращения актора в агента и формированием гибкой, сложной, способной к саморегулированию системы, функции которой компенсируют утрату человеком способности свободно мыслить и действовать. Однако она не способна гибко и быстро реагировать на ситуацию хаоса, требующую нетривиальных решений.

Диалектика формы и содержания

С феноменом научной слепоты или, наоборот, невидимости гражданской активности соотечественников мы столкнулись в 1990-е гг. Российский активизм был известен лишь тем, кто его изучал. Общепринятым было скорее представление о «винтике системы» в СССР и о низкой социальной активности российского на-

селения, об отсутствии гражданского общества или его слабой развитости.

Отчасти причины данного явления связаны с ангажированностью общественных наук, а также неуловимостью российских реалий для категорий, созданных в контексте западного модерна и постмодерна. Но есть и более глубокая причина, обусловленная диалектикой сущности и явления. Форма проявления может не соответствовать сущности, но при этом она всегда положена сущностью, обусловлена и определена ею.

Советские политическая и управленческая системы действительно выглядели жесткими и монолитно централизованными. Более того, они именно такими себя демонстрировали. Актор стремится максимизировать свободу действия, система – ее ограничить, что проявляется в борьбе «героя» против «системы». Эта борьба в полном согласии с законами диалектики является одновременно частью системы как целого. Автономность звеньев управления, которые одновременно тождественны и нетождественны системе, содержит возможность их обособления. С одной стороны, это риск существования системной целостности, с другой – неотъемлемая ее часть, обеспечивающая гибкость и воспроизводство в случаях катастроф, когда связь с управляющим центром разорвана.

В технологической системе борьба с ней просто исключена. Она не содержит пространства свободы, в котором мог бы действовать актор, кроме того, изначальная нормативность и алгоритмизированность действия не требует давления на его субъекта.

Имеет место также видимость случайности актора-врача, учителя, администратора, активиста инициативной группы и т. п. Сильная личность, и тем более ценностно ориентированная и деятельная, – явление единичное в любом обществе и в любое время. К тому же число акторов оказалось достаточным для того, чтобы российская провинция смогла противостоять деградации 1990-х гг., удерживая высокий уровень школьного образования и сохраняя культуру. Это сочетание случайности и закономерности наблюдается во всех наших исследованных. Общее число случайностей складывается в закономерность, определяющую развитие страны, а в эпохи разлуки – ее сохранение.

Историческое и логическое

Изучение предмета исследования в его историческом развитии в наших исследованиях сначала использовалось потому, что иначе выявить его свойства не удавалось: объект и предмет менялись буквально на глазах, настоящее очевидным образом определялось их прошлым. Нельзя было объяснить без знания истории действия российских врачей и учителей, работавших в 1990-е гг. без зарплаты. Наши западные коллеги,

которым она была неизвестна, так и не смогли понять данный феномен.

Осознание факта, что история разворачивается у нас на глазах и определяет наблюдаемую нами современность, вернуло к диалектике исторического и логического. Она предполагает рассмотрение предмета исследования в его историческом развитии, которое в свернутом виде содержится в сложившейся, развитой целостности. По этой причине история актора в становлении российского модерна изучалась уже после исследования всех противоречий акторской системы. Историческая ретроспектива обнаружила формирование системы управления, построенной на пространстве свободы профессионала, его самостоятельности и активности начиная с реформ Петра I. Тенденцию замены актора агентом можно отследить на протяжении едва ли не всей истории западного модерна, в российской же истории обнаружить ее не удалось.

Подводя итоги, отметим, что обращение к диалектической логике было продиктовано наблюдаемыми фактами, постоянно выявляемыми противоречиями и неожиданными для нас самих парадоксами. Возвращение именно к марксовской версии диалектики, с нашей точки зрения, закономерно и обоснованно. Ее инструментальный формировался в эпоху действительно прорывного развития общества, вместе с другими концепциями меняющегося мира. Она является результатом осмысления развития, которое сделало зримыми трансформации социума и позволило выявить их внутренние механизмы. Отрицание прошлого с его последующим восстановлением на новом уровне, развертывание противоречий между трудом и капиталом в этот период были наблюдаемыми явлениями, происходившими в реальности, а не в сознании исследователя.

Точно так же в последние десятилетия стали явными внутренние закономерности трансформаций российского общества, вытесняющая противоречия едва ли не на поверхность. Самым сложным оказалось их увидеть и осознать, несмотря на давление теорий и связанных с ними общепринятых установок, занимающих место мейнстрима в социологическом и политическом дискурсе.

Использование инструментов диалектической логики не отрицает значимости многочисленных социологических концепций среднего уровня, научных парадигм и бесчисленного множества прикладных исследований. Она предполагает лишь их критический анализ, соотношение их с объектом изучения и историческим контекстом появления концепции, что позволяет выявить изменения содержания категорий.

Детерминированность теорий среднего уровня реальными процессами представляется очевидной. Однако и теоретические парадигмы в социологии вынуждены следовать за предметом изучения, чем в числе прочего объясняется

разорванность теории и их конфликтующие категории. В этом смысле даже постмодернистская изощренная оторванность теории от мирских реалий ими же и детерминирована, а потому также требует изучения.

Развитие как развертывание противоречий нередко интерпретировалось как частый случай развития в XX в. или отрицалось вовсе вместе с диалектикой. Помимо неоднократно упоминавшейся ангажированности, обусловленной в данном случае интересами борьбы с социализмом, причина отказа от использования данной категории может быть связана со сложностью его обнаружения в относительно стабильном и/или в чрезвычайно сложно устроенном обществе, изменения которого порождают не просто маскирующие содержание превращенные формы, но формы, лишённые всякого содержания.

Диалектическая логика в своей материалистической интерпретации может служить инструментом для изучения специфики российского развития. Проблемы несовпадения категории с реальностью не возникают по причине общего характера ее законов и принципов. Они в результате годятся для изучения не только западного модерна, но и других вариантов развития. Целый ряд существенных отличий России и Запада обусловлен разницей в способе снятия противоречия агента и актора, и в этом нет ничего мистического, недоступного для ума. Причины этой разницы пока можно лишь предполагать, их выявление требует отдельного исследования.

Единство анализа и синтеза, а также абстрактного и конкретного позволяло исследовать реальность, не ограничиваясь ее расчленением на части. Анализ давно уже стал синонимом исследования, но без синтеза, т. е. возвращения к конкретной, меняющейся целостности, приводит к появлению не связанных, а часто противоречащих друг другу ее интерпретаций. В ходе исследований субъекта социального действия мы абстрагировались от ряда его свойств для того, чтобы выявить его существенные характеристики. В частности, не рассматривается характер общественных отношений, к которому в дальнейшем необходимо вернуться.

Очевидно, что сложившаяся в советском модерне акторская система формировалась в условиях ограниченного рынка на протяжении всей своей истории, а технологическая была рождена развитием капитализма. Даже ее анализ в «чистом», абстрактном виде постоянно возвращает исследователя к рыночным отношениям, в которых и проявляются сложность, гибкость и саморегулирование технологической системы. В этой связи возникает вопрос, возможен ли прогресс, не редуцирующий человека к функции. Полевые исследования лета 2019 г. обнаружили существенное сокращение пространств свободы в образовании и медицине, сохранявшихся в этих отраслях еще четыре года назад. Однако будущее

современного капитализма также неясно, так что вопрос остается открытым.

Диалектическая логика, с нашей точки зрения, является в настоящее время наиболее адекватным требованиям изучения развития инструментом, она более чем какой-либо иной подход соответствует современной реальности, в которой все не то, чем кажется, и которая к тому же продолжает меняться в неизвестном направлении.

Примечания

- ¹ См.: Вебер А. Б. Понять Маркса. К 200-летию со дня рождения К. Маркса // Свободная мысль. 2018. № 2. С. 172–185.
- ² См.: Норт Д. К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики (Institutions, Institutional Change and Economic Performance (1990)). М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- ³ См.: Jenkins C. Resource mobilization theory and the study of social movements // Annual Review of Sociology. 1983. Vol. 9. P. 527–553; Tilly Ch. From mobilization to revolution. Englewood Cliffs, 1978.
- ⁴ См.: Touraine A. An Introduction to the Study of Social Movements // Social Research. 1985. Vol. 52, № 4. P. 749–785.
- ⁵ Ядов В. А. Возможность совмещения теоретических подходов // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 12.
- ⁶ Качанов Ю. Л. Полипарадигмальный подход, логика и социологические понятия // Социс. 2010. № 8. С. 16.
- ⁷ Коллинз Р. Социология: наука или антинаука? // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 89–90.
- ⁸ См.: Mol A. P. J. The Refinement of Production. Ecological modernization theory and the chemical industry. Utrecht: Van Arkel, 1995.
- ⁹ См.: Mol A. P. J., Spaargaren G., Buttel F. H. Governing Environmental Flows: Global Challenges to Social Theory. Cambridge, MA: MIT Press, 2006.
- ¹⁰ См.: Latour B. Reassembling the social An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- ¹¹ См.: He G. Z., Boas I. J. C., Mol A. P. J., Lu Y. L. What drives public acceptance of chemical industrial park policy in China? // Resources, Conservation & Recycling. 2018. Vol. 138. P. 1–12; Zhang L., Xu Y., Oosterveer P., Mol A. P. J. Consumer trust in different food provisioning schemes: evidence from Beijing, China // Journal of Cleaner Production. 2016. Vol. 134. P. 269–279.
- ¹² См.: Аксенова О. В. Генезис социально-экологической рефлексии на Западе во второй половине XX века // Социс. 2004. № 9. С. 68–76.
- ¹³ См.: Аксенова О. В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: ИС РАН, 2016. С. 21–54.
- ¹⁴ Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: ИС РАН, 2007. С. 11.

Образец для цитирования:

Аксенова О. В. Полевая диалектика: противоречия актора в российском развитии // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 392–398. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-392-398>

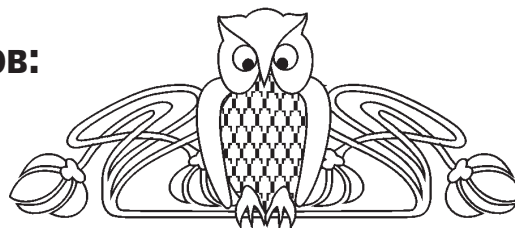
Cite this article as:

Aksenova O. V. Field Dialectics: Actor's Contradictions in Russian Development. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 392–398 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-392-398>

УДК 316.334.2

Финансовое поведение пенсионеров: трансформация под влиянием цифровой экономики?

Н. В. Дулина, Д. В. Моисеева

Дулина Надежда Васильевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, Волгоградский государственный университет, nv-dulina@volsu.ru

Моисеева Дарья Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Менеджмент и финансы производственных систем и технологического предпринимательства», Волгоградский государственный технический университет, moiseeva-d@yandex.ru

В работе представлен анализ процессов трансформации финансовых практик современных российских пенсионеров под влиянием цифровой экономики. Обзор современных российских и зарубежных исследований финансового поведения пенсионеров выявил слабую разработанность выделенной проблематики. В данной научной работе использованы результаты проекта «Мониторинг финансового поведения», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012–2016 гг. Выполненное исследование наглядно демонстрирует невысокую вовлеченность старшего поколения в использование информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей, что значительно ограничивает их возможности в приобретении современных финансовых продуктов/услуг. Несмотря на это, процесс потребления современных финансовых продуктов/услуг пенсионерами все же развивается. На протяжении 2012–2016 гг. финансовые практики пожилых людей стали разнообразнее: более широко используются пластиковые карты, мобильный банк, интернет-банкинг. Часть пенсионеров, которые освоили Интернет, активно осваивают современные цифровые финансовые продукты, а также пользуются электронными государственными услугами, приобретают товары в интернет-магазинах и оплачивают счета. Для предупреждения развития цифрового неравенства необходимо проводить активную работу по популяризации преимуществ цифровой экономики и повышению информационной и финансовой грамотности пенсионеров.

Ключевые слова: пенсионер, цифровая экономика, финансовые продукты/услуги, финансовые практики, финансовое поведение.

Financial Behaviour of Pensioners: Transformation under the Influence of the Digital Economy?

N. V. Dulina, D. V. Moiseeva

Nadezhda V. Dulina, <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, Volgograd State University, 100 Prosp. Universitetskii, Volgograd 400062, Russia, nv-dulina@volsu.ru

Dar'ya V. Moiseeva, <https://orcid.org/0000-0003-2044-3418>, Volgograd State Technical University, 28 Lenin Ave., Volgograd 400005, Russia, moiseeva-d@yandex.ru

The paper analyzes the transformation of financial practices' processes of modern Russian pensioners under the influence of the

digital economy. The review of modern Russian and foreign studies of financial behavior of pensioners revealed a weak development of the separate problems. The study was implemented within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2012–2016. The study demonstrates the low involvement of the older generation in the use of information technologies and telecommunication networks, which significantly limits their ability to purchase modern financial products/services. Despite this, the process of consumption of modern financial products/services by pensioners is developing. During 2012–2016 older people's financial practices became more diverse: plastic cards, mobile banking, Internet banking became more widely used. Having mastered the Internet, some pensioners actively use modern digital financial products and electronic public services, purchase goods in online stores and pay bills. In order to prevent the development of digital inequality, it is necessary to actively promote the benefits of the digital economy and increase the information and financial literacy of pensioners.

Keywords: pensioner, digital economy, financial products/services, financial practices, financial behavior.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-399-406>

Новая национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная в конце 2018 г., обозначила переход работы по цифровизации экономики России на новый уровень. Запланированные мероприятия, бесспорно, значимы для развития экономики страны, однако остро встает вопрос о готовности населения к подобному переходу, не повлечет ли данная инициатива рост цифрового неравенства, не окажутся ли большие группы населения (например пенсионеры) исключены из создаваемой цифровой среды? Цель данной работы – анализ трансформации финансовых практик современных пенсионеров в условиях цифровизации российской экономики. Выбор именно финансовых практик не случаен: финансовая сфера демонстрирует значительный рост цифровизации как внутренних бизнес-процессов, так и внешних предложений – цифровых финансовых продуктов. Приобретение и пользование современными финансовыми продуктами/услугами требует от потребителя высокой функциональной грамотности – цифровой, информационной, электронной, финансовой и др. На наш взгляд, степень вовлечения пенсионеров в пользование цифровыми финансовыми продуктами может служить индикатором, во-первых, их готовности к погружению и погруженности в цифровую среду, во-вторых, цифрового неравенства.

В целом проблематика финансового поведения разработана слабо, а обращение к отдельным социальным группам встречается совсем редко. Отдельные аспекты финансового поведения российских пенсионеров обсуждаются в работах П. М. Козыревой, А. И. Смирнова¹, Л. С. Ржаницыной², Т. Б. Аншуковой³, Ю. П. Лежниной⁴, М. М. Стариковой⁵. Зарубежный опыт представлен работами А. Lusardi, O. S. Mitchell, V. Curto⁶, A. M. Adam, M. O. Boadu, S. Frimpong⁷, T. K. Nira, O. M. Mugenda⁸. В работах зарубежных авторов поднимаются проблемы, актуальные и для практики российских исследований финансового поведения пенсионеров. Они позволяют выделить общие и особенные для России направления изучения выбранного объекта.

Необходимо отметить, что в последнее время органы государственной власти стали уделять значительно больше внимания проблемам пенсионеров. Постановлением от 31 марта 2017 г. № 372 госпрограмма «Социальная поддержка граждан» дополнена подпрограммой «Старшее поколение», задачами которой обозначены «организация своевременного и в полном объеме предоставления мер социальной поддержки гражданам старшего поколения и обеспечение доступа граждан старшего поколения к информационным ресурсам»⁹. На сайте Росстата появился раздел «Старшее поколение», содержащий информацию о демографических показателях, пенсионном обеспечении граждан пожилого возраста и мерах по их социальной поддержке и др.

Одним из доступных и наиболее значимых на сегодняшний день является исследование «Финансовое поведение пожилых людей в России в контексте цифровизации»¹⁰, материалы которого были представлены 15 июня 2018 г. в Совете Федерации на заседании Совета по развитию социальных инноваций субъектов РФ¹¹. Данное исследование представляет собой кейс-стади – сочетание кабинетного исследования, экспертных интервью, количественного опроса, холл-теста и фокус-групп. В нем дана обстоятельная характеристика финансового поведения пожилых людей и предложены рекомендации по организации эффективной работы с пожилыми людьми в банках. Исследование выполнено на стыке маркетинга и социологии, но в большей степени ориентировано на решение маркетинговых задач.

Анализ современных российских и зарубежных исследований финансового поведения пенсионеров наглядно демонстрирует актуальность, востребованность обсуждаемой проблематики и ее слабую изученность. В рамках данной работы больше внимания будет уделено пользованию пенсионерами цифровыми финансовыми продуктами.

Информационной базой исследования стали данные всероссийского опроса населения «Мониторинг финансового поведения» за 2012–2016 гг. (далее – Мониторинг). Доступ к массиву данных получен через Единый архив экономических и социологических данных НИУ «Высшая школа экономики». Мониторинг представляет собой всероссийский опрос населения, репрезентирующий взрослое (старше 18 лет) население Российской Федерации по полу, возрасту, трудовому статусу (занятость) и типу населенного пункта, в котором проживает респондент, а также отдельных федеральных округов Российской Федерации. Суммарный объем реализуемой выборочной совокупности представлен в табл. 1, погрешность выборки – 3,4%. Для достижения поставленной цели нами в массивах данных были выделены две группы: «пенсионеры» и «непенсионеры», в зависимости от ответа на вопрос: «Являетесь ли Вы в настоящее время пенсионером?».

Нельзя не заметить постепенное увеличение год от года доли пенсионеров в общем объеме выборки, что лишний раз свидетельствует о необходимости уделять больше внимания проблемам, с которыми сталкивается данная социальная группа.

Инструментарий исследования «Мониторинг финансового поведения» включает в себя более 700 индикаторов. Для решения поставленных задач нами были отобраны вопросы, наиболее ярко отражающие процессы цифровизации финансовой сферы, а именно наличие и практики использования банковских карт, пользование электронными платежными системами, мобильным банком, интернет-банкингом.

По данным Банка России, число платежных карт, эмитированных кредитными организациями, в 2016 г. составило 254 737 ед., рост по сравнению с 2012 г. составил 1,56 раза¹². Наличие и способ использования пластиковых карт характеризует вовлеченность респондента в цифровую финансовую среду. На рис. 1 представлена динамика положительных ответов на вопрос:

Таблица 1

Объем выделенных групп

Являетесь ли Вы в настоящее время пенсионером?	2012 г.		2013 г.		2014 г.		2015 г.		2016 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Да, являюсь	446	27,7	459	28,1	475	29,2	490	30,6	496	31,0
Нет, не являюсь	1162	72,3	1175	71,9	1154	70,8	1110	69,4	1104	69,0
Итого	1608	100,0	1634	100,0	1629	100,0	1600	100,0	1600	100,0

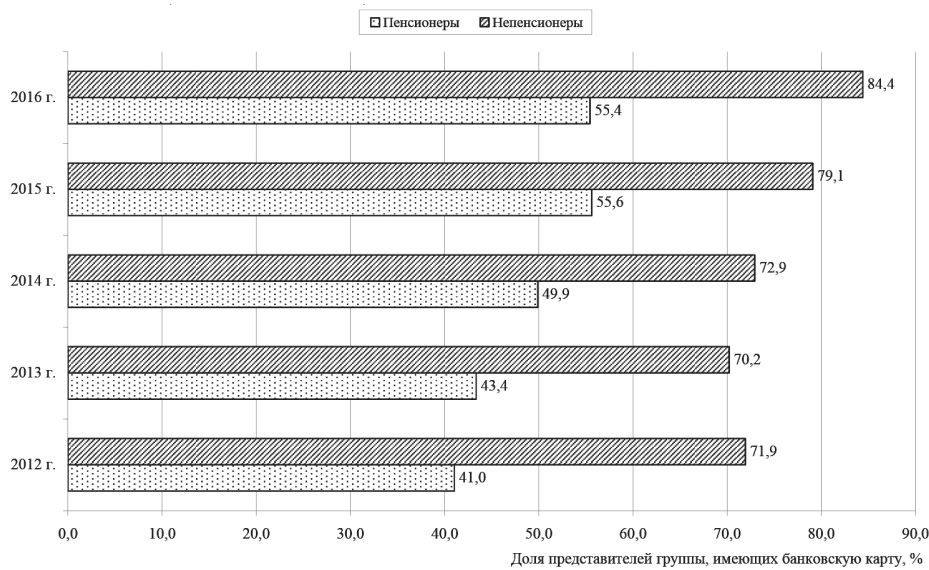

Рис. 1. Динамика положительных ответов на вопрос: «Лично у Вас есть банковская (пластиковая) карта?»

«Лично у Вас есть банковская (пластиковая) карта?».

Подавляющее большинство (84,4%) населения трудоспособного возраста России владеет пластиковыми картами, на протяжении пяти анализируемых лет наблюдается постоянный рост доли людей, имеющих банковскую карту. Среди пенсионеров этот показатель значительно ниже: в 2012 г. только 41% опрошенных пенсионеров указали на наличие банковских карт, в 2016 г. их доля выросла до 55,4%. Даже принимая во внимание тот факт, что за время проведения Мониторинга часть непенсионеров перешла в группу «пенсионеры», можно заключить, что и на простейшем уровне погружения в цифровую среду – пользование банковской картой – пенсионеры значительно уступают населению трудоспособного возраста. Рассмотрим практики пользования банковскими картами (табл. 2).

Наиболее распространенной практикой использования банковской карты (как среди пенсионеров, так и среди более молодых людей) является снятие денег в банкоматах. Значительно распространилась практика безналичных расчетов за товары и услуги в России: среди населения трудоспособного возраста – с 28,8% в 2012 г. до 72,4% в 2016 г. (т. е. 2,5 раза), среди пенсионеров – с 11,0% в 2012 г. до 55,3% в 2016 г. (т. е. 5 раз). Среди непенсионеров стабильна доля тех, кто использует банковскую карту для хранения сбережений (около 20,0%), а вот среди пенсионеров использование банковской карты для сбережения стало менее распространено (в 2012 г. – 29,1%, в 2016 г. – 19,6%).

И среди непенсионеров, и среди пенсионеров стала более распространена практика погашения кредитов при помощи банковских карт. В

опросе 2016 г. было добавлено два новых варианта ответа – «Для перевода денежных средств на другие счета (другим людям)» и «Для получения бонусов и привилегий при оплате товаров и услуг в ряде магазинов, организаций» – оба ответа чаще выбирались населением трудоспособного возраста, чем пенсионерами. В целом можно заключить, что пенсионеры менее активны в использовании банковских карт, чем непенсионеры, однако процесс расширения спектров использования ими банковских карт идет заметными темпами. Динамичное развитие этого процесса основывается и на действиях, предпринимаемых государством (оформление карт для выдачи пенсии в отделениях пенсионного фонда), и на активной маркетинговой политике финансовых организаций.

Обсуждая вопросы дигитализации (перехода на цифровой способ связи, записи и передачи данных с помощью цифровых устройств) финансовой системы страны и трансформации финансовых практик современных пенсионеров под влиянием этого процесса, важно понимать уровень использования информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей данной социальной группой

Согласно официальным статистическим данным, размещенным в открытом доступе на сайте Росстата, уровень обеспеченности населения в целом и пенсионеров в частности устройствами для выхода в Интернет значительно вырос: если в 2011 г. 51,3% всех опрошенных респондентов и 15,3% людей старше трудоспособного возраста указывали на наличие таких устройств, то в 2016 г. данный показатель вырос до 70,9 и 35,5% соответственно¹³. Среди активных пользователей Интернета люди старше тру-

Таблица 2

Практики пользования банковскими картами, %

Для чего Вы используете банковскую (пластиковую) карту?	2012 г.		2013 г.		2014 г.		2015 г.		2016 г.	
	Пенсионеры	Непенсионеры	Пенсионеры	Непенсионеры	Пенсионеры	Непенсионеры	Пенсионеры	Непенсионеры	Пенсионеры	Непенсионеры
Для безналичных расчетов за товары и услуги в России	11,0	28,8	36,2	50,8	47,5	61,6	41,5	66,0	55,3	72,4
Для безналичных расчетов за товары и услуги при выезде за рубеж	5,2	6,8	2,0	7,3	6,9	11,2	4,1	7,1	3,3	9,4
Для снятия денег в банкоматах	80,8	88,9	84,9	85,3	84,0	83,6	80,1	79,5	81,8	85,0
Для хранения сбережений	29,1	18,9	18,1	17,3	20,5	19,5	16,2	21,5	19,6	20,7
Для погашения кредита	9,9	11,6	10,6	14,1	15,5	16,9	12,1	18,5	14,5	19,8
Для перевода денежных средств на другие счета (другим людям)*	–	–	–	–	–	–	–	–	13,1	29,6
Для получения бонусов и привилегий при оплате товаров и услуг в ряде магазинов, организаций*	–	–	–	–	–	–	–	–	5,8	15,0
Другое	3,5	0,9	0,5	0,1	0,4	0,5	5,1	2,0	2,5	1,7
Затрудняюсь ответить	1,2	0,6	–	–	0,0	0,1	0,4	0,5	0,7	0,1

Примечание. *В рамках Мониторинга 2012–2015 гг. данные вопросы респондентам не задавались.

доспособного возраста составляют менее 10%, и на протяжении 2013–2017 гг. эта величина остается неизменной. Доля пенсионеров – «активных пользователей Интернета», осуществлявших заказ товаров и (или) услуг через сеть Интернет, выросла с 15,4% в 2013 г. до 21,8% в 2017 г.¹⁴. Можно констатировать, что пенсионеры незначительно вовлечены в использование информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей, соответственно, ждать активного потребления цифровых финансовых продуктов от этой социальной группы пока не приходится. Выделяя факторы риска развития информационно-цифрового неравенства, О. В. Шиняева и О. М. Слепова подчеркивают, что с точки зрения исключенности из цифровой среды чаще других в группе риска находятся люди старше 56 лет¹⁵. Перейдем от статистических данных к данным социологического исследования: на рис. 2 и в табл. 3 представлено распределение респондентов по частоте использования сети Интернет.

Результаты социологического исследования подтверждают статистические данные: большинство пенсионеров не пользуются Интернетом (в 2012 г. 73,3% пенсионеров указали, что никогда не пользовались Интернетом, в 2016 г. – 65,7%), однако процесс вовлечения в пользование Интернетом постепенно развивается. Доля активных пользователей сети Интернет за 2012–2016 гг. практически не изменялась и составляет около 13,0%. Подавляющее большинство российских пенсионеров не используют свою банковскую карту для оплаты за товары и

услуги через Интернет (2012 г. – 94,0%, 2016 г. – 86,1%), доля тех, кто это делает, выросла в два раза – с 6,0% в 2012 г. до 13,9% в 2016 г. Аналогичная картина наблюдается с практикой оплаты за товары и услуги по телефону и использованием электронными платежными системами: ни тем, ни другим не пользуются более 90,0% пенсионеров, и нет тенденции вовлечения их в эти практики. Положительные изменения наблюдаются в расширении использования банковских карт для оплаты счетов через банкоматы (2012 г. – 33,3%, 2016 г. – 40,7%). Респонденты трудоспособного возраста более активны и процесс их вовлечения идет динамичнее. В 2016 г. в опрос были введены дополнительные вопросы о том, какие платежи респонденты выполняли при помощи электронных платежных систем (ЭПС). Треть респондентов пенсионного возраста указали, что использовали ЭПС для оплаты товаров в российских магазинах (М-Видео, Lamoda и др.); одна шестая часть – для оплаты товаров в зарубежных интернет-магазинах; четверо из пяти – для оплаты услуг телефонной связи, Интернета и ЖКХ; трое из пяти – для перевода денежных средств на банковскую карту.

Следующим важным моментом изучения процессов трансформации финансового поведения пенсионеров под влиянием цифровой экономики стало использование мобильного банка, т. е. сервиса для управления банковским счетом с помощью смс-команд (табл. 4).

Доля пенсионеров, не пользующихся мобильным банком, за 2012–2016 гг. сократилась с 83,1% до 67,7%. Среди непенсионеров лишь

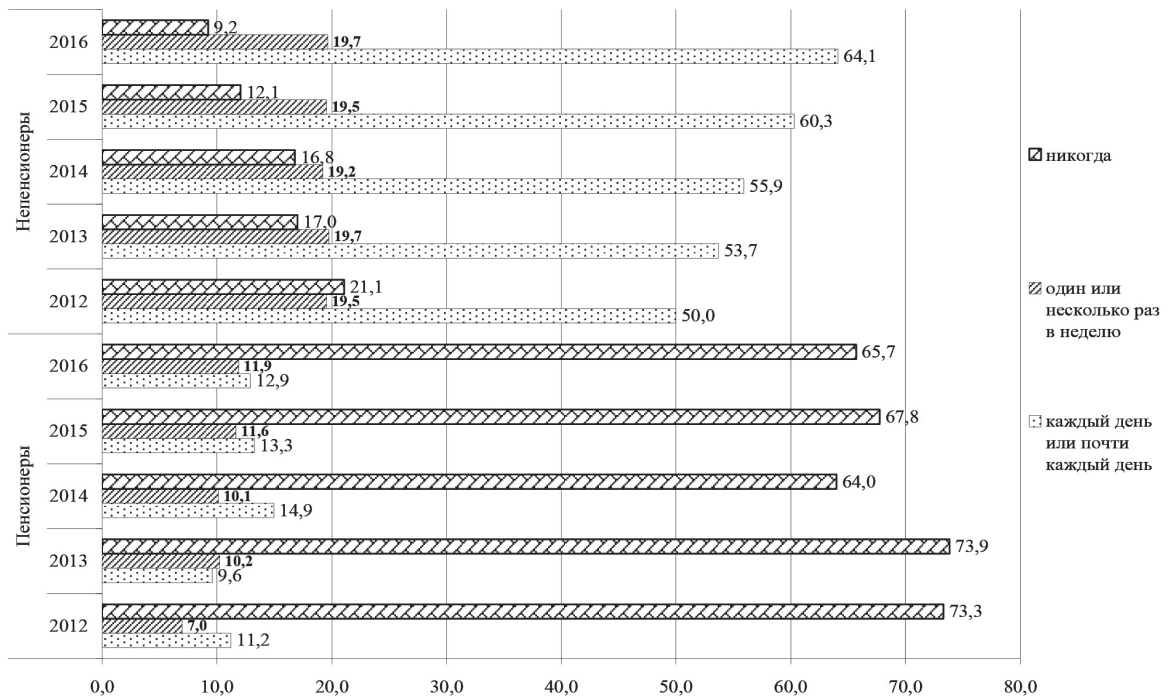

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы обычно выходите в Интернет?», % ответов в группе

Таблица 3

Цифровые практики обращения с банковской картой, %

Формулировка вопросов/ответов	2012 г.		2013 г.		2014 г.		2015 г.		2016 г.	
	Пенсионеры	Непенсионеры	Пенсионеры	Непенсионеры	Пенсионеры	Непенсионеры	Пенсионеры	Непенсионеры	Пенсионеры	Непенсионеры
Используете ли Вы свою банковскую карту для оплаты за товары и услуги через Интернет?										
Да	6,0	16,3	5,0	23,0	11,4	30,5	5,5	34,0	13,9	39,3
Нет	94,0	83,7	95,0	77,0	88,6	69,5	94,1	65,6	86,1	60,7
Используете ли Вы свою банковскую карту для оплаты за товары и услуги по телефону?										
Да	5,5	8,7	5,0	10,9	7,6	16,8	5,5	23,0	6,2	25,9
Нет	94,5	91,3	95,0	89,1	92,4	83,2	94,1	76,7	93,8	74,1
Используете ли Вы свою банковскую карту для оплаты счетов через банкоматы?										
Да	33,3	46,3	35,7	52,7	43,5	55,2	40,8	56,5	40,7	59,7
Нет	66,7	53,7	64,3	47,3	56,5	44,8	58,8	43,0	59,3	40,3
Скажите, пожалуйста, пользовались ли Вы электронными платёжными системами (например, Яндекс.Деньги, webmoney, paypal и др.) в течение последних 12 месяцев?										
Да	2,9	15,9	5,7	20,4	5,5	21,7	3,9	20,4	4,0	25,2
Нет	94,6	82,1	92,4	78,3	93,5	77,5	95,9	78,8	94,0	73,3
Затрудняюсь ответить	2,5	2,0	2,0	1,3	1,1	0,8	0,2	0,8	2,0	1,5

Таблица 4

Практики использования мобильного банка, %

Используете ли Вы мобильный телефон для управления и контроля за своими финансовыми операциями?	2012 г.		2013 г.		2014 г.		2015 г.		2016 г.	
	Пенсионеры	Непенсионеры	Пенсионеры	Непенсионеры	Пенсионеры	Непенсионеры	Пенсионеры	Непенсионеры	Пенсионеры	Непенсионеры
Да, использую для получения смс-оповещений об операциях по банковской карте	15,8	37,5	19,6	39,8	21,6	46,2	24,0	49,1	29,4	62,3
Да, использую для управления своим банковским счетом	0,7	3,2	0,9	5,5	1,5	7,0	1,7	9,5	2,4	14,2
Да, использую для управления электронным кошельком	–	1,6	1,3	3,4	0,7	4,3	0,4	4,9	0,8	5,8
Да, использую для того, чтобы перевести деньги со своего мобильного телефона для пополнения баланса другого мобильного телефона	1,4	6,9	3,9	9,4	3,8	9,9	3,6	12,0	2,2	14,6
Да, использую для оплаты услуг со счета мобильного телефона путем передачи коротких смс (доступ к скачиванию мелодий, рингтонов, игр, фильмов, участия в акциях и т. д.)	1,4	4,0	1,3	3,8	2,0	5,8	1,5	5,0	0,8	7,2
Да, другое	0,2	0,0	0,0	0,1	–	–	0,2	0,1	0,2	0,5
Нет, не использую	83,1	58,9	76,9	54,9	76,4	49,7	73,7	46,3	67,7	34,4
Затрудняюсь ответить	–	–	2,0	1,3	–	–	0,5	0,9	1,2	0,7

34,4% в 2016 г. отметили, что не пользуются данной услугой. Фактически пенсионеры используют мобильный банк только для получения смс-оповещений об операциях по банковской карте, практически не используя его для управления своим банковским счетом и (или) для того, чтобы перевести деньги со своего мобильного телефона для пополнения баланса другого мобильного телефона. Это сильно отличает их поведение от людей трудоспособного возраста, которые более активны в использовании различных функций мобильного банка.

Не менее важным индикатором вовлечения пенсионеров в цифровую экономику является пользование интернет-банкингом, т. е. услугой доступа к банковским или карточным счетам через Интернет (табл. 5).

Большинство пенсионеров не пользуются и не планируют пользоваться интернет-банкингом (в 2012 г. – 73,1%, в 2016 г. – 68,8%). На вопрос: «Почему Вы не пользуетесь интернет-банкингом?» пенсионеры отвечают: 1) нет потребности в использовании интернет-банкинга (70,1% среди «не пользователей» в 2016 г., на протяжении 2012–2016 гг. доля таких ответов практически не изменялась); 2) отсутствует доверие данному сервису (6,4% в 2012 г. и 21,6% в 2016 г. среди «не пользователей», т. е. наблюдается рост недоверия); 3) не умеют пользоваться этой услугой (21,6% среди «не пользователей» в 2016 г., на протяжении 2012–2016 гг. доля таких ответов практически не изменялась). Однако,

обсуждая распространенность практики интернет-банкинга среди пенсионеров, важно отметить значительный рост доли пенсионеров, которые его используют: в 2012 г. «продвинутых» в этом смысле пенсионеров было лишь 5,0%, а в 2016 г. уже 18,8% (рост в 3,8 раза). Следовательно, пенсионеры постепенно осваивают данную практику, и процесс освоения идет быстрее, чем среди населения трудоспособного возраста (доля непенсионеров, использующих интернет-банкинг, увеличилась в 2,5 раза – до 35,9% в 2016 г.).

Негативной тенденцией, препятствующей погружению пенсионеров в цифровую среду, является снижение их доверия в отношении дистанционных способов осуществления банковских операций. При этом среди людей трудоспособного возраста наблюдается рост доверия к этим инструментам. Для реализации задач цифровой экономики страны важно понять, почему у разных групп населения складываются противоположные тенденции к дистанционным способам осуществления банковских операций, чем в большей степени вызвано недоверие людей пенсионного возраста – психологическими установками или социальными практиками.

Выполненный анализ финансового поведения российских пенсионеров позволяет заключить следующее:

1) среди пенсионеров реже, чем среди людей трудоспособного возраста, встречаются имеющие банковскую (пластиковую) карту. Однако за

Таблица 5

Практики использования интернет-банкинга, %

Формулировка вопросов/ответов	2012 г.		2013 г.		2014 г.		2015 г.		2016 г.	
	Пенсионеры	Непенсионеры	Пенсионеры	Непенсионеры	Пенсионеры	Непенсионеры	Пенсионеры	Непенсионеры	Пенсионеры	Непенсионеры
Пользуетесь ли вы интернет-банкингом?										
Да	5,0	14,2	8,3	16,8	14,6	23,9	12,7	28,6	18,8	35,9
Нет, но планирую начать пользоваться	18,5	14,7	9,2	15,8	11,1	17,9	10,1	14,7	10,0	13,8
Нет, и не планирую пользоваться	73,1	66,6	75,8	63,4	71,3	55,5	75,3	54,9	68,8	47,6
Затрудняюсь ответить	3,4	4,5	6,7	4,0	2,9	2,7	1,9	1,8	2,4	2,7
Как Вы считаете, насколько безопасно для Ваших денежных средств осуществление платежей/переводов дистанционно (вне банковского отделения, т.е. через банкоматы, терминалы, Интернет или мобильные телефоны)?										
Полностью безопасно	10,9	9,7	3,9	6,8	4,0	9,4	2,6	10,4	3,0	15,7
Скорее безопасно	21,8	40,5	18,7	33,8	20,2	38,6	20,0	35,4	14,1	45,2
Скорее небезопасно	34,5	25,3	23,7	28,0	26,7	24,4	28,1	30,0	24,9	21,7
Совсем небезопасно	9,2	7,3	22,2	12,3	19,4	12,7	23,0	11,2	27,6	7,6
Затрудняюсь ответить	23,5	17,2	31,4	19,1	29,7	14,9	26,3	13,1	30,4	9,8
Индекс доверия*	89	118	77	100	78	111	71	105	65	132

Примечание. *Индекс доверия был рассчитан следующим образом: сумма ответов «безопасно» – сумма ответов «небезопасно» + 100, соответственно, если индекс больше 100, то доля людей, доверяющих данному сервису, больше доли людей, ему не доверяющих.

2012–2016 гг. доля пенсионеров, имеющих пластиковые карты, увеличилась;

2) на протяжении 2012–2016 гг. пенсионеры начали чаще пользоваться банковскими картами, и практики использования стали более разнообразны, например, они активно осваивают переводы денежных средств на другие счета (другим людям), получение бонусов и привилегий при оплате товаров и услуг в ряде магазинов, организаций;

3) пенсионеры слабо вовлечены в пользование информационными технологиями и информационно-телекоммуникационными сетями, но можно отметить положительные тенденции. Те пенсионеры, которые освоили Интернет, пользуются электронными государственными услугами, приобретают товары в интернет-магазинах и оплачивают счета с его помощью;

4) пенсионеры редко используют банковские карты для оплаты за товары и услуги через Интернет или по телефону и практически не пользуются электронными платежными системами;

5) доля пенсионеров, не пользующихся мобильным банком, в два раза выше, чем среди населения трудоспособного возраста, и процесс вовлечения в пользование данной услугой идет медленнее, чем среди более молодой части населения;

6) пенсионеры в два раза реже пользуются интернет-банкингом, однако наблюдается их активное вовлечение в использование данного сервиса.

Таким образом, можно заключить, что практики финансового поведения пенсионеров действительно трансформируются под влиянием развития цифровой экономики. Однако при принятии решений в плане государства важно четко осознавать, что уровень вовлечения пенсионеров в пользование информационными технологиями и информационно-телекоммуникационными сетями не высок и без принятия дополнительных мер (повышение компьютерной, информационной и (или) финансовой грамотности, разработка специальных финансовых продуктов, повышение финансовой доступности) пенсионеры могут оказаться в цифровой/информационной изоляции.

Примечания

- 1 См.: Козырева П. М., Смирнов А. И. Российские пенсионеры в условиях кризиса // Социс. 2017. № 1. С. 64–73.
- 2 См.: Ржаницына Л. С. Пенсионеры : как они живут и как улучшить их положение // Социс. 2016. № 11. С. 61–71.
- 3 См.: Анишукова Т. Б. Социальное положение российских пенсионеров в современных условиях (на примере Иркутской области) : дис. ... канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2017.

- ⁴ См.: *Лежнина Ю. П.* Российские пенсионеры : уровень жизни, здоровье, занятость // Россия реформирующаяся. 2008. № 7. С. 178–195 ; *Ее же.* Российские пенсионеры в трансформирующемся обществе: социальное положение и структурные характеристики : дис. ... канд. социол. наук. М., 2010.
- ⁵ См.: *Старикова М. М.* Социальная субъективность пожилых людей в основных сферах их жизнедеятельности (на материалах Нижегородской и Кировской областей) : дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2011.
- ⁶ См.: *Lusardi A., Mitchell O., Curto V.* Financial literacy and financial sophistication in the older population // *Journal of Pension Economics and Finance*. 2014. Vol. 13, № 4. P. 347–366. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1474747214000031>
- ⁷ См.: *Adam A. M., Frimpong S., Boadu M. O.* Financial literacy and financial planning : Implication for financial well-being of retirees // *Business and Economic Horizons*. 2017. Vol. 13, № 2. P. 224–236. DOI: <http://dx.doi.org/10.15208/beh.2017.17> ; *Adam A. M., Boadu M. O., Frimpong S.* Does gender disparity in financial literacy still persist after retirement? Evidence from Ghana // *International Journal of Social Economics*. 2018. Vol. 45, iss. 1. P. 18–28. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJSE-06-2016-0159>
- ⁸ См.: *Hira T. K., Mugenda O. M.* Predictors of Financial Satisfaction : Differences Between Retirees And Non-retirees // *Financial Counseling and Planning*. 1998. Vol. 9, iss. 2. P. 75–84.
- ⁹ О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» : постановление Правительства РФ от 31 марта 2017 г. № 372. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- ¹⁰ См.: Финансовое поведение пожилых людей в России в контексте цифровизации / Т. А. Аймалетдинов, С. С. Антонян, Л. Р. Баймурагова, Г. Р. Имаева, О. В. Томилова, О. А. Шарова ; Аналит. Центр НАФИ. М. : Изд-во НАФИ, 2017.
- ¹¹ См.: Финансовое поведение пожилых людей в России в контексте цифровизации. URL: <https://nafi.ru/projects/finansy/finansovoe-povedenie-pozhilykh-v-kontekste-tsifrovizatsii/> (дата обращения: 15.01.2019).
- ¹² См.: Количество платежных карт, эмитированных кредитными организациями, по типам карт. URL: https://www.cbr.ru/statistics/p_sys/print.aspx?file=sheet013.htm (дата обращения: 25.03.2019).
- ¹³ См.: Старшее поколение 2019. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (дата обращение: 27.03.2019).
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: *Шиняева О. В., Слепова О. М.* Информационно-цифровое неравенство населения : факторы риска и антириска // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 53–61. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-53-61>

Образец для цитирования:

Дулина Н. В., Моисеева Д. В. Финансовое поведение пенсионеров: трансформация под влиянием цифровой экономики? // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 392–406. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-399-406>

Cite this article as:

Dulina N. V., Moiseeva D. V. Financial Behaviour of Pensioners: Transformation under the Influence of the Digital Economy? *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 399–406 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-399-406>

УДК 316.344.2

Структура и функции молодежной самозанятости в регионе

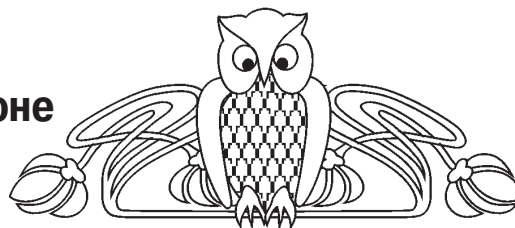
Н. П. Касаткина, Н. В. Шумкова

Касаткина Наталья Петровна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск; доцент кафедры социологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, kasatkina-rr1@mail.ru

Шумкова Наталья Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, niiregion@mail.ru

Социальное пространство современного российского рынка труда характеризуется возрастающим динамизмом изменений, его структура становится более дифференцированной и аморфной. Расширяются масштабы нестандартной, неустойчивой занятости, проявляющейся в том числе в практиках самозанятости. Указанные изменения имеют противоречивые социальные последствия, особенно на региональном уровне, где проблемы сохранения и воспроизводства человеческого капитала имеют важное значение. В статье представлены результаты социологического исследования факторов распространения, структуры и масштабов молодежной самозанятости на региональном рынке труда. Самозанятость рассматривается как совокупность практик, объединяющих неформальную вторичную занятость не по найму, неформальную самозанятость (микробизнес без регистрации) и формальную самозанятость (официально зарегистрированное индивидуальное предпринимательство). На основе эмпирической базы, сформированной посредством массового социологического опроса молодежи Республики Мордовия ($N = 474$, 18–35 лет), выявлена широкая распространенность практик самозанятости (60%). Наибольший удельный вес (43%) принадлежит неформальной вторичной занятости не по найму, на долю неформальной самозанятости приходится 5%, 8% – официально зарегистрированные микропредприниматели. Исходя из социальных характеристик носителей теневых практик самозанятости раскрывается специфика факторной обусловленности каждой из них. В частности, указывается, что неформальная вторичная занятость наемных работников имеет вынужденный характер и является следствием масштабной прекаризации труда. Неформальная самозанятость, напротив, имеет скорее добровольный характер, обусловленный индивидуально-личностными особенностями ее представителей (стремление к свободе и независимости), которые актуализируются в ситуации неопределенности на рынке труда. Выявлены основные функции молодежной самозанятости на уровне региона. Она снижает потенциальную напряженность на молодежном рынке труда, является инструментом сдерживания резкого падения уровня жизни и миграционного оттока молодежи, способствует развитию инновационного сектора экономики. Для усиления роли самозанятости в экономических процессах республики необходима стимуляция ее легальной, интеллектуально-инновационной и профессиональной составляющих.

Ключевые слова: молодежь, регион, самозанятость, рынок труда, фриланс.

The Structure and Functions of Youth Self-Employment in the Region

N. P. Kasatkina, N. V. Shumkova

Natalya P. Kasatkina, <https://orcid.org/0000-0002-0940-2087>, Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, 39A Khmel'nitsky St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia; National Research Mordovia State University, 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia, kasatkina-rr1@mail.ru

Natalya V. Shumkova, <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, National Research Mordovia State University, 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia, niiregion@mail.ru

The social space of the contemporary Russian labor market is characterized by the growing dynamics of changes, its structure becoming more differentiated and amorphous. Nonstandard, unsustainable employment including self-employment practices gains larger scale. The above mentioned changes have controversial social consequences, especially at the regional level, where the problems of human capital preservation and reproduction are of importance. The results of the social survey of dissemination factors, the structure, and scale of youth self-employment on the regional labor market are presented. Self-employment is considered to be an aggregate of practices integrating the informal secondary employment not related to hiring, informal self-employment (small business without registration) and formal self-employment (officially registered individual entrepreneurship). The wide sociological survey of the Republic of Mordovia youth ($N = 474$, age: 18–35) revealed that self-employment practices are widespread (60%). The relative amount (43%) is occupied by informal secondary self-employment without hiring; informal self-employment (5%) is followed by officially registered small businesses (8%). The social characteristics of the shadow self-employment holders revealed the peculiarities of their factor-related causes. In particular, it is noted that informal secondary employment of hired workers is of a forced character due to large-scale labor precarization. On the contrary, informal self-employment, is of a rather voluntary nature conditioned by personal characteristics of the holders (striving for freedom and independence) and actualized at labor market under the conditions of uncertainty. The youth self-employment functions at the regional level are revealed: reducing potential tension at labor market; restraining a sharp fall of living conditions and youth migration outflow, contributing to the economic innovative sector development. The article focuses on the demands to strengthen self-employment role in republic economic processes and to stimulate legal, intellectual and innovative professional components.

Keywords: youth, region, self-employment, labor market, freelance.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-407-414>

Современный российский рынок труда характеризуется возрастающим динамизмом изменений, обусловленных комплексом макро-

мезо- и микрофакторов социальной реальности. Социальное пространство рынка труда трансформируется, его структура становится более дифференцированной, аморфной. Появляются новые виды и формы занятости, новые социально-профессиональные роли и статусы. Характер мейнстрима приобретает тенденция к дестандартизации занятости, проявлением которой являются неполная занятость и самозанятость.

Социальные практики самозанятости населения, развиваясь преимущественно обособленно от формальных институциональных правил и норм, получают широкое распространение в трудовой сфере российского общества и становятся комплексным индикатором социально-экономических процессов. Представления о социальных проблемах в сферах труда и занятости, а также о перспективах их решения рискуют быть искаженными без учета роли и функций самозанятости. Особенно это актуально при анализе тенденций на региональных рынках труда, дифференцирующихся в зависимости от социокультурных и социально-экономических особенностей территорий.

В контексте распространения самозанятости важное значение принадлежит молодежи, которая в силу «транзитности» социального статуса занимает неустойчивое положение на рынке труда, выражающееся в высокой доле безработицы и практиках прекаризации. При этом молодежь имманентно характеризуется наиболее активным профессиональным поиском и самоопределением, освоением профессиональных ролей и норм, а также, что наиболее важно – интернализацией социальных инноваций в трудовой сфере. Самозанятость выступает одной из динамично распространяющихся стратегий интеграции молодежи в социальное пространство рынка труда.

Исследование параметров молодежной самозанятости имеет сравнительно высокий диагностический и прогностический потенциал для оценки состояния и направленности тенденций изменения человеческого капитала регионально-социума. В связи с этим целью статьи является освещение ключевых социальных характеристик самозанятости молодежи: факторов, видов, форм проявления и функций в социальном пространстве регионального рынка труда (на примере Республики Мордовия).

В настоящее время в зарубежной и отечественной исследовательской практике отсутствует конвенциональный подход к определению самозанятости и критериев отнесения к соответствующей социальной группе. Это, в первую очередь, обусловлено межрегиональными социокультурными и социально-экономическими различиями, опосредующими локальные особенности социальной природы этого явления. Поэтому важный методологический вопрос о границах этой социальной группы сохраняет свою актуальность.

Проблематизация самозанятости имеет междисциплинарный характер. Отправной точкой для исследователей из различных областей общественных наук является классификация Международной организации труда (МОТ), которая к категории «самозанятые» относит четыре основные группы: индивидуальных предпринимателей, не использующих наемный труд (own-account workers); предпринимателей некорпоративного бизнеса, привлекающих наемный труд (employers); членов производственных кооперативов (members of producers' cooperatives); неоплачиваемых работников семейных предприятий (unpaid family workers)¹.

Таким образом, в мировой исследовательской практике самозанятость представляет собой «простейшую форму предпринимательства»². Именно из этой базовой позиции исходят зарубежные и отечественные авторы, анализирующие этот социальный феномен. Далее происходит дифференциация подходов, обусловленная степенью институционализации этой социальной практики в социумах различных стран.

Если в публикациях западных ученых самозанятость рассматривается как формальный социальный институт с функциями воспроизводства предпринимательства (в частности, молодежного), то в работах, описывающих специфику рынка труда развивающихся стран, ракурс внимания смещен в область неформальных практик, где самозанятость выступает «в качестве прокси для изучения неформального сектора»³. В аналогичном ключе самозанятость эксплицируется в российском научном дискурсе, что закономерно и обусловлено спецификой формирования рыночных отношений, способствующих расширению теневого сектора.

Что касается социологической проблематизации, то здесь выделяются два основных направления исследований: экономосоциологическое и социоструктурное.

В рамках **экономосоциологического подхода** самозанятость рассматривается в контексте места и роли в структуре экономики. В первую очередь исследуется степень локализации соответствующих практик в формальном и неформальном секторах, в сферах наемного труда и предпринимательства. При этом фокус внимания направлен на измерение масштабов и структуры деформализации и дестандартизации занятости, где самозанятость либо отождествляется с неформальной занятостью, либо представляет собой ее ведущую форму.

Используя классические подходы к изменению неформального рынка труда (производственный и легалистский), представители экономосоциологического направления пытаются очертить границы самозанятости, структурировать ее по видам и социально-групповой принадлежности ее носителей.

В частности, показывается, что практики самозанятости локализуются как в сфере предпринимательства – форме микробизнеса, так и в сфере наемного труда («зависимая самозанятость» или «неформалы в формальном секторе»); могут быть формальными и неформальными (в зависимости от налоговых отношений). Так, к неформально самозанятым относят физических лиц, ведущих индивидуальную трудовую деятельность (официально неоформленные индивидуальные предприниматели, частные предприниматели, занятые ведением личного подсобного хозяйства). В качестве ключевых идентификаторов указываются отсутствие наемного труда и функционирование вне системы формальных регуляторов⁴.

Наряду с разнообразием подходов и дифференцированностью самой группы самозанятых исследователи все же уточняют константные признаки самозанятости, к которым относятся доход от реализации произведенных товаров и услуг, а также рыночная (самостоятельное принятие решений о сотрудничестве с теми или иными контрагентами, независимость от одного источника дохода) и организационная (самостоятельный выбор объемов, места и графика работы) независимость, неустойчивый характер занятости, выражающийся в нерегулярности занятости, наличии неофициальных выплат, низким уровне оплаты труда, смене мест работы в течение года⁵.

Вместе с тем преодолеть проблему разобщенности подходов к идентификации самозанятых пока не удается: выделяются чисто экономический подход, основывающийся на данных официальной статистики и рассматривающий в качестве самозанятых зарегистрированные бизнес-единицы; социологический, ориентированный на изучение латентных социальных групп, скрытых от статистического учета; а в ряде исследований эти подходы комбинируются⁶.

Социоструктурное направление объединяет исследования трансформационных процессов в социальной структуре общества, появление новых социальных групп и слоев, выявление их специфических характеристик. Самозанятые рассматриваются как часть формирующегося социального класса – прекариата – «быстро растущего слоя работников нестабильного социального положения с неопределенной, флексибильной (гибкой) степенью занятости, с неустойчивыми формами распределения прибавочного продукта и произвольной оплатой труда»⁷. В контексте прекариатизации труда исследуются трудовые практики отдельных социально-профессиональных и социально-демографических групп, их вовлеченность в те или иные виды и формы занятости. В частности, выявляется распространенность неформальной вторичной занятости, в которую активно включены не только работающие по найму (пример учительства, активно за-

нятого репетиторством), но и учащиеся (подробно изучается феномен работающего студента)⁸.

Значительный сегмент работ в рамках социоструктурного направления посвящен изучению новой категории работников – фрилансеров – самозанятых профессионалов, субъектов рынка удаленной работы. В силу своей «индивидуальной природы труда»⁹ они отличаются «яркой индивидуализированной трудовой биографией, автономностью в организации рабочего времени и независимостью в реализации своих умений и компетенций, зачастую дефицитных»¹⁰. При этом фрилансеры детально типологизируются в зависимости от степени вовлеченности в соответствующие практики и идентификации с этой социальной группой. В отдельных исследованиях под фрилансерами подразумеваются в целом все самозанятые. Однако большинство авторов связывают этот вид деятельности с развитием информационно-телекоммуникационных технологий и характеризуют его в таких терминах, как электронная самозанятость, e-занятость, телеработа.

Обобщая содержание указанных направлений, следует констатировать, что самозанятость – довольно сложное с методологической точки зрения социально-экономическое явление в силу многофакторности и неинституционализированности. Ориентация на широкий подход к анализу самозанятых, предполагающий выявление латентных, теневых практик, связан с необходимостью исследования структурно сложносоставной и дифференцированной социальной общности, охватывающей представителей различных социально-профессиональных и демографических групп.

Следует отметить, что многие исследователи, независимо от фокуса внимания к самозанятости, сходятся во мнении, что в ее социальной структуре преобладает молодежь, поскольку характеризуется «недостаточной квалификацией и неконкурентоспособностью на рынке труда»¹¹, а также критичностью перехода «учеба – рынок труда» из-за отсутствия опыта работы и необходимых профессиональных навыков.

В публикациях как отечественных, так и зарубежных авторов прослеживается подход к классификации факторов, детерминирующих обращение индивида к самозанятости. Довольно часто они дифференцируются на «вынужденные» и «добровольные», играющие роль как «выталкивания», так и «притяжения» в соответствующую область социальных практик. Концептуальные основания изучения детерминант самозанятости заложены в классических работах по неформальной экономике, принадлежащих К. Харту и Э. де Сото, утверждающих в качестве причин неформальной занятости уровень развития экономики и качество существующей институциональной среды¹².

Оценивая социально-экономические функции самозанятости, исследователи акцентируют

внимание на ее как положительных, так и отрицательных эффектах. Несомненной позитивной функцией является амортизация негативных процессов в экономике и на рынке труда. Так, по мнению российских исследователей, неформальная самозанятость в нашей стране является «субститутом безработицы», ее силовая ликвидация «чревата ростом безработицы и снижением уровня занятости»¹³. Вместе с тем отмечается, что масштабы самозанятости не влияют на повышение ВВП, скорее, наоборот, приводятся доказательства обратного¹⁴.

Последствия самозанятости на социально-групповом уровне также неоднозначны. В частности, труд самозанятых имеет прекарный характер, они лишены надлежащей социальной защиты, перспектив вертикальной и горизонтальной (межсекторной) социальной мобильности. В то же время самозанятость часто рассматривается как некая область реализации творческого и инновационного потенциала молодежи; способ приобретения социального капитала, формирования коммуникативных навыков, опыта самообразования, тайм-менеджмента¹⁵.

Эмпирической базой исследования являются результаты авторского социологического исследования, проведенного среди молодежи Республики Мордовия (анкетирование, $N = 474$, апрель–май 2019 г.). Формирование выборочной совокупности носило комбинированный характер, использовалась многоступенчатый отбор с применением квотной и случайной выборки. Выборка репрезентирует структуру молодежи региона в возрасте от 18 до 35 лет по полу, возрасту, характеру первичной занятости, типу поселения.

Обработка и анализ полученной информации проводились с помощью пакета SPSS. Для анализа использовались методы расчета показателей дескриптивной статистики, оценки связи между переменными.

Как дополнительный источник при интерпретации количественных результатов использовались материалы авторского пилотажного фокус-группового исследования, 2-й этап которого проведен в феврале–марте 2019 г., количество участников каждого этапа – 6 человек. Критерием отбора участников фокус-группы являлось наличие опыта самозанятости (индивидуальная самозанятость как постоянный источник дохода продолжительностью не менее 1 года), возраст от 18 до 35 лет.

Доля работающей молодежи в структуре выборки составила 47%, студентов колледжей и вузов – 40%; официально безработных выявлено 6%; в отпуске по уходу за ребенком находятся 5% опрошенных. В структуре занятости работающей молодежи доминирует наемный труд (84%), к категории предпринимателей себя отнесли 16% респондентов (в том числе 10% официально зарегистрированы в этом качестве).

Параметры трудоустройства по найму, на первый взгляд, свидетельствуют о преимущественно стабильном, стандартном характере занятости молодежи: она локализуется в государственном секторе (50%), в организациях бюджетной сферы (образование, госслужба); формально урегулирована бессрочными и срочными трудовыми договорами (контрактами) (90% работающих по найму).

Вместе с тем широко распространена вторичная занятость работающей по найму молодежи (26%). Чаще всего совмещение характерно для работников коммерческих организаций, в государственном секторе сотрудники попросту не располагают временем для подработок, так как перерабатывают на основном месте работы. По продолжительности рабочее время нанятых в частном секторе (с учетом вовлеченности в дополнительную занятость) и не подрабатывающих работников государственных учреждений существенно не отличается.

Вторичная занятость наемных работников многообразна по видам и формам, но в основном сосредоточена в теневом секторе экономики. Так, в поле зрения формального регулирования находится только треть подработок: регулярно осуществляемых на основе бессрочных договоров (16%), на временной работе по срочным контрактам (8%), в качестве зарегистрированного индивидуального предпринимателя (8%). Доминирует неформальная самозанятость, на долю которой приходится 61% всех дополнительных подработок. Наиболее распространенными видами деятельности являются деловое консультирование, рекламные и маркетинговые услуги, услуги переводчика, которые чаще всего оказываются в режиме удаленной работы. Электронная самозанятость (фриланс) относится к ведущим формам неформальной вторичной занятости работников сферы найма.

Студенты колледжей и вузов также активно практикуют неформальную вторичную занятость: большинство (52%) совмещают работу и учебу, причем 38% из них регулярно подрабатывают в качестве самозанятых. Молодые люди успешно осваивают фриланс, они практически монополизировали отдельные виды оказываемых в удаленном формате услуг (программирование, веб-дизайн, поддержка сайтов). Помимо этого, для студентов характерны другие квалифицированные (репетиторство) и низкоквалифицированные виды деятельности (бьюти-услуги, услуги курьера).

Таким образом, подрабатывающие наемные работники и студенты формируют самый масштабный сегмент самозанятых (таблица).

Свой вклад (8%) в распространение практик самозанятости вносят и другие категории молодежи, имеющие статус первичной занятости. В той или иной степени регулярности подрабатывают большинство зарегистрированных в

Структура молодежной самозанятости в Республике Мордовия

Категории	Частота	%
Индивидуальное предпринимательство (как основное занятие)	24	8
Неформальная самозанятость (как основное занятие)	15	5
Вторичная занятость работающих по найму	122	43
В том числе:		
индивидуальное предпринимательство	4	1
неформальная самозанятость	30	11
нерегулярные подработки	90	32
Вторичная занятость учащихся	82	29
В том числе:		
неформальная самозанятость	38	13
нерегулярные подработки	44	15
Неформальная самозанятость официально безработных	23	8
Неформальная самозанятость находящихся в отпуске по уходу за ребенком	18	6
Итого	284	100

качестве безработных (90%). Преимущественно они занимаются трудом, не требующим высокой квалификации (строительство, услуги такси, грузовые перевозки, курьерские услуги, личное подсобное хозяйство (ЛПХ) и реализация его продуктов).

Неформальная самозанятость довольно популярна среди находящихся в отпуске по уходу за ребенком. Чаще всего женщины с детьми до трех лет выбирают виды деятельности, связанные с ведением домашнего хозяйства (рукоделие, реализация продуктов ЛПХ, помощь в уходе за престарелыми, инвалидами, клининговые услуги, организация совместных покупок).

Категория самозанятых в «чистом» виде, включающая официально зарегистрированных индивидуальных предпринимателей (ИП) и неформально самозанятых на условиях первичной занятости, в совокупности составляет 12% (8 и 5% соответственно) (см. таблицу).

В целом в практики самозанятости вовлечено 60% молодежи региона в возрасте от 18 до 35 лет. Неформальный характер занятости (в 90% случаях) позволяет констатировать масштабность теневого молодежного рынка труда.

Как и любой социальный процесс, распространение практик самозанятости среди молодежи обусловлено множеством факторов, среди которых первостепенную роль играют институциональные и индивидуально-личностные.

Контуры региональных молодежных стратегий занятости определяются, в первую очередь, условиями, формируемыми институтами рынка труда и образования. Особенности их функционирования, согласно полученным результатам, задают непростой фон для интеграции молодежи в социально-профессиональную структуру регионального социума.

Молодежь оказывается в ситуации неопределенности, риска и конкуренции ввиду низкой емкости регионального рынка труда, скудности

предложения рабочих мест. Об этом свидетельствует слабая трудовая и межфирменная мобильность молодежи, не свойственная для этой социально-демографической категории работников, отличающейся активным поиском оптимального соотношения собственных способностей и притязаний характеристикам рабочего места. Частота перемещений за предшествующие исследованию три года большей части работающей по найму молодежи стремится к нулю: 56% место работы не меняли, каждый четвертый (26%) менял работу один раз, 14% – 2–3 раза и лишь 3% – более 3 раз.

Молодежь ощущает напряженность на рынке труда: доминирует мнение, что уровень безработицы является высоким (40%) и имеет тенденцию к росту (54%). Кроме того, каналы трудоустройства на хорошую (по меркам молодежи) работу существенно ограничены: распространены протекционистские практики найма (связи и знакомства – 28%), непреодолимым барьером для трудоустройства является отсутствие опыта работы (27%).

Одним из следствий диспропорций спроса и предложения на региональном рынке труда является прекариатизация молодежной занятости не только в частном, но и в государственном секторах. В качестве латентных тенденций набирают обороты деформализация занятости по найму (особенно в частном секторе), увеличение продолжительности времени, затрачиваемого на труд (работа более 8 часов в будни, работа в выходные).

Вектор прекариатизации труда работников государственного сектора преимущественно ориентируется на увеличение продолжительности рабочего времени, не сопровождающееся изменениями в оплате труда, а в коммерческой сфере, напротив, – на распространение неполной занятости, позволяющей (или принуждающей?) подрабатывать. При этом, несмотря на прекрасные ус-

ловия труда, работающие по найму продолжают трудовую деятельность на основном месте работы и не спешат с переходом на другую.

Ключевой характеристикой молодежной занятости является работа не по полученной в системе формального образования профессии: 42% заняты в совершенно другой области, 15% – в смежных областях. Трудоустройство по профессии составляет всего 39% и, как правило, связано с работой в государственном секторе.

Феномен работы не по профессии – многофакторное явление, однако в целом свидетельствует о дисфункциональности профессионального образования, выражающейся в инертности и фрагментарности реагирования на быстроменяющиеся потребности рынка труда. Перманентно существующая дистанция между профессионально-квалификационной структурой подготовки и спросом на рынке труда порождает целый сегмент молодежи с кризисной профессиональной идентичностью и неостребованными навыками. Для нее процесс конструирования профессионально-трудовой биографии существенно отличается от традиционной схемы последовательного перемещения по всем этапам профессиональной социализации и сопряжен с необходимостью решения сложной задачи выбора стратегии самоопределения.

Очевидно, что указанные институциональные условия способствуют «выталкиванию» в область социальных практик самозанятости. Материалы фокус-группового исследования отчетливо это иллюстрируют: *Я никогда не работала по своей профессии, я также не знаю, кто я по профессии. Я окончила экономический факультет, а в дипломе у меня даже не написано, что я экономист. В дипломе написано, что я окончила университет по специальности «Менеджмент», и все* (Л., 25 лет, неформальная самозанятость, переводчик); *Получил диплом в 2013 году, и в дипломе у меня написано «информатик-экономист», но профессии «информатик-экономист» в Госреестре не существует* (Т., 32 года, неформальная вторичная занятость, инженер по ремонту технологического оборудования).

В выборе самозанятости как стратегии социально-профессионального самоопределения ключевая роль принадлежит индивидуально-личностным характеристикам, в первую очередь – ценностным ориентациям. Для носителей практик самозанятости, как и в целом для всей молодежи региона, значимы ценности семьи, здоровья и материального благополучия. Вместе с тем они отличаются стремлением к свободе и независимости, причем свободе возможностей. Из материалов фокус-группы: *Хотелось бы чтоб не просто работать, для того чтобы выжить. Но, и чтобы жизнь приносила что-то новое, была возможность ходить на курсы, получать новые компетенции. Ну и еще ценность свободы. Я не люблю, когда ставят в жесткие рам-*

ки, сразу становится плохо (В., 23 года, неформальная вторичная занятость, рукоделие); *Самое главное для меня – это свободное время. Также это деньги. И конечно общение* (Е., 33 года, неформальная самозанятость, бьюти-услуги); *Конечно же у меня повышаются навыки, компетенции, уровень моих знаний. Финансово меня тоже все устраивает... Мне нравится, что я не работаю по найму, у меня нет официального отпуска, я могу уехать, когда угодно. Например, я поработала месяц, накопила и могу поехать отдыхать куда-угодно* (Л., 25 лет, неформальная самозанятость, переводчик).

Принимая во внимание дифференцированный характер социальной структуры самозанятых, следует констатировать многофункциональность соответствующих практик на региональном уровне.

Наиболее важное значение принадлежит функции **сохранения и повышения человеческого капитала**, поскольку вовлеченность в практики самозанятости снижает миграционные настроения молодежи. Предпринимательская деятельность, как в форме зарегистрированного ИП, так и в виде неформальной самозанятости, выступает мощным удерживающим фактором. Так, 73% неформально самозанятых и 55% индивидуальных предпринимателей не планируют в ближайшие три года выезд за пределы Республики Мордовия с целью трудоустройства. Протиположная ориентация выражена у безработных (74%) и студентов вузов (63%).

Развитию человеческого капитала способствует выраженная ориентация самозанятых на самообразование: *В дальнейшем в планах только повышать свои знания и навыки. Если кто-то читал Джоан Роулинг, там не волшебник выбирал палочку, а палочка волшебника* (Т., 32 года, инженер по ремонту технологического оборудования); *Языки я начинала изучать сама, потом год жила в Барселоне, полгода в Китае. Я за то, чтобы работодатели не смотрели на диплом, потому что у меня никогда не было диплома о том, что я окончила факультет иностранных языков. Я считаю, что это абсолютно ненужная мне вещь...* (Л., 25 лет, переводчик); *Я сначала очень много читала в Интернете, смотрела мастер-классы...* (О., 21 год, кондитер).

Содействие развитию инновационного и креативного секторов экономики. Данная функция характерна преимущественно для электронной самозанятости, базирующейся на цифровых технологиях и компьютерных сетях. Согласно полученным данным, в практики электронной самозанятости вовлечено около 20% молодежи республики, при этом их ядро составляют студенты. Учитывая выраженные миграционные установки большинства самозанятых студентов (63%), следует обратить особое внимание на формирование эффективной инфраструктуры электронной самозанятости (организация интер-

нет-платформ, коворкинг-центров) и содействие развитию малого предпринимательства среди студентов, в том числе посредством введения элективных курсов, ориентированных на повышение их финансовой грамотности.

Поддержание материального статуса молодежи является социально значимой функцией самозанятости. По мнению исследователей, в периоды экономических кризисов в практики самозанятости включаются безработные и так называемые новые бедные – работающие люди, чьи зарплаты не позволяют обеспечивать им и членам их семей уровень прожиточного минимума. Согласно полученным данным, неформальная вторичная занятость молодежи Мордовии преимущественно обусловлена стремлением повысить свой уровень дохода хотя бы до размера средней заработной платы по региону. Об этом свидетельствуют их относительно низкие зарплатные ожидания – в качестве приемлемой рассматривается зарплата в диапазоне 25–34 тыс. руб.

Рассмотренные особенности структуры, факторов и функций молодежной самозанятости на региональном уровне находятся в плоскости выявляемых российскими исследователями проблем молодежной занятости. К ним, в частности, относятся прекариатизация и дестандартизация молодежного труда, а также маргинализация профессионального статуса значительной части молодежи, обусловленная рассогласованностью институтов рынка труда и образования.

В этих непростых условиях молодежь конструирует различные стратегии адаптации и интеграции в социально-профессиональную структуру регионального социума: от вполне традиционных, связанных только с работой по найму, до нестандартных (по характеру, условиям и видам труда). Значительная часть молодежной экономической активности смещена в пространство теневых практик, свободных от формального регулирования. Этот сектор экономики предоставляет возможности удовлетворять потребность в поддержке среднего по региону уровня жизни. Масштабность неформальной вторичной занятости свидетельствует о преимущественно вынужденном и компенсаторном характере практик самозанятости.

Между тем в крайне дифференцированной социальной структуре самозанятых выделяется категория молодежи, ментальность и занятость которой по своим характеристикам соответствует постиндустриальной. Ее формирует социальный слой неформально самозанятых микропредпринимателей, отличающихся доминирующей ориентацией на свободу и независимость в организации своего труда и, что немаловажно, осознанным выбором этой стратегии. Их самозанятость скорее добровольная, однако все же обусловлена маргинальностью профессионально-образовательного статуса на региональном рынке труда. Эта категория относительно невелика

в социальной структуре молодежи региона, но представляет собой социальный ресурс для существенного расширения сектора малого бизнеса.

В целом распространенность молодежных практик самозанятости на региональном уровне в сложившихся институциональных условиях имеет скорее позитивный эффект ввиду выраженной адаптационной функции. Вместе с тем стратегический подход диктует необходимость исследований структуры самозанятости молодежи в динамике, а также прогнозирования как последствий существующего статуса-кво самозанятости, так и результатов ее социального регулирования.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства Республики Мордовия (проект «Социальное пространство рынка труда Республики Мордовия: самозанятость молодежи» № 18-411-130016 p_a).

Примечания

- 1 См.: Population and Labour Force Definitions. URL: <https://www.oecd.org/.../Population%20and%20Labour%20Force%20Definitions-Eng.pdf> (дата обращения: 07.08.2019).
- 2 Blanchflower D. G., Oswald A. J. What Makes an Entrepreneur? // Journal of Labor Economics. 1998. Vol. 16, № 1. P. 27. DOI: <https://doi.org/10.1086/209881>
- 3 Вишневская Н. Т. Самозанятость в переходных экономиках // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 10. С. 58.
- 4 См.: Блинова Т. В., Вяльшина А. А. Структура неформальной занятости молодежи на российском рынке труда // Социс. 2018. № 4. С. 61–72. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518040074>; Киреев А. П., Климова М. О. Самозанятость населения и теневой рынок труда в России // Проблемы экономики. 2015. № 3. С. 9–12.
- 5 См.: Солодка М. С. Тенденции развития самозанятости и модели налогообложения самозанятых: международный опыт и российские перспективы // Труды Оренб. ин-та (филиала) МГЮА. 2018. № 5 (35). С. 45–49; Кученкова А. В., Колосова Е. А. Дифференциация работников по характеру неустойчивости их занятости // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 288–305. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.15>
- 6 См.: Варшавская Е. Я., Донова И. В. Неформальный найм в корпоративном секторе (где и чем заняты те, кого не видно сверху) // Мир России. Социология. Этнология. 2013. Т. 22, № 4. С. 148–173; Вишневская Н. Т. Самозанятость в переходных экономиках // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 10. С. 58–67; Байтенизов Д. Т., Дубина И. Н., Азатбек Т. А., Кэмпбелл Д. Ф. Дж., Караяннис Э. Г. Экономические функции самозанятости // Экономика.

- Профессия. Бизнес. 2018. № 3. С. 16–23. DOI: <https://doi.org/10.14258/201834>
- ⁷ Тощенко Ж. Т. Прекариат : от протокласса к новому классу. М. : Наука, 2018. С. 81.
- ⁸ См.: Клименко Л. В., Посухова О. Ю. Профессиональная идентичность школьных учителей в условиях прекариатизации социально-трудовых отношений в крупных городах России // *Вопр. образования*. 2018. № 3. С. 36–67. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-3-36-67> ; Харченко В. С. Совмещение работы и учебы в вузе : новые практики и новые смыслы // *Вопр. образования*. 2013. № 3. С. 92–104.
- ⁹ Жвितिашвили А. Ш. Нестабильная занятость и социальное неравенство : западный опыт // *ИНТЕР*. 2016. Т. 1, № 11. С. 20.
- ¹⁰ Харченко В. С. Указ. соч. С. 100.
- ¹¹ См.: Горшков М. К., Батыков И. В., Батыкова А. В., Быков А. В., Голиусова Ю. В., Гришина М. А., Демиденко С. Ю., Епихина Ю. Б., Сушко П. Е., Чередниченко Г. А., Черныш М. Ф., Шилова В. А. Занятость молодежи в мотивационном и структурном измерении // *Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН*. 2017. Вып. 2. С. 22. DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2017.2>
- ¹² См.: Барсукова С. Ю. Эмпирическая энциклопедия о жизни неформала // *Экономическая социология*. 2014. № 5 (15). С. 104–112 ; В тени регулирования : неформальность на российском рынке труда / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшников. М. : ИД ВШЭ, 2014 ; Де Сото Э., Льоса М. В. Иной путь. М. : Catallaxy, 1995.
- ¹³ Российский рынок труда : тенденции, институты, структурные изменения : Доклад ЦеТИ и ЛИРТ НИУ ВШЭ / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшников, С. Ю. Рощина. М. : ЦСР-НИУ ВШЭ, 2017. С. 71.
- ¹⁴ См.: Blanchflower D. G. Self-Employment : More may not be better // *Swedish Economic Policy Review*. 2004. Vol. 11, iss. 2. P. 15–73. DOI: <https://doi.org/10.3386/w10286> ; Williams D. R. Youth Self Employment : Its Nature and Consequences // *Small Business Economics*. 2004. № 4 (23). P. 323–336. DOI: <https://doi.org/10.1023/B:SBEJ.0000032035.30738.01>
- ¹⁵ См.: Стребков Д. О., Шевчук А. В., Спирина М. О. Самостоятельная занятость на рынке удаленной работы : распространение инновационной трудовой практики // *Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены*. 2016. № 6. С. 89–106. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.06> ; Panos G. A., Pouliakas K., Zangelidis A. Multiple job holding, skill diversification, and mobility // *Industrial Relations : A Journal of Economy and Society*. 2014. Vol. 53, iss. 2. P. 223–272. DOI: <https://doi.org/10.1111/irel.12055>

Образец для цитирования:

Касаткина Н. П., Шумкова Н. В. Структура и функции молодежной самозанятости в регионе // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 407–414. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-407-414>

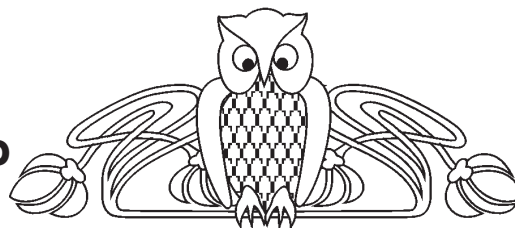
Cite this article as:

Kasatkina N. P., Shumkova N. V. The Structure and Functions of Youth Self-Employment in the Region. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 407–414 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-407-414>

УДК 314.15

Прогнозная модель роста доли столичных жителей по отношению к общей численности населения РФ

А. О. Наймушин, С. И. Замогильный, С. А. Корчагин

Наймушин Андрей Олегович, кандидат физико-математических наук, генеральный директор, Нижне-Волжская студия кинохроники, Саратов, fonarsaratov@mail.ru

Замогильный Сергей Иванович, доктор философских наук, профессор кафедры «Экономика и гуманитарные науки», Энгельсский технологический институт (филиал) Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А., sizamogilny@mail.ru

Корчагин Сергей Алексеевич, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры «Информационная безопасность автоматизированных систем», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., korchaginser@gmail.com

В статье рассматривается устойчивый и нарастающий рост доли столичных жителей по отношению к общей численности населения крупнейшей страны мира на протяжении XIV–XXI вв. Проведен сравнительный анализ доли столичных жителей для стран с наибольшей площадью, с крупнейшими экономиками, с наибольшей численностью населения и с наименьшей его плотностью. Построенная математическая модель позволяет сделать вывод, что рост столичного населения РФ через 50 лет достигнет критического значения. Даны рекомендации по выходу из области недопустимых значений рабочего параметра для сохранения территориальной целостности государства.

Ключевые слова: прогноз, модель, население, столица, перенос, территория, целостность.

Forecast Model of Capital Residents' Share Growth in Relation to the Total Number of RF Population

A. O. Naimushin, S. I. Zamogilny, S. A. Korchagin

Andrey O. Naimushin, <https://orcid.org/0000-0002-0995-3591>, Lower Volga Newsreel Studio, 43 Oktyabrskaya St., Saratov 410002, Russia, fonarsaratov@mail.ru

Sergey I. Zamogilny, <https://orcid.org/0000-0002-0496-163X>, Engels' Technological Institute (branch) of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 17 Svobody Sq., Engels 413100, Saratov region, Russia, sizamogilny@mail.ru

Sergey A. Korchagin, <https://orcid.org/0000-0001-8042-4089>, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia, korchaginser@gmail.com

The article discusses the steady growth of capital residents' share in relation to the total population of the largest country in the world from the XIV to the XXI centuries. A comparative analysis of metropolitan residents' share for the countries with the largest area, economy, population and the lowest density is carried out.

The constructed mathematical model allows to conclude that the growth of the metropolitan population of the Russian Federation in 50 years will reach a critical value. The recommendations are given on how to escape from the realm of unacceptable values of the operating parameter to preserve the territorial integrity of the state.

Keywords: forecast, model, population, capital, transfer, territory, integrity.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-415-422>

В политических и экономических публикациях последних десятилетий очень часто высказываются серьезные опасения в связи с фактическим существованием в границах РФ двух стран – Москвы и провинциальной России. Различия в уровне жизни, бюджете на душу населения, плотности населения на квадратный километр приводят к различным, подчас прямо противоположным целям и задачам населяющих их жителей. Эта проблема накладывается на традиционные трудности «одной шестой» («одной седьмой») суши (дороги, связь, поясное время, многонациональность, многоконфессиональность и т. д.). Результатом этих проблем и противоречий становится безудержный рост столицы, который некоторые ученые-популисты сравнивают с процессом роста раковой опухоли.

К сожалению, работ, изучающих данные вопросы в подобной постановке, нами не найдено. Конечно, есть статьи о динамике численности населения России¹ или о демографической ситуации в Москве², попадаются исследования, посвященные прогнозам численности населения Земли³, но исследования изменения доли столичных жителей и создания на его базе математической модели процесса, которая позволит спрогнозировать положение дел в будущем, никем не производились. Нам кажется, что весьма интересным будет установить, как ведет себя данный параметр (доля столичных жителей – D) для десяти крупнейших по площади стран мира. Не менее полезно посмотреть, как выглядит данный параметр для десятки крупнейших экономик мира (по величине ВВП), а также и для десяти самых богатых стран (по среднему доходу). Сравним их с долей столичных жителей в десяти государствах с самым большим населением и, напротив, с наименьшей плотностью жителей. Мы предпримем шаги в поисках неких закономерностей, сравнивая Россию с близкими с ней по параметрам странами:

- 1) с наибольшей площадью;
- 2) с крупнейшими экономиками;
- 3) с наибольшей численностью населения;
- 4) с наименьшей его плотностью.

С богатейшими странами мы хотим сравнить Россию с целью поиска правильного применения данного параметра, если некая закономерность будет установлена. Во всех выборках мы ограничимся примерами крупных и средних стран, площадью не менее 5% от площади РФ, так как малые страны и страны-карлики явно функционируют и развиваются по иным политико-экономическим, демографическим и миграционным законам.

Для начала мы обратимся к истории, к тому моменту, когда Москва впервые стала столицей Великого княжества, чтобы попасть в начальную точку нашего исследования.

Великое княжество Московское образовалось около середины XIV в. в результате роста Московского княжества, которое выделилось в первой половине XIII в. как удел Владимиро-Суздальского княжества. С 1320-х гг. (с небольшими перерывами в середине века) московские князья носили титул великих князей Владимирских. В начале XIV в. Московское княжество значительно расширилось за счет присоединения Коломны (1301 г.), Переславля Залесского (1302 г.), Можайска (1303 г.). (Такое впечатление,

что после расширения современной столицы до границ «Новой Москвы» она резко приблизилась к границам удельного княжества Московского.) Опираясь на поддержку Новгорода Великого, а также используя вес золотоордынских ханов, князь Юрий Данилович в 1318 г. стал великим князем Владимирским, но с 1325 г. Великое княжество было передано в Тверь. В 1328 г. Иван Данилович Калита приобрел большое доверие хана и вновь стал великим князем. Его умелая политика обеспечила Московскому княжеству длительную передышку от монгольских вторжений, что способствовало подъему его хозяйства и культуры. Выберем середину XIV в. за точку отсчета. Используя доступные источники⁴, мы нашли численность населения Великого княжества Московского, Руси, Российской империи, СССР, РФ в XIV–XXI вв., а также количество жителей Москвы в то же время, включая период существования «двух столиц» с 1710 по 1918 г.

Изменение доли столичных жителей в Великом Московском княжестве – России – Российской империи – СССР – РФ в XIV–XXI вв. указано в табл. 1. Отрезок с 1710 по 1918 г. обращает на себя особое внимание. Появление созданной тогда Петром I «новой столицы» при сохранении столичного, по факту, статуса Москвы привело к отходу от четырехвековой тенденции плавного роста доли столичных жителей с 0,58 до 1,57%.

Таблица 1

Изменение доли столичных жителей в Великом Московском княжестве – России – Российской империи – СССР – РФ в XIV–XXI вв.

Год	Население страны, тыс. чел.	Население столицы, тыс. чел.	Доля столичных жителей (D), %
1350	5200	30	0,58
1400	5650	40	0,71
1500	7875	50	0,63
1600	11 700	100	0,83
1638	12 700	200	1,57
1710	15 000	160 (20)*	1,1
1725	15 700	145 (40)	0,92
1738	16 000	138 (80)	0,86
1750	17 500	130 (120)	0,74
1775	22 000	161 (175)	0,8
1800	35 500	250 (220)	0,7
1825	52 000	242 (425)	0,82
1852	69 000	375 (532)	0,77
1870	85 000	602 (668)	0,79
1900	135 000	1175 (1418)	1,05
1926	147 000	2020	1,37
1956	197 000	4847	2,45
1976	255 524	7658	3,0
2000	146 890	10 126	6,89
2017	146 545	12 381	8,48

Примечание. *В скобках указана численность населения С.-Петербурга.

Доля большей из двух столиц (Москвы) к 1800 г. упала до 0,7%, а затем уже Питер подхватил эстафету роста этого параметра, и она увеличилась к началу XX в. до 1,1% (что значительно уступает значению D к концу XVII в.). И только в последнее столетие, с возвращением центра в Москву, произошел резкий рывок от 1,3 до 8,48%.

На рис. 1 хорошо видны три зоны: 1318–1710 гг., 1710–1918 гг., и 1918–2017 гг. Мы провели аппроксимацию массива наших данных, а также регрессионный анализ и получили следующую функциональную зависимость: $D(t) = a \cdot e^{bt}$, где частные коэффициенты корреляции для данной модели $a = 1.5892$; $b = 6.8140 \cdot 10^{-4}$, стандартное отклонение $\sigma = 0.3081$, коэффициент детерминации $R^2 = 0.0289$.

Для сравнения приведем график роста «раковой опухоли» (зависимость относительного объема опухоли $V_{\text{отн.}}$ от времени) (рис. 2), ис-

пользуя данные в работах российских и зарубежных авторов⁵.

Функциональная зависимость роста раковой опухоли: $V_{\text{отн.}}(t) = a \cdot e^{bt}$, где частные коэффициенты корреляции для данной модели $a = 5,0547$; $b = 0,2589$.

Видно, что в обоих случаях зависимость близка к экспоненциальной, но мы понимаем, что в природе масса процессов описывается подобными зависимостями. Отметим лишь предостерегающую пользу от данного сравнения.

Мы исходим из простейшего практического соображения, что в крупнейшей стране мира крайне неразумно сосредоточивать людские и материальные ресурсы на небольшом участке территории, все более оголяя периферийные области. Такая модель саморазрушительна. Чтобы проверить наши предположения, проанализируем ситуацию в близких по формату моделях – государствах (табл. 2).

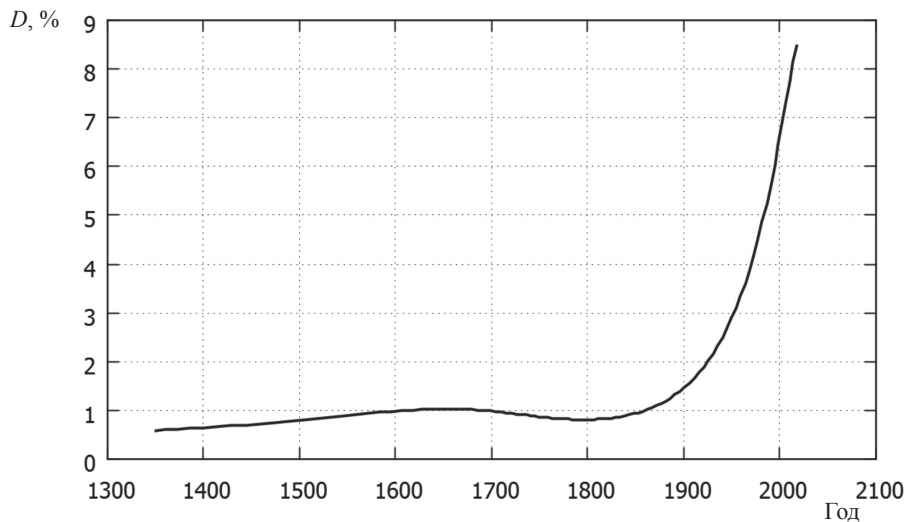

Рис. 1. Динамика доли столичных жителей в Великом Московском княжестве – России – Российской империи – СССР – РФ в XIV–XXI вв.

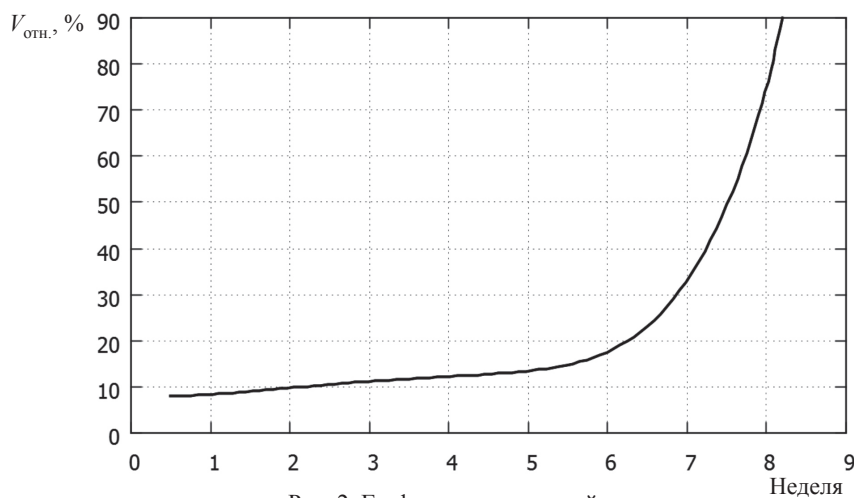

Рис. 2. График роста «раковой опухоли»

Таблица 2

Десятка крупнейших стран мира по размерам территории, их численность, население столиц, доля столичных жителей

Ранг. №	Страна	Площадь, млн кв. км	Численность населения, тыс. чел.	Столица	Численность жителей, тыс. чел.	Доля (D), %
1	Россия	17,125	146 545	Москва	12 381	8,48
2	Китай	9,570	1 378 323	Пекин	21 500	1,55
3	США	9,162	325 500	Вашингтон	6725	2,07
4	Канада	9,094	34 300	Оттава	1236	3,62
5	Бразилия	8,459	210 747	Бразилия	2563	1,22
6	Австралия	7,682	22 016	Канберра	357	1,58
7	Индия	2,973	1 318 700	Дели	16 800	1,27
8	Аргентина	2,737	44 395	Буэнос-Айрес	3356	7,56
9	Казахстан	2,700	18 000	Астана	1000	5,56
10	Алжир	2,382	41 320	Алжир	2590	6,27
Средние значения		7,19	354,800		6860	3,92
Ближайший к среднему объект		Австралия	США		Вашингтон	Канада/ Оттава

Из данных табл. 2 видно, что среди самых крупных стран мира у России самая большая доля жителей столицы, что удивляет, ведь остальные страны десятки меньше, а последние – даже в разы. Среднее значение для данного множества располагается близко к параметрам Австралии, США и Канады и, быть может, задает правильный вектор развития. Можно предположить, что уход нашего параметра (*D*) за пределы удвоенного максимального значения (более 15%) небезопасно для крупной страны.

Среди крупных стран (площадь более 5% от площади РФ) с большой численностью населения (табл. 3) имеются отдельные представители с густонаселенными столицами (ДР Конго и Иран). Можно также предположить, что и здесь выход за пределы удвоенного максимального значения параметра *D* (более 25%) чреват неприятными сюрпризами. К средним «нормальным» странам данной группы относятся США, Индия и Индонезия.

Интересно посмотреть, как будет выглядеть первая десятка стран с наибольшей долей столичного населения среди крупных государств (страны с площадью менее 5% от площади РФ также не рассматриваются) (табл. 4).

Перу с Мавританией с долей столичных жителей более 25% и Монголия, где более 1/3 населения живет в столице (не желая даром пропадать в пустынях типа Гоби), имеют территорию в 10–15 раз меньше, чем РФ. Особо пугают средние для табл. 4 значения численности населения столиц, где ближе всех расположился Хартум, и среднее значение доли столичных жителей, где «бенефициар» – Богота.

В табл. 5 представлены результаты исследования доли столичных жителей десяти крупнейших экономик (по размеру ВВП) среди больших и средних стран (с вышеуказанным ограничением по площади).

Индийские «средние» показатели давно никого не удивляют и имеют свое объяснение. Для нас представляет наибольший интерес сравнение показателей России с показателями Мексики и Индонезии. Доля столичных жителей в Иране больше, чем в России (отметим, что эта страна наименьшая в данной десятке), но мы предполагаем, что уход параметра за показатели более двух максимумов для группы вряд ли возможен для крупной страны с большой экономикой. Здесь мы выбираем *D* = 20% «точкой отсече-

Таблица 3

Первая десятка стран с наибольшей численностью населения

Ранг. №	Страна	Численность населения, тыс. чел.	Площадь, млн кв. км	Столица	Численность населения, тыс. чел.	Доля жителей столицы (D), %
1	КНР	1 378 323	9,570	Пекин	21 500	1,55
2	Индия	1 318 700	2,973	Дели	16 800	1,27
3	США	325 350	9,162	Вашингтон	6 725	2,07
4	Индонезия	261 100	1,919	Джакарта	9 608	3,68
5	Бразилия	210 747	8,459	Бразилия	2 563	1,22
6	Нигерия	186 053	0,924	Абуджа	779	0,42
7	Россия	146 545	17,125	Москва	12 381	8,48
8	Мексика	121 006	1,973	Мехико	8 800	7,27
9	ДР Конго	77 434	2,345	Киншаса	9 464	12,18
10	Иран	78 408	1,648	Тегеран	8 779	11,2
Средние значения		416 000	5,604		9 750	4,95
Ближайший к среднему объект		США	Индия		Джакарта	Индонезия/ Джакарта

Таблица 4

Первая десятка стран с наибольшей долей столичного населения среди крупных государств

Ранг. №	Страна	Площадь, млн кв. км	Численность населения, тыс. чел.	Столица	Численность населения, тыс. чел.	Доля жителей столицы (D), %
1	Монголия	1554	3071	Улан-Батор	1145	36,01
2	Мавритания	1031	3366	Нуакшот	894	26,56
3	Перу	1280	32 274	Лима	8473	26,12
4	Колумбия	1139	45 618	Богота	8081	17,71
5	Ливия	1760	6275	Триполи	1064	16,95
6	Ангола	1247	18 993	Луанда	2825	14,87
7	Саудовская Аравия	2150	33 151	Эр-Рияд	4878	14,71
8	Судан	1861	34 207	Хартум	4273	12,39
9	Мали	1240	14 895	Бамако	1809	12,15
10	Египет	1001	79 020	Каир	9500	12,02
...
14	Россия	17 125	146 125	Москва	12 381	8,48
Среднее значение		1 426	27 000		4300	18,96
Ближайший к среднему объект		Монголия	Перу		Хартум	Колумбия/ Богота

Таблица 5

Десятка крупнейших экономик мира среди стран с большой и средней площадью

Ранг. №	Страна	ВВП, в млн долл. США 2011 г.	Площадь, млн кв. км	Численность населения, тыс. чел.	Столица	Кол-во жителей столицы, тыс. чел.	Доля жителей столицы (D), %
1	США	15 290 000	9162	325 350	Вашингтон	6725	2,07
2	Китай	11 440 000	9570	1 387 323	Пекин	21 500	1,55
3	Индия	4 515 000	2973	1 318 700	Дели	16 800	1,27
4	Россия	2 424 000	17 125	146 545	Москва	12 381	8,48
5	Бразилия	2 324 000	8453	210 474	Бразилия	2563	1,22
6	Мексика	1 683 000	1944	114 975	Мехико	8555	7,44
7	Канада	1 414 000	9094	34 300	Оттава	1236	3,62
8	Индонезия	1 119 000	1812	248 645	Джакарта	9608	3,87
9	Иран	1 003 000	1532	78 869	Тегеран	7798	9,89
10	Австралия	962 200	7682	22 016	Канберра	357	1,58
Среднее значение		4 213 000	6935	391 447		8 752	4,1
Ближайший к среднему объект		Индия	Австралия	США		Мехико	Джакарта/ Индонезия

ния», т. е. точкой, за которой не будет либо крупной экономики, либо большой страны.

Обратно пропорциональна большой численности столичных жителей для крупных стран плотность населения государства (табл. 6). В данной таблице, естественно, много стран с большой долей столичных жителей. Однако стоит отметить, что помимо бедности данных стран все впятером они равны одной трети РФ и для них перенаселенность столиц не так критична. Так как это страны-«антирекордисты», можно предположить, что выход *D* за пределы среднего значения (12,5%) критичен для дальнейшего функционирования и целостности государства.

В ходе исследования была проанализирована корреляция параметра *D* в момент распада крупных империй XIX–XX вв. (табл. 7). К сожалению, никакой зависимости нами здесь не установлено. По-видимому, условия, в которых произошел распад империй, были слишком разными, временной параметр сказывался на всех процессах в данных государствах, и поэтому мы наблюдаем разброс доли столичных жителей от

0,2 до 5,59%. В разные исторические отрезки эта доля была очень различной, но в целом, конечно, в XX в. была больше, чем в XIX, что неудивительно, и связано это с общими внутригосударственными миграционными процессами.

Проведен анализ десятки богатейших (по среднему доходу) стран мира (табл. 8), выделены только средние и крупные по площади страны. Отметим, что таких стран мы насчитали 32 – от России до Венесуэлы.

Мы отбросили такие страны, как Остров Мэн, Монако, Гонконг, Маврикий, Науру, Палау, Барбадос с их микротерриториями и обратились к параметрам стран с территорией более 5% от площади России. Помимо различий в функционировании экономик крупных и мелких стран, очевидно, что для мелких стран и стран-карликов проблема скопления большей части населения в столице не стоит так остро.

В табл. 8 мы видим только одну страну с параметром *D* больше нашего – Саудовскую Аравию, половину территории которой занимают пустыни. Можно ожидать, что уход введенного

Таблица 6

Десятка стран с минимальной плотностью населения среди крупных стран

Ранг. №	Страна	Площадь, млн кв. км	Население, млн чел.	Плотность населения, чел./кв. км	Столица	Численность, тыс. чел.	Доля жителей столицы (D), %
1	Монголия	1554	3071	2,0	Улан-Батор	1145	36,01
2	Австралия	7692	22 263	2,8	Канберра	357	1,58
3	Мавритания	1031	3335	3,1	Нуакшот	894	26,56
4	Ливия	1760	6275	3,6	Триполи	1064	16,95
5	Канада	9094	34 300	3,8	Оттава	1236	3,62
6	Казахстан	2700	18 000	6,6	Астана	1000	5,56
7	Чад	1284	11 193	8,2	Нджамена	951	8,5
8	Россия	17 125	146 545	8,6	Москва	12 381	8,48
9	Боливия	1099	10 461	3,5	Сукре	295	2,82
10	Мали	1240	13 796	11,1	Бамако	1809	13,11
Среднее значение		4460	26 800	5,9		2120	12,5
Ближайший по параметрам объект		Казахстан	Австралия	Казахстан		Бамако	Мали/ Бамако

Таблица 7

Империи XIX–XX вв.

Название империи	Год ликвидации	Площадь, млн кв. км	Численность населения, млн чел.	Столица	Кол-во жителей, тыс. чел.	Доля жителей столицы (D), %	Доля в данный момент для России, %
Великих Моголов	1858	2,6	150	Дели	300	0,2	0,77
Османская	1922	2,33	35	Стамбул	500	1,43	1,37
Британская	1997	31,88	480	Лондон	7000	1,46	6,5
Священная Римская	1806	0,92	17	Вена	350	2,06	0,75
Французская	1870	10,13	38	Париж	1900	5,0	0,79
Германская	1918	2,76	68	Берлин	3800	5,59	1,05
Китайская	1911	9,79	530	Пекин	3600	0,68	1,05
Эфиопская	1974	1,1	32	Адис-Абеба	1100	3,44	3,0

Таблица 8

Доля столичных жителей в богатейших странах мира

Место в списке богатейших стран	Страна	Доход на душу населения, долл. США	Площадь, млн кв. км	Численность населения, млн чел.	Столица	Число жителей, тыс. чел.	Доля жителей (D), %
5	США	48 814	9162	325	Вашингтон	6725	2,07
9	Австралия	42 551	7682	22	Канберра	357	1,58
11	Канада	41 551	9094	34	Оттава	1236	3,62
52	Саудовская Аравия	21 750	2150	33	Эр-Рияд	4878	14,71
80	Аргентина	11 960	2737	44	Буэнос-Айрес	3356	7,56
87	Россия	9720	17 125	146	Москва	12 381	8,46
89	Мексика	9040	1944	114	Мехико	8555	7,44
90	Бразилия	8840	8459	210	Бразилиа	2563	1,22
92	Казахстан	8710	2700	18	Астана	1000	5,56
93	Китай	8260	9570	1387	Пекин	21 500	1,55
Среднее значение		21 120	7073	233		6270	5,38
Ближайший по параметрам объект		Саудовская Аравия	Австралия	Бразилия		Вашингтон	Казахстан/ Астана

нами параметра за пределы значений, т. е. более 15%, является негативным сценарием развития, тогда как средние значения успешно пройдены Россией в прошлом веке.

Итак, из данных разных таблиц для различных групп стран с большой и средней территорией мы установили, что выход D за пределы значения в 15–25% весьма опасен, и мы не можем предложить модели стран, близких по параметрам, не то что успешных, а вообще функционирующих. Используя полученную аппроксимационную функцию $D(t) = a \cdot e^{bt}$, возможно определить, в какой период времени наш параметр достигнет данных пороговых значений и в Москве будет жить 15–25% населения РФ (рис. 3). $D = 15\%$ будет около 2075 г., $D = 20\%$ – около 2110 г. и $D = 25\%$ – около 2140 г. Понятно, что это будет неизбежно приводить к уменьшению плотности населения страны, так как площадь Москвы = 0,014% площади РФ, что может представлять существенную проблему для государства с такой территорией, как наша.

Выход из этого тупика подсказал в свое время Петр I с его переносом столицы из Москвы. Скорее всего, плавный перенос главного города, например, в Екатеринбург, через 50 лет а затем еще через полвека, скажем, в Новосибирск приве-

дет к тем же последствиям, что и в XVII–XIX вв., когда доля большей из двух столиц упала вдвое по сравнению с периодом, предшествующим «переезду», и так и не достигла максимальных значений все те 208 лет, когда центром империи был Санкт-Петербург. Скрытый смысл этого феномена «жизни на две столицы» в том, что ориентированная на обслуживание бюрократической государственной машины часть населения и аффилированные им категории граждан начинают метаться между двумя «центрами силы» и не концентрируются в одной точке. Это весьма состоятельная часть общества, вокруг которой выстраивается «инфраструктура», обслуживающая их, а это масса активных граждан, за ними закрепляют бюджет, который имеет существенное значение. Перенос столицы на Восток страны (но только не на Дальний!) и далее в ее центр приведет к резкому сокращению доли жителей Москвы (старой столицы) и плавному росту доли жителей новой столицы. (В качестве близкой модели можно рассмотреть Казахстан с Алма-Атой/Астаной.) При этом к концу XXI в. доля обеих будет меньше сегодняшнего показателя Москвы. Это приведет к росту плотности населения на востоке страны и государство обретет дополнительный фактор устойчивости.

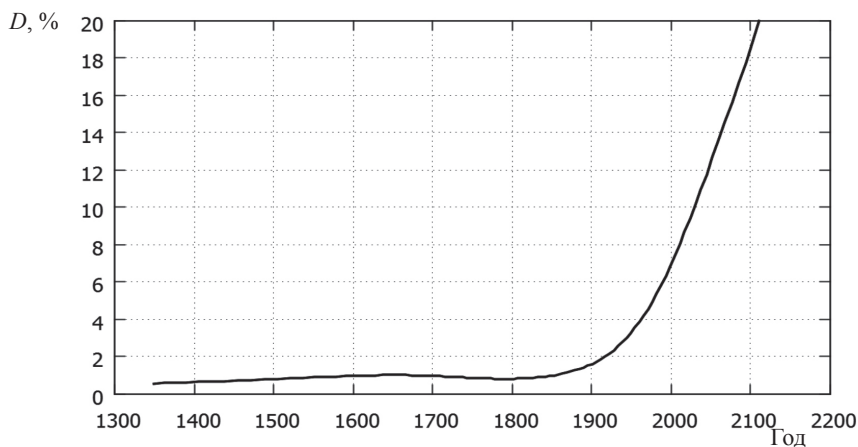

Рис. 3. Прогноз динамики доли столичных жителей в России к 2110 г.

Примечания

- 1 См.: Володарский Я. Е., Ершов С. А. Архивные и расчетные материалы по численности населения в период с 1400 г. по 1725 г. URL: http://baldin.ru/article/read/chislennost_rusi.html (дата обращения: 02.09.2018).
- 2 См.: Денисенко М. Б., Степанова А. В. Динамика численности населения Москвы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Б. Экономика. 2013. № 3. С. 88–97; Рыбаковский Л. Л., Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Рязанцев С. В. Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития. М.: ЦСП, 2006; Кириллов П. Л., Махрова А. Г. Полимасштабный анализ демографического развития Москвы в постсоветский период // SPERO. 2012. № 17. С. 35–56.

- 3 См.: Мировая демографическая ситуация : 2014 год : Краткий доклад. Нью-Йорк, ООН. 2014 ; Вишневский А. Г. Конец североцентризма // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7, № 5. С. 180–196 ; Каница С. П. К теории роста населения Земли // Успехи физических наук. 2010. Т. 180, № 12. С. 1337–1346. DOI: <https://doi.org/10.3367/UFNr.0180.201012g.1337>
- 4 См.: Народонаселение. Энциклопедический словарь / гл. ред. Г. Г. Меликьян. М.: БРЭ, 1994 ; Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1813–1913): Статистические очерки / под ред. С. Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956 ; Сифман Р. И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР : сб. ст. / под ред. А. Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977.

С. 62–82 ; Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет / предисл. С. Г. Струмилина. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1930. (Экономическая библиотека).

⁵ См.: Мухоморова О. Ю., Крищенко А. П. Анализ модели развития раковой опухоли и построение схем антиангиогенной терапии на начальной стадии // Математика и математическое моделирование. 2015. № 3. С. 39–58.

DOI: <https://doi.org/10.7463/mathm.0315.0790877> ; Yang A., Herter-Sprie G., Zhang H., Lin E. Y., Biancur D., Wang X., Deng J., Hai J., Yang S., Wong K.-K., Kimmelman A. C. Autophagy Sustains Pancreatic Cancer Growth through Both Cell-Autonomous and Nonautonomous Mechanisms // *Cancer Discovery*. 2018. Vol. 8, iss. 3. P. 276–287. DOI: <https://doi.org/10.1158/2159-8290.CD-17-0952>

Образец для цитирования:

Наймушин А. О., Замогильный С. И., Корчагин С. А. Прогнозная модель роста доли столичных жителей по отношению к общей численности населения РФ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 415–422. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-415-422>

Cite this article as:

Naimushin A. O., Zamogilny S. I., Korchagin S. A. Forecast Model of Capital Residents' Share Growth in Relation to the Total Number of RF Population. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 415–422 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-415-422>

УДК 316.4.05+60.56

Совершенствование социального партнерства в условиях современного этапа социально-экономического развития России

Т. М. Баландина, Н. Р. Петров

Баландина Таисия Михайловна, доктор социологической наук, профессор кафедры истории, философии, политологии и социологии, Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, balandinatm@gmail.com

Петров Никита Романович, аспирант кафедры истории, философии, политологии и социологии, Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, nr_petrov@mail.ru

В статье раскрываются проблемы социального партнерства в России. Рассматривается значение социально-экономической политики в реализации партнерских отношений между работниками, работодателями, государством. Выявлены основные пути совершенствования социального партнерства в условиях современного этапа социально-экономического развития России. Социальное партнерство рассматривается не только как формальная система взаимодействия отдельных трудовых коллективов, работодателей, профсоюзов, представителей федеральной, региональной, муниципальной власти, направленная на согласование и защиту социально-экономических прав, интересов, нужд работников, но и как комплексный инновационный метод осуществления социально-экономического взаимодействия субъектов труда, определяющий условия разрешения социальных, а также экономических противоречий в отдельных регионах.

Ключевые слова: социальное партнерство, государственная социально-экономическая политика, работник, работодатель, государство.

Improving Social Partnership in the Conditions of the Present Stage of Socio-economic Development in Russia

T. M. Balandina, N. R. Petrov

Taisia M. Balandina, <https://orcid.org/0000-0001-7577-4826>, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, 89 Radischeva St., Saratov 410003, Russia, balandinatm@gmail.com

Nikita R. Petrov, <https://orcid.org/0000-0001-9219-3011>, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, 89 Radischeva St., Saratov 410003, Russia, nr_petrov@mail.ru

The article presents the problems of social partnership in Russia. The significance of socio-economic policy for realizing partnership between workers, employers and the state is considered. The main ways of social partnership improving in the conditions of the present stage of social and economic development of Russia are revealed. Social partnership is considered not only as a formal system of in-

teraction between individual labor collectives, employers, trade unions, representatives of federal, regional, municipal authorities aimed at coordinating and protecting socio-economic rights, interests and needs of workers. Moreover, it functions as a comprehensive innovative method for implementing socio-economic interaction of labor subjects defining the conditions for resolving socio-economic contradictions in separate regions, as well.

Keywords: social partnership, public social and economic policy, worker, employer, state.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-423-426>

В настоящее время в России актуализируются необходимость осмысления проблем обеспечения социальной стабильности общественного развития, создание устойчивой системы социального взаимодействия и партнерства между работодателем, работником и государством. Совершенствование системы социального партнерства, обновление принципов его функционирования в России представляют собой, с одной стороны, необходимое условие желанных для оптимизации социально-экономических отношений, с другой стороны, вариант обеспечения компромисса между собственниками, предпринимателями, работниками и властью. Совершенствование социального партнерства представляет собой в современных условиях единственный возможный механизм цивилизованного разрешения социально-трудовых противоречий в экономической сфере Российской Федерации¹.

В рыночных условиях социальное партнерство представляет собой инновационный метод осуществления социально-экономического взаимодействия, направленного на реализацию социальной миссии по разрешению не только социальных, но и экономических проблем в отдельных регионах². В условиях выживания российской экономики в период санкционного давления в Саратовской губернии прослеживается целый ряд проблем, которые невозможно решить без выстраивания социального партнерства.

Можно привести данные статистики по Саратовскому региону, которые выглядят по настоящему пугающими: в списках банкротов можно встретить настоящие легенды региональной промышленности, такие как АО «АП Саратовский завод резервуарных металлоконструкций», балаковский завод ОАО «Волжский дизель имени Маминых», марксовский ОАО «Волгодизельаппарат». Также в перечне банкротов в разные годы можно было увидеть ОАО «Хвалын-

ский завод гидроаппаратуры», ЗАО «Саратов», ООО «Балаковский завод металлоконструкций», АО «Саратовский радиоприборный завод», ООО «Завод керамзитобетонных изделий», ЗАО «Энгельсский трубный завод», ООО «Группа Компаний «Астэк-С»», ООО «Ямал-ЛТД», балашовский ООО «Трубопрокатный завод» и многие другие предприятия.

В результате около года назад Саратовская область попала в число лидеров России по банкротствам юридических лиц. В исследовании Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования Высшей школы экономики губерния оказалась в числе 25% регионов страны с наихудшей ситуацией³.

Большинство предприятий прошли через производственные конфликты, когда противостояние трудовых коллективов и администрации привело к еще большей напряженности. Не вызывает сомнения тот факт, что наличие социального партнерства могло бы спасти многие предприятия. Конечно же, тут нельзя обойтись и без поддержки третьей стороны – государственных структур, которые должны быть максимально заинтересованными в сохранении производственных мощностей в регионе и в снижении уровня безработицы (несомненно, закрытие предприятий приводит к ухудшению общей социальной обстановки в области). Приведем некоторые данные статистики по губернии:

– в области было зафиксировано 63 банкротства на 100 тыс. населения, что гораздо выше среднероссийского показателя (45 банкротств на 100 тыс. чел.);

– численность занятых в обрабатывающих производствах в регионе лишь снижалась – со 176 тыс. чел. в 2012 г. до 167 тыс. в 2015 г.;

– Саратовская область стала аутсайдером рейтинга бюджетной обеспеченности. По объему бюджетных средств на последнее (14-е) место в ПФО и стала одним из антилидеров (83-е место) в целом по стране (такая информация содержится в базе данных и рейтингах «Открытого бюджета», отметим, что в РФ всего 85 регионов);

– по состоянию на август 2018 г. бюджетные доходы на одного жителя губернии составили 26,9 тыс. руб., расходы – 25,9 тыс. руб.

Именно система социального партнерства на предприятиях могла бы способствовать не только стабилизации производственных процессов, но и повышению эффективности их взаимодействия с поставщиками и покупателями. Современная система социального партнерства, с одной стороны, включает в себя и стабилизирует деятельность трудовых коллективов предприятия, интегрирует деятельность работодателей, профсоюзов, представителей власти, с другой – представляет собой многоуровневый конструкт, определяющий рост эффективности «согласования, коррекции и защиты социальных и эконо-

мических прав и интересов работников и работодателей»⁴. Социальное партнерство помогает также выстраивать и реализовывать социальные отношения нового инновационного уровня, включая предприятия в региональные инновационные национальные проекты. Отсутствие же четкого понимания на практике расширения социального партнерства вызывает социальную напряженность, сокращение государственной поддержки и приводит к трудовым конфликтам.

Реализация интересов экономического развития и предприятий зависит от трехстороннего социального партнерства, которое может быть чрезвычайно значимым для предупреждения роста социальной напряженности и недовольства населения. Руководству предприятий Саратовской области необходимо максимально изучить опыт и практику решения внутренних трудовых конфликтов и возможностей, которые открывают новые механизмы социального партнерства, и в ускоренном варианте внедрять данный опыт у себя. Благодаря расширению полномочий профсоюзного движения затруднен диктат работодателя, а трудовой коллектив получает возможность сформировать собственные требования по таким важнейшим вопросам, как минимальная заработная плата, продолжительность рабочего времени, минимальные социальные гарантии, соблюдение техники безопасности. Также, следуя сложившимся в зарубежной традиции практикам, можно говорить о том, что союзы предпринимателей должны более активно решать собственные проблемы и продвигать интересы предприятий на муниципальных, региональных и федеральном уровнях⁵. Следовательно, в Российской Федерации и государственные структуры должны стремиться к международно признанным нормам и стандартам в рамках социального партнерства.

Следующей проблемой, требующей решения на всех уровнях социального партнерства, является ответственность за неисполнение принятых обязательств. В настоящее время профсоюзы стоят на позиции силовых методов воздействия на предпринимателей и правительство, так как большинство своих обязательств последние не выполняют. При этом ряд специалистов рекомендуют совершенствовать социальное партнерство в России «с учетом особенностей прежней советской системы управления, национального менталитета, актуального экономического и политического положения, современных глобальных тенденций развития»⁶. Умение идти на компромиссы и учитывать интересы всех сторон способно сдвинуть ситуацию с мертвой точки.

На основании вышеизложенного можно уточнить условия для развития социального партнерства в Российской Федерации в целом.

1. Формирование в стране эффективной социально ориентированной экономики, способ-

ной обеспечить достаточно высокий уровень жизни населения и повысить качество жизни, создать условия для общественной стабильности (эффективная экономика – залог высокого уровня занятости населения и стабильных доходов).

2. Использование социального партнерства как метода разрешения противоречий между трудом и капиталом при наличии среднего класса (в этом направлении объявлена поддержка Правительством РФ малого и среднего бизнеса, чья доля в экономике России сейчас невелика).

3. Не нарушать главного условия социального партнерства – компромисса между трудом и капиталом, искать все возможные пути разрешения конфликтов через достижение компромиссов и постоянно искать новые методы сотрудничества между администрациями предприятий и трудовыми коллективами.

4. Повышение авторитета и роли профсоюзов в социальном партнерстве. Доверие к этой структуре должно возрастать и со стороны трудового коллектива, чьи интересы профсоюз призван защищать, и со стороны администраций предприятий как оппонентов по переговорным процессам. В настоящее время с этим вопросом в России ситуация крайне сложная, по данным соцопросов только 8% работающих доверяют данным организациям, считая, что они созданы лишь для сбора профсоюзных взносов, но не выполняют обязанностей по защите трудящихся. Отсюда снижение численности профсоюзов и их членов.

5. В Российской Федерации необходимо работать над формированием новой ментальности у трудящихся и предпринимателей. Современная ситуация показывает нам примеры, сравнимые со временем крепостного права, когда одни выступают в качестве хозяев, а другие – подневольных рабов. Россиянин не обучен, придя к работодателю, «продавать себя» по той цене, которой он достоин, не каждый трудящийся находит в себе силы и мужество идти до конца, отстаивая свои права. При таком подходе невозможно говорить о полноценном диалоге сторон. Специалисты уверены, что только «в условиях перманентного социального диалога сторон, осознания ими необходимости интеграции интересов социальное партнерство явится тем инструментом, с помощью которого будет достигнут социальный мир и гармония социально-трудовых отношений, станет возможным ускоренное продвижение в направлении стабильной, инновационной экономики»⁷.

6. Необходимо обратить пристальное внимание на формирование правового поля в рамках социального партнерства. Среди трудовых коллективов, предпринимателей и представителей государственных структур нет должной правовой культуры. Она необходима для участия в договорных процессах, в трудовой этике. Это очередной шаг в выстраивании гражданского об-

щества и грамотных рыночных отношений. Необходимы структуры, способные обучать основам трудовой этики и культуре сотрудничества, тем более что данный процесс взаимовыгоден обеим сторонам.

7. Должна вестись работа по разработке методик, положений, рекомендаций и пособий по формированию сторон социального партнерства, ведению переговоров и процедур посредничества, организации подготовки, заключению и выполнению соглашений и коллективных договоров, регистрации и распространению их действия, способам разрешения коллективных трудовых споров. Следующим этапом в данном направлении должно стать формирование кадрового обеспечения работы по социальному партнерству, что предполагает разработку программы различных форм обучения, повышения квалификации работников органов исполнительной власти (местного самоуправления), объединений работодателей, профсоюзов, занимающихся вопросами социального партнерства.

8. Также одним из направлений совершенствования социального партнерства на предприятиях России должно стать повышение исполнительской дисциплины. Каждая из сторон – участников социального партнерства – берет на себя определенные обязательства, однако их исполнение крайне низкое, зачастую на предприятиях нарушается провозглашаемое социальным партнерством равенство сторон и открытость при принятии важных для производства и трудового коллектива вопросов. Следовательно, решение данной проблемы способно в целом улучшить ситуацию.

Таким образом, на предприятиях России есть необходимые условия для социального партнерства, но реализация его программ сталкивается со множеством реально существующих проблем, требующих решения со стороны государственных структур, администраций предприятий и профсоюзов как представителей трудового коллектива.

Примечания

- 1 См.: Баландина Т. М., Кузьмин А. В. Внешний социальный контроль хозяйственной организации // Вестн. СГСЭУ. 2015. № 1 (46). С. 85–90.
- 2 См.: Шипитко А. Б. Современные модели социального партнерства в социально-трудовой сфере // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 35–40.
- 3 См.: Территория промышленного пессимизма. URL: <http://www.vzsar.ru/special/2018/11/06/territoriya-promyshlennogo-pessimizma.html> (дата обращения: 08.05.2019).
- 4 Шипитко А. Б. Методологические основы исследования социального партнерства хозяйственных организаций // Вестн. ПАГС. 2013. № 1 (34). С. 104.

- ⁵ См.: Быченко Ю. Г., Баландина Т. М. Современная социологическая интерпретация общественного воспроизводства // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 46–52.
- ⁶ Землянухина Н. С., Эмих И. В. Концептуальные на-
правления совершенствования российской системы социального партнерства с учетом германского опыта // Вестн. СГТУ. 2009. № 3 (40). С. 156.
- ⁷ Янченко Е. В. Социальное партнерство как гарантия достойного труда (на примере Саратовской области) // Управленец. 2010. № 11–12. С. 41.

Образец для цитирования:

Баландина Т. М., Петров Н. Р. Совершенствование социального партнерства в условиях современного этапа социально-экономического развития России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 423–426. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-423-426>

Cite this article as:

Balandina T. M., Petrov N. R. Improving Social Partnership in the Conditions of the Present Stage of Socio-economic Development in Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 423–426 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-423-426>

УДК 316.74:2

Воцерковленность современной православной молодежи: социологический анализ факторов и тенденций развития

Е. И. Уфимцева

Уфимцева Екатерина Игоревна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ufim75@mail.ru

Статья посвящена социологическому анализу феномена воцерковленности современной православной молодежи Русской Православной Церкви (РПЦ). Эмпирическим основанием анализа выступают данные всероссийских социологических опросов Левада-Центра, ВЦИОМ, а также результаты региональных количественных и качественных социологических исследований религиозности современной российской молодежи. Представлены количественная и качественная характеристики воцерковленности современной православной молодежи. В зависимости от степени воцерковленности выделяются и описываются три когорты православной молодежи: «ядро», «полупериферия», «периферия». Указываются социокультурные факторы воцерковленности.

Ключевые слова: воцерковленность, воцерковление, православная молодежь, Русская Православная Церковь.

Churching of Modern Orthodox Youth: Sociological Analysis of Factors and Trends of Development

Е. И. Ufimceva

Ekaterina I. Ufimceva, <https://orcid.org/0000-0002-0164-2430>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ufim75@mail.ru

The article is devoted to the sociological analysis of modern Orthodox youth of the Russian Orthodox Church (ROCh) churching phenomenon. The empirical basis of the analysis is formed by the all-Russian sociological surveys of Levada-Center, Vtsiom, as well as by the results of regional quantitative and qualitative sociological studies of Russian youth religiosity. The quantitative and qualitative characteristics of the churching of modern Orthodox youth are presented. Depending on the degree of churching stance, three cohorts of Orthodox youth are described: "core", "semiperiphery", "periphery". The socio-cultural factors of churching are indicated.

Keywords: churching, the orthodox youth, Russian orthodox church.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-427-431>

«Православная молодежь» – очень широкое по смыслу и значению понятие. В рамках данного теоретического исследования под современной российской православной молодежью мы будем понимать социальную общность граждан РФ в возрасте 14–29 лет, в настоящее время проживающих на территории России и являющихся членами Русской Православной Церкви (РПЦ) вследствие принятия Таинства

Крещения, но не входящих в состав духовенства и монашества.

На настоящий момент точных официальных данных как о количестве православных россиян в целом, так и о количестве молодых россиян современной РПЦ не существует. Последний раз на общегосударственном уровне данный показатель был представлен в рамках переписи 1937 г. На тот момент к православным христианам в возрасте от 16 лет и старше себя отнесли 42,3% граждан СССР (75,2% от общего числа верующих)¹. При этом молодежь (16–29 лет) оказалась менее религиозной по сравнению с людьми среднего и пожилого возраста: 39% против 75%. В то же время каждый третий представитель молодого поколения был верующим.

Имеющиеся сегодня данные о количестве в составе современных российских религиозных общностей, а также их молодежного сегмента представляют собой данные приблизительные, являющиеся результатами локальных социологических исследований, проводимых отдельными российскими исследователями, исследовательскими организациями или центрами изучения общественного мнения. Так, по результатам опроса Левада-Центра 2017 г., общее количество россиян, идентифицирующих себя с православными и принадлежащими к Русской Православной Церкви, составило 75%. Таким образом, с учетом общей численности населения РФ на 2017 г. 146 800 тыс., количество идентифицирующих себя с православными составило 110 млн чел. (уровень 1937 г.)². Вместе с тем результаты опроса не указывают, сколько из этого числа людей действительно принадлежат к РПЦ вследствие принятия ими Таинства Крещения, а не вследствие религиозной самоидентификации по национальному или культурному признаку.

К сожалению, в отчетах Левада-Центра или ВЦИОМа данных о численности православной молодежи не содержится. Некоторые приблизительные данные количества православной молодежи предлагают отдельные региональные исследования. Однако имеющиеся расхождения между этим данными значительны:

- на 1997 г. – 39%³ от общего числа опрошенной молодежи, предположительно Московского региона;
- на 2016 г. – 79%⁴ от общего числа опрошенных студентов вузов г. Москвы;
- на 2018 г. – 52%⁵ от общего числа опрошенной молодежи с помощью интернет-опроса.

В целом можно сделать вывод, что на актуальный времени момент мы не обладаем адекватным количественным показателем общей численности российской православной молодежи. Для получения этих данных нужны межрегиональные социологические исследования, осуществляемые единым социологическим инструментарием при едином порядке расчета выборочной совокупности опрашиваемых.

Как отмечают исследователи, религиозность современной российской православной молодежи неоднородна. Эта неоднородность характерна для всей православной общности России и, прежде всего, проявляется по трем параметрам:

- количество идентифицирующих себя с православными (75%) выше количества принявших крещение в РПЦ (69%)⁶ (культурная профессиональность);

- среди принявших крещение в РПЦ определенную долю составляют атеисты (13%)⁷;

- процент регулярно исповедующихся и причащающихся представлен в пределах 3–5%⁸.

С нашей точки зрения, эта неоднородность религиозности российской православной общности и ее молодежного сегмента обусловлена различной степенью воцерковленности их представителей.

Понятие «воцерковленность» является производным от понятия «воцерковление», возникшего в христианской церковной традиции и сегодня применяемого в дискурсе РПЦ. В социологическое исследовательское поле «воцерковление» было введено российским социологом В. Ф. Чесноковой, которая определяет воцерковление как добровольное признание человеком влияния Церкви через усвоение для себя установленного в ней образа жизни и образа мыслей⁹. В соответствии с позицией В. Ф. Чесноковой воцерковленность может пониматься как комплексное качество личности, усвоившей опыт православного образа жизни, с помощью которого она становится способной достичь духовно-нравственного совершенства согласно Евангельскому идеалу – личности Иисуса Христа. Воцерковленность как социальный феномен обладает обязательными внешними проявлениями: частота молитвы, посещение храма, чтение вероучительной литературы, частота исповеди и причастия. Эти внешние признаки могут быть социологически измерены с помощью методики определения глубины процесса воцерковления православного верующего, которая была разработана В. Ф. Чесноковой и называется «индекс воцерковленности (В-индекс)». Данная методика с некоторыми дополнениями или изменениями уже неоднократно апробировалась в эмпирических социологических исследованиях¹⁰, в том числе в одном из авторских исследований, посвященном изучению отношения православных родителей к обучению детей в воскресной школе¹¹.

Результаты социологического измерения воцерковленности российской православной молодежи позволяют выделить в структуре данной

общности в зависимости от степени воцерковленности ее представителей три когорты. Эти когорты, пользуясь терминологией американского социолога Иммануила Валлерстайна, можно обозначить как «ядро», «полупериферию» и «периферию» российской молодежной православной общности. Каждая когорта обладает общими для ее представителей характеристиками религиозности и воцерковленности. Дадим общую характеристику каждой когорте, опираясь на результаты современных социологических исследований¹².

Наиболее религиозной является православная молодежь когорты «ядра» – «воцерковленная молодежь». По результатам исследований, объем ядерной когорты российской православной молодежи составляет 4–6% от ее общей численности. Для этой категории молодежи православная вера является осью формирования ее социальной идентичности и статусного набора, включающего: семейный, образовательный, профессиональный, этнической и другие социальные статусы. Православная вера оказывает определяющее влияние на ее мировоззрение, образ жизни, ролевое и нравственное поведение.

Именно эта категория молодых людей ежедневно молится, регулярно читает священные книги, еженедельно посещает церковь, а также ежемесячно исповедуется и причащается. Регулярность участия в общественных богослужениях и церковных таинствах исповеди и причастия признается ими как необходимое и обязательное условие их религиозной жизни. Важным направлением духовной жизни воцерковленных молодых людей является внутренняя работа над самими собой, включающая нравственную саморефлексию и самовоспитание сообразно системе нравственных христианских ценностей. Обязательным элементом религиозной жизни воцерковленной российской православной молодежи становится приходская активность, их участие во внебогослужебной деятельности конкретной церковной общины. Для девушек она связана с участием в организации деятельности воскресной школы, издательской деятельностью приходской газеты, социальным служением прихода. Приходская активность юношей реализуется в их помощи священнослужителям при подготовке к богослужению, в приобретении статуса церковнослужителя – пономоря, псаломщика или алтарника.

Воцерковленная молодежь имеет самый большой стаж воцерковления по сравнению с остальными когортами. К православной вере они либо были приобщены с детства в семье, либо их религиозное обращение произошло самостоятельно от семьи в юношеском возрасте. Во втором случае молодым людям приходилось порой преодолевать недопонимание или неодобрение их духовного выбора со стороны родителей и сверстников. Как показывают результаты исследований, преодолеть эти и другие трудности воцерковления молодым людям помогают, во-первых, психологическая

поддержка, духовное наставничество, социальное участие священников. Вспоминая свой первый и последующий опыт общения со священниками, воцерковленные молодые люди отмечают, что они встретили в их лице внимательных слушателей, рассудительных наставников, участливых и неравнодушных к их личным проблемам людей, а главное – пример христианского отношения и образа жизни. Именно священники являются ключевыми агентами воцерковления православной молодежи, осуществляя адаптационную, поддерживающую, просветительскую, наставническую функции. Вторым значимым ресурсом воцерковления православной молодежи после священства выступает наличие социальных связей, личных контактов, регулярного общения с воцерковленными сверстниками, единомышленниками своей возрастной категории. Третий ресурс – социальная востребованность, включенность в какую-либо деятельность в приходе, непосредственное участие в богослужбных, хозяйственных, образовательных, социальных и иных мероприятиях, организованных приходом. Поэтому результативность воцерковления православной молодежи во многом определяется уровнем ресурсного обеспечения этого процесса со стороны РПЦ, наличием различных форматов приходского взаимодействия воцерковленной молодежи: молодежных обществ, семейных православных клубов, волонтерских служб.

Вторую, «полупериферийную», когорту формирует российская православная молодежь, уверенно заявляющая о своей вере в Бога. По результатам исследований, объем данной когорты составляет 14–20% от общей численности. Молодежь этой группы склонна оценивать религию как способ передачи культурного наследия новым поколениям людей (47%), как средство укрепления единства общества (34%), как то, что создает чувство социального благополучия, укрепляя веру человека в свои силы (28%). Молодые люди, относящиеся к данной категории, участвуют в религиозной жизни Церкви, но религиозные практики их пока не столь интенсивны, как у представителей первой когорты.

Третья, «периферийная», когорта российской православной молодежи является наиболее объемной и составляет 75–80%¹³ от общей численности (62% – общевозрастной показатель от общей численности православных¹⁴). В нее входит православная молодежь трех категорий: а) неверующие (атеисты); б) безразлично относящиеся к религии и атеизму (индифферентисты); в) сомневающиеся (колеблющиеся). При этом процент молодых атеистов колеблется в диапазоне от 9% (Москва, 2017) до 19% (Саратов, 2018) от общей численности православных. Что касается феномена конфессионального атеизма, то он не имеет сугубо российско-православной природы. Этот феномен в такой же степени характерен для российской мусульманской молодежи и в большей степени – для христианской молодежи

европейских стран (в частности Германии). Как показывают исследования, православных атеистов характеризует разная степень религиозной толерантности в отношении к религиозной сфере: от простого признания своей атеистичности до декларации враждебного отношения к идее Бога, религиозным организациям, институту РПЦ, православному духовенству. Представителям данной категории присущи оценки религии как «средства манипуляции народом», а РПЦ – как «опоры абсолютистской власти и крепостного строя, препятствующей развитию страны» (11%); как «препятствия свободе слова, развитию науки и искусства» (7%); как «основной причины отдаления России от западной цивилизации и, как следствие, отставание страны» (7%)¹⁵.

В целом религиозное мировоззрение представителей периферийной когорты исследователи характеризуют как размытое, неопределенное, с отсутствием ясного содержания, противоречивое, нецельное, синкретичное, дуалистичное (включающее в себя наряду с христианскими образцами поведения оккультно-магические элементы веры), наполненное мифологическими представлениями о православном вероучении и современной жизни РПЦ. Основная часть православной молодежи «периферийной» когорты православно неграмотна, не имеет элементарных знаний в области православного вероучения, истории христианства и РПЦ. При этом она информационно изолирована от православно-церковного контента в силу преобладания в общественном, семейном, личностном информационном пространстве нерелигиозных информационных предпочтений. Верующую молодежь этой когорты характеризует преимущественно внеинституциональная внецерковная религиозность (по Т. Лукману, «приватная религиозность»), которая декларируется расхожим выражением «Бог у меня в душе». Православная молодежь данной когорты отличается отсутствием или крайне низкой степенью участия в церковной жизни. Приведем для сравнения результаты двух социологических исследований – красноярского (2010 г.) и московского (2016 г.). Данные представлены в процентах и указываются из общего числа опрошенной православной молодежи:

- 1) посещение православного храма:
 - «никогда не были в церкви» – 11%, «реже, чем раз в год» – 28%, «раз в год» – 16 %. Общий процент – 55 (Красноярск, 2010 г.);
 - «никогда не были» – 1%; «в исключительных случаях» – 26%. Общий процент – 27 (Москва, 2016 г.);
- 2) участие в Таинстве Исповеди:
 - «никогда не участвовал» – 67%, «реже, чем раз в год» – 16%, «раз в год» – 7%. Общий процент – 90 (Красноярск, 2010 г.);
 - «никогда не участвовал» – 37%, «в исключительных случаях» – 39%. Общий процент – 76 (Москва, 2016 г.);
- 3) соблюдение поста:

– «не соблюдаю никаких постов» – 75% (Красноярск, 2010 г.);

– «не соблюдаю никаких постов» – 84% (Москва, 2016 г.);

4) чтение духовной литературы:

– «нет, не читаю» – 55% (Красноярск, 2010 г.);

– «не читаю, но собираются начать» – 24%;

«не читаю и не считаю это необходимым» – 38%.
Общий процент – 62 (Москва 2016 г.);

5) молитва:

– «наизусть не знаю, обычно молюсь своими словами» – 44%, «не молюсь» – 5%. Общий процент – 49 (Красноярск, 2010 г.);

– «редко молюсь» – 60%, «никогда не молюсь» – 20%.
Общий процент – 80 (Москва, 2016 г.).

Феномен религиозной периферии, наблюдаемый на современном этапе в структуре российской православной общности, объясняется экспертами, прежде всего, двумя факторами: советским бэкграундом православной общности РПЦ и социокультурными особенностями модели общества потребления, к которой относится современное российское общество. Во-первых, исследователи считают, что феномен религиозной периферии в РПЦ является следствием разрушенной за советский период межпоколенческой преемственности православного мировоззрения, ценностей и образа жизни. В советском обществе при отсутствии условий для богослужебной и приходской жизни, под угрозой физического истребления, политических преследований и социально-экономических санкций православные россияне в своей массе были отсечены от живого преемства Церкви. Это обусловило формирование у них искаженных или неполноценных – внеинституциональных, псевдорелигиозных и псевдохристианских – представлений и практик. Подавляющее большинство россиян, принявших православное крещение в советский период, в силу законодательных запретов не было катехизировано, религиозно не воспитывалось и не просвещалось и, как следствие, осталось религиозно и православно неграмотно или даже не религиозно. Свою православную самоидентификацию и религиозную неграмотность они транслировали последующим поколениям, и непосредственно поколению современной молодежи. Отсюда среди молодых православных респондентов определенный процент неверующих и значительный процент сомневающих и индифферентных.

Другой значимый фактор феномена религиозной периферии – это ценностные основания общества потребления. Данный тип общества характеризуется онтологической установкой на единственную универсальную ценность – материальное благополучие. Общество потребления не предлагает личности других ценностных ориентиров. Духовная жизнь в этом обществе не в приоритете. Как социологи, так и церковные деятели отмечают фундаментальное противоречие между христианскими традициями и либеральными ценностями общества потребления. Немецкий социолог

Ю. Хабермас подчеркивает, что «либеральное государство, со своей стороны, подозрительно относится к верующим, полагая, что западная секуляризация – это дорога с односторонним движением, оставляющая религию на обочине»¹⁶. Кстати, о существенном противоречии между навязываемой российскому обществу и российской молодежи системой потребительских ценностей и христианскими нормами поведения заявляют не только социологи, представители Церкви, но и сами молодые люди. Среди «антихристианских норм поведения» они выделяют непочитание старших, неуважение к друг другу, жизнь в свое удовольствие. Позвольте привести одну цитату из интервью православной респондентки 17 лет:

Сейчас чаще всего молодые люди пьют, курят, ходят по клубам. Естественно, как религию можно с этим совместить?! А для того, чтобы ходить по этим клубам, себя надо оправдывать, и поэтому нельзя допускать, чтобы другие люди были религиозными. Нужно, чтобы вся масса ходила в клубы, чтобы самому человеку было спокойнее: а все ходят и я хожу, религиозных нет, и все нормально»¹⁷.

В современном российском обществе, особенно в молодежной среде, православный человек является «белой вороной». Таким образом, в условиях отсутствия религиозного воспитания и подлинных примеров православного вероисповедования в семье, подавляющего влияния гедонистических установок в современном российском обществе и склонности молодежи к конформизму массовое воцерковление молодого поколения православных россиян, с нашей точки зрения, представляется маловероятным.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что для объективного количественного и качественного анализа феномена воцерковленности современной православной молодежи РПЦ необходимо понимать, что воцерковление – это социально-психологический процесс, который включает не только аффилиацию – интеграцию личности в православную общность Русской Православной Церкви, присоединение к конкретной приходской группе (церковному приходу), обретение ею социального статуса в этой общности и освоение религиозного (культового) поведения. Внутренним содержанием процесса воцерковления является развитие православной идентичности личности, осуществляемое через интернализацию (инкорпорирование) и хабиитуализацию ею православного мировоззрения, православной системы атрибуции или интерпретации происходящего, православного дискурса, православной системы нравственных ценностей и идеалов, православного опыта религиозных переживаний, православную модель мотивационной структуры, православную модель социальных отношений и социальных ролей, православного образа жизни и быта. Следовательно, как промежуточным, так и итоговым результатом процесса воцерковления является нравственный характер

личности, совокупность ее нравственных качеств, измеряемых и оцениваемых в соответствии с абсолютным нравственным идеалом в христианстве – личностью Иисуса Христа, т. е. христианский характер личности. Исходя из такого понимания процесса воцерковления, становится понятным, что развитие православной идентичности современной православной молодежи требует определенных социокультурных условий как на микро-, так и на макросоциальном уровнях. Очевидно, что в современном российском обществе воспроизводство таких условий (описанию которых стоит посвятить отдельное исследование) не носит массового характера. Вместе с тем, как показывают авторские исследования, воцерковление современных православных россиян – это процесс, к которому человек может обратиться не только в молодом, но и в зрелом, и в старшем возрастах¹⁸. Эмпирически наблюдаемый в современной Русской Православной Церкви процесс «вновь присоединения» («обращения изнутри», «вторичного перехода», «рехристианизации», «религиозной интенсификации»¹⁹) позволяет рассматривать количественные показатели воцерковленности современной православной молодежи как динамическую характеристику православной общности РПЦ.

Примечания

- ¹ См.: *Жиромская В. Б.* Религиозность народа в 1937 году // Исторический вестн. 2000. № 5. С. 46–54.
- ² См.: Вера и суеверия // Левада-Центр : аналитический центр Юрия Левады : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2017/11/16/17049/> (дата обращения: 12.12.2018).
- ³ См.: *Варзанова Т. И.* Религиозные ориентации молодых россиян (Возрастной и гендерный аспекты проблемы) // Мужчина и женщина в современном мире : меняющиеся роли и образы : материалы III Междунар. конф. по гендерным исследованиям / отв. ред. И. М. Семашко, А. Н. Селовская : в 2 т. Т. 1. М. : Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1999. С. 274–286.
- ⁴ См.: *Тихомиров Д. А.* Особенности религиозности московских студентов // Мониторинг общественного мнения. 2017. № 3 (139). С. 177–191.
- ⁵ См.: *Неруш А. А., Бирюков Д. И.* Стратегии религиозной толерантности и интолерантности православной молодежи // Социология религии в обществе Позднего Модерна : православный акцент : сб. ст. по материалам VII Междунар. науч. конф. НИУ «БелГУ», 4–5 октября 2018 г. / отв. ред. С. Д. Лебедев. Белгород : ИД «Белгород», 2019. С. 120–125.
- ⁶ См.: Верим ли мы в Бога? // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2016> (дата обращения: 12.12.2018).
- ⁷ См.: Вера и суеверия // Левада-Центр.
- ⁸ См.: Социальный портрет «молчаливого большинства России» // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет : [сайт]. URL: <http://pstgu.ru/news/press/2014/04/11/52300> (дата обращения: 12.12.2018).
- ⁹ См.: *Чеснокова В. Ф.* Тесным путем : процесс воцерковления населения России в конце XX века. М. : Акад. Проект, 2005. С. 12.
- ¹⁰ См.: *Алексеева М. С.* Воцерковленность как показатель религиозности // Социс. 2009. № 9. С. 97–102 ; *Синелина Ю. Ю.* Воцерковленность и суеверное поведение жителей Ярославской области // Социс. 2005. № 3. С. 96–107 ; *Синелина Ю. Ю.* Динамика процесса воцерковления православных // Социс. 2006. № 11. С. 89–97.
- ¹¹ См.: *Уфимцева Е. И.* Отношение родителей к обучению детей в православной воскресной школе // Научный результат. Социология и управление. 2016. Т. 2, № 4. С. 63–73. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2016-2-4-63-73>
- ¹² См.: *Тихомиров Д. А.* Указ. соч. ; *Шибанова Н. А.* Современная православная молодежь Красноярского края // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. «Политология. Религиоведение». 2013. № 1 (10). С. 209–215 ; *Уфимцева Е. И.* Особенности воцерковления в оценках православной молодежи // Социс. 2013. № 1. С. 127–134 ; *Ufimceva E.* Orthodoxe Jugendgruppen am Beispiel der Eparchie Saratov // Religion & Gesellschaft in Ost und West (RGOW). 2017. № 10. P. 18–19.
- ¹³ См.: *Тихомиров Д. А.* Указ. соч. ; *Шибанова Н. А.* Указ. соч.
- ¹⁴ См.: Вера и суеверия // Левада-Центр.
- ¹⁵ См.: *Тихомиров Д. А.* Указ. соч.
- ¹⁶ *Хабермас Ю.* Вера и знание. Glauben und Wissen // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы : пер. с нем. М. : Весь Мир, 2002. С. 124–125.
- ¹⁷ *Уфимцева Е. И.* Особенности воцерковления в оценках православной молодежи. С. 134.
- ¹⁸ См.: *Уфимцева Е. И.* Старшее поколение : особенности воцерковления // Социология религии в обществе Позднего Модерна : православный акцент : сб. ст. по материалам VII Междунар. науч. конф. НИУ «БелГУ», 4–5 октября 2018 г. / отв. ред. С. Д. Лебедев. Белгород : ИД «Белгород», 2019. С. 152–158.
- ¹⁹ См.: *Трофимов С. В.* Индивидуализм и типы религиозных верующих в ранней теории Д. Эрвье-Леже // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 204–218.

Образец для цитирования:

Уфимцева Е. И. Воцерковленность современной православной молодежи: социологический анализ факторов и тенденций развития // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 427–431. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-427-431>

Cite this article as:

Ufimceva E. I. Churching of Modern Orthodox Youth: Sociological Analysis of Factors and Trends of Development. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 427–431 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-427-431>

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.4.05

Социальная защита профессиональной группы как фактор преодоления социальной напряженности

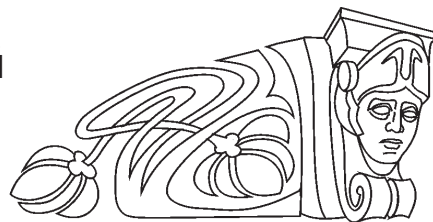
П. Ю. Кулагина, Р. Н. Девлетов

Кулагина Полина Юрьевна, аспирант кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kulaginapyu@mail.ru

Девлетов Руслан Николаевич, адъюнкт кафедры гуманитарных и социальных наук, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии РФ, kafedra_soc.nauk@bk.ru

В современных условиях расширяется система социальной защиты населения, вместе с общими инструментами формируются дополнительные комплексы социальной защиты отдельных профессиональных групп. Расширяются направления социальной защиты, трансформируется содержание механизма реализации ее отдельных подсистем. Сегодня необходимо новое теоретико-методологическое обоснование процесса защиты отдельной профессиональной группы. Между тем в научной литературе пока нет четкого определения категории «социальная защита профессиональной группы», отсутствуют исследования теоретических подходов по данной проблеме. Авторы статьи осуществляют анализ социологических концепций, раскрывающих процесс социальной защиты профессиональной группы, ранжируют данные концепции на группы, выявляют общие принципы социологического анализа данного явления. Уточняется сущность профессиональной социальной группы как совокупности акторов одной из специфических профессий, характеризующихся объединенными знаниями, умениями и навыками, профессиональной идентичностью членов, общностью интересов, а также специфическими условиями труда. Доказывается, что социальная защита профессиональной социальной группы в современных условиях – это подсистема общего механизма защиты населения, дополнительный общественный механизм, охватывающий комплекс проектов и мер государственной, а также общественной помощи и поддержки лиц, осуществляющих свою деятельность в рамках определенной профессиональной группы. Выявлены основные формы ее проявления: 1) механизм регулирования жизнедеятельности профессиональной группы, обеспечение соблюдения ее прав, необходимых льгот, гарантий; 2) специфический социальный институт, характеризующийся определенным комплексом норм, ценностей, минимальных стандартов, определяющих обеспечение прав, льгот, гарантий профессиональной группы. Социальная защита профессиональной группы направлена, с одной стороны, на преодоление несправедливости, материальную помощь представителям определенной профессиональной группы, оптимизацию условий воспроизводства человеческого потенциала акторам труда, с другой стороны – на то, чтобы преодолеть социальную напряженность в трудовых коллективах и в обществе в целом.

Ключевые слова: социальное обеспечение, социальная защита профессиональной группы, социальный институт, социальный процесс, общество.

Social Protection of a Professional Group as a Factor of Overcoming Social Tension

P. Yu. Kulagina, R. N. Devletov

Polina Yu. Kulagina, <https://orcid.org/0000-0003-0438-370X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, kulaginapyu@mail.ru

Ruslan N. Devletov, <https://orcid.org/0000-0002-3091-7763>, Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation, 158 Moskovskaya St., Saratov 410023, Russia, kafedra_soc.nauk@bk.ru

In modern conditions the system of social protection of the population extends and additional complexes of separate professional groups are formed. The directions of social protection extend, the maintenance of the mechanism of realization of its separate subsystems is transformed. At present new theoretical-methodological justification of separate professional groups' protection is necessary. However, there is no accurate scientific definition of the category «social protection of a professional group» and there are no investigations of the theoretical approach to this problem either. The article focuses on analyzing the sociological concepts of social protection of professional group, ranging them into groups and revealing the general principles of the sociological analysis of this phenomenon. The essence of a professional social group as an aggregate of specific professions' social actors characterized by common knowledge and interests, skills, professional identity of members and also specific working conditions is specified. It is proved that social protection of a professional social group in modern conditions presents itself as a subsystem of the general mechanism population protection and the additional public mechanism of covering a complex of projects and measures of the state; and also public aid and support of the persons carrying out the activity within a certain professional group. The main forms of its manifestation are revealed: 1) the mechanism of regulation of a professional group activity and ensuring compliance with their rights, necessary privileges, guarantees; 2) the specific social institute characterized by a certain complex of norms, values, the minimum standards defining ensuring the rights, privileges, professional group guarantees. The social protection of professional group is directed, on the one hand, to overcoming injustice, financial support to representatives of a certain professional group, optimizing the conditions of human potential reproduction and, on the other hand, to overcoming social tension in labor collectives and in society in general.

Keywords: social security, social protection of a professional group, social institution, social process, society.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-432-436>

В современных научных источниках нет четкого определения понятия «социальная защита профессиональной группы». Данная категория по-разному рассматривается в различных научных разработках и применяется в правовых документах. При этом в России имеется законодательная определенность государственной защиты не только населения, но и отдельных профессиональных групп. В ст. 7 Конституции РФ социальная защита государства определяется как механизм не только поддержки, но и обеспечения условий необходимой компенсации, охраны труда, сохранения и расширенного воспроизводства физического и психологического здоровья акторов¹. Можно отметить, что согласно Конституции России все населения пользуется правом социальной защиты. Система защиты в России обеспечивает не только поддержание необходимого качества жизни населения, но и равные возможности воспроизводства и саморазвития человеческого потенциала отдельных профессиональных общностей, стабилизирует социальное состояние общества, обеспечивает сглаживание напряженности². Отдельные стандарты государственной социальной защиты закреплены за населением в целом, другие – за профессиональными группами, осуществляющими специфические или сложные условия труда и быта. Четкой формулировки сущности категории «социальная защита профессиональной группы» в научных источниках не представлено. Поэтому необходимо рассмотрение имеющихся теоретических подходов к категории «социальная защита профессиональной группы», анализа их общих и отличительных черт, уточнения интегрированной научной позиции на данное явление.

Группы исследователей, в той или иной степени рассматривающие «социальную защиту профессиональной группы», условно можно разделить на три группы: междисциплинарную, общих концепций «социальной защиты», теории социального конфликта.

На *междисциплинарном уровне* уточняется суть категории «защита социума». Здесь обосновывается первоначальная сущность социальной защиты населения как деятельность государства, направленная на социально-экономическое поддержание социума, обеспечение необходимых условий для воспроизводства жизненных сил человека. Впервые социальная защита была официально юридически закреплена в законе о социальной поддержке (защите) населения, а затем в теоретико-методологических разработках политики Ф. Д. Рузвельта еще в 1935 г.³. В данном контексте социальная защита первоначально отождествлялась с процессом благотворительности. Общетеоретическое обоснование социальной защиты как функции государства представлено в работах Дж. Гелбрейта, Д. Кейнса, К. Маркса, А. Смита. В своих научных разработках данные исследователи рассматривали со-

циальную защиту в расширенном контексте как механизм комплексного регулирования развития социума. Дж. Гелбрейт обращает внимание на то, что всякая форма социальной защиты представляет собой механизм поддержания социума в целом или его отдельной группы, создание условий для его оптимального развития⁴. В данном контексте социальная защита – это системная государственная деятельность, направленная на поддержание и обеспечение определенного (социально возможного и необходимого) уровня жизнедеятельности общества в целом или его отдельных групп (в том числе и профессиональных). Е. И. Холостова развивает данный подход и констатирует, что социальная защита в условиях рыночной системы хозяйствования – это совокупность социальных, а также экономических механизмов, обеспечивающих оптимальные условия жизни, возможность удовлетворения социальных потребностей, поддержание необходимых условий жизнеобеспечения и развития человеческого потенциала не только общества в целом, но и отдельной личности, различных социальных групп и объединений⁵.

Таким образом, уже на уровне междисциплинарного подхода исследователи раскрывают теоретические принципы реализации сущности социальной защиты как государственного механизма, обеспечивающего оптимальные условия жизнедеятельности социума в целом или его отдельной социальной подсистемы. Несложно заметить, что социальная защита на междисциплинарном уровне рассматривается на разных уровнях: общественном, организационном, групповом. Она представляет собой совокупность двойственных деятельностных мер. С одной стороны, она ориентирована на создание общественно необходимых условий жизнедеятельности населения или его отдельных групп, с другой – на предотвращение социальной напряженности, исключение социальных конфликтов, преодоление ситуаций социальной неопределенности и риска в системе жизнедеятельности граждан, поддержание личности, профессиональных групп при экстремальных условиях труда, болезни, безработице, старости, потере кормильца. Именно экстремальные «нетиповые» условия труда представляются как предпосылка социальной защиты профессиональной группы со стороны государства.

В рамках *общих концепций «социальной защиты»* осуществляется генезис теоретических взглядов на процесс социальной защиты, детализируются и конкретизируются технологии социальной защиты населения. Обосновывается процесс становления термина «социальная защита», причины его использования вместо категории советской экономики «социальное обеспечение». Доказывается, что в условиях формирования рыночной экономики социальная защита проявляется как обязательный атрибут

социально-трудовых отношений и рассматривается как система технологий, комплекс инструментов регулирующего воздействия государства, организаций, частных структур на социум. При этом социальная защита имеет двойственное проявление: общественное (макроуровень), групповое (микроуровень). Во-первых, социальная защита – это результат реализации технологий социальной гуманистической деятельности, направленной на поддержку жизнедеятельности населения в целом. Во-вторых – это набор конкретных действий, определяющих обеспечение условий воспроизводства человеческого потенциала социальных групп, имеющих специфические или тяжелые условия трудовой деятельности (шахтеров, военнослужащих, авиаторов, водолазов и т. д.)⁶. В этой связи можно отметить, что социальная защита – это сложная система отношений по реализации государственных гарантий, определяющих технологии и процесс социально-экономической поддержки как отдельного члена общества, так и социальных групп⁷.

Таким образом, в России комплексная концепция «социальной защиты» зарождается параллельно со становлением полномасштабного рынка труда. В рамках ее теоретической доктрины социальная защита характеризуется как система социальных и экономических отношений, которая отражает новые (рыночные) социальные функции государства, определяющие не только сглаживание неравенства, но и преодоление социальной напряженности как на уровне общества, так и на уровне отдельных социальных, в том числе и профессиональных групп. Социальная защита при данном подходе определяет процесс предотвращения экономической, социально-экономической, физиологической деградации социума в целом и его отдельных социальных подсистем. Она призвана осуществлять поддержку граждан, оказавшихся в сложных условиях вследствие ухудшения благосостояния, специфики труда, неспособных реализовать имеющийся трудовой потенциал. Здесь расширяется понятие объекта социальной защиты. Обосновывается, что данный объект представляет собой, с одной стороны, социум, который нуждается в экономической помощи (осуществляется сглаживание социального неравенства), с другой стороны – социально-профессиональные группы, имеющие изначально сложные или тяжелые условия труда.

Теории социального конфликта рассматривают «социальную защиту» преимущественно в ракурсе сглаживания противоречий и разрешения социальных конфликтов в обществе. Исследование трудовой деятельности профессиональных групп показывает, что регулирование конфликтов в организациях (коллективах) представляет собой, прежде всего, систему социальной защиты и одновременно компонент социально-трудового регулирования. В данном

контексте социальная защита играет ключевую роль в стабилизации отношений и динамичном развитии профессиональных групп общества. Д. П. Зеркин в своей работе рассматривает социальное управление конфликтом как действие, направленное на процесс конфликта с целью создания условий для его саморазрешения, а также выполнения значимых задач социальной защиты⁸. Управление конфликтом является сознательным воздействием на конфликтный процесс с целью достижения намеченных результатов, которые заключаются в урегулировании конфликта путем воздействия на стороны противостояния, оппонентов и других лиц, а также создание условий необходимого «социального обеспечения» работников как на рабочем месте, так и в быту.

Управление конфликтом представляет собой последовательно проводимые действия, оказывающие влияние не только на конфликт с момента возникновения и до его разрешения, но и на процесс создания благоприятных условий трудового взаимодействия, обеспечение стандартов социального взаимодействия работников в контексте преодоления социальной напряженности⁹. В рыночных условиях социальное управление трудовой организацией можно охарактеризовать как реализацию способности направлять процесс развития персонала в интересах всего коллектива, прогрессивно трансформировать действия администрации и работников, вносить системные изменения, направленные на оптимальную социальную защиту профессиональных групп, а также членов их семьи.

Регулирование конфликтного взаимодействия необходимо рассматривать как многоэтапный процесс. С одной стороны – это диагностика социальных отношений, с другой – профилактика и меры социальной защиты, направленные на преодоление социальной напряженности в трудовой организации. Решение этих двух задач и определяет снижение отрицательных и увеличение положительных факторов влияния на функционирование трудовой организации с целью преодоления социальной напряженности¹⁰. Развивает данный подход А. Кудаев. Он представляет двухуровневую систему социальной защиты отдельной профессиональной группы военнослужащих: 1) процессуальную государственную – реализация взаимосвязанных социально-экономических программ поддержания качества жизни, оптимизация возможностей удовлетворения потребностей, социально-культурного развития, совершенствование здоровья акторов; 2) институциональную – набор формально закрепленных норм и стандартов, обеспечивающих социальные гарантии и права военнослужащих, позволяющие им поддерживать нормальные условия жизнедеятельности, преодолевать социальную напряженность¹¹. В данном контексте социальная защита отдельной профессиональной группы может исследоваться

как на уровне промежуточных (совокупность социальных гарантий, обеспечивающих социальную стабильность в системе служебно-трудовой деятельности), так и конечных (достижение обеспечения прав, социальных гарантий, льгот, комфортные условия службы и быта) показателей.

Таким образом, в рамках теории социального конфликта рассматриваются процессы социальной защиты на микроуровне. В рамках конфликтологической доктрины социальная защита отдельной трудовой организации является базовым фактором преодоления социальной напряженности. Работа по оценке и профилактике социальных конфликтов должна иметь комплексный характер. Она определяет реализацию различных мер, предусматривающих не только прогнозирование и разработку сценариев развития конфликтных ситуаций, но и обеспечение социальной защиты работников, создание условий социальной стабильности, преодоление факторов напряженности в трудовом коллективе. Для проведения всесторонне выверенного анализа возможных сценариев эволюционирования конфликта необходимо уяснить ряд исходных параметров: предпосылки возникновения и развития конфликта; этапы и стадии конфликтного взаимодействия; информационное содержание; контуры конфликта и его элементы; функции, выполняемые элементами в отдельности и конфликтом в целом, а также стороны конфликта.

Подводя итоги вышеизложенного, определим место, а также представим интегрированный подход к формулировке сущности «социальной защиты профессиональной группы».

Социальная защита представляет собой комплекс, включающий в себя ряд подсистем, основные из которых следующие: 1) всеобщие механизмы социальной защиты населения в целом; 2) специфические механизмы социальной защиты отдельных профессиональных групп социума. Социальная защита как форма социальной политики государства, региона, отдельной организации представляет собой набор социально-правовых положений, норм, стандартов, направленных на решение проблем населения в целом, а также законодательно определенных профессиональных групп граждан, которые осуществляют специфические трудовые функции и нуждаются в улучшении условий и возможностей удовлетворять собственные потребности. Общий регулирующий механизм социальной защиты направлен на население в целом, специфические механизмы социальной защиты – на отдельные социальные группы, в том числе и профессиональные, такие как военнослужащие, шахтеры, летчики, водолазы и т. д.

Профессиональная социальная группа как объект социальной защиты представляет собой совокупность акторов одной из специфических профессий, характеризующихся, с одной стороны, объединенными знаниями, умениями и на-

выками, профессиональной идентичностью ее членов, общностью интересов, с другой стороны, особенными условиями труда, определяющими необходимость социальной поддержки и экономической помощи.

Сущность социальной защиты профессиональной социальной группы в том, что она представляет собой (дополнительный) механизм социально-экономической поддержки и сглаживания противоречий, преодоление социальной напряженности в социуме в целом и в отдельных организационных структурах в частности. Данная форма социальной защиты представляет собой реализацию дополнительных (вспомогательных) мероприятий по отношению к основной форме социальной защиты населения, осуществляющихся государством, а также гражданским обществом (организациями работодателя, дополнительными фондами, специализированными организациями). Она обеспечивает гарантированные минимальные социально необходимые условия жизни представителям определенной профессии и членам их семей, точно направлена на поддержание жизнеобеспечения определенной профессиональной группы акторов, обеспечение расширенного воспроизводства их человеческого потенциала, а также ориентирована на преодоление социальной напряженности как в рамках социально-культурной среды определенного профессионального социального слоя, так и общества в целом.

Таким образом, социальная защита профессиональной социальной группы определяется как дополнительный общественный механизм, охватывающий комплекс проектов и мер государственной, а также общественной помощи и поддержки лиц, осуществляющих свою деятельность в рамках определенной профессиональной группы. Она реализуется в результате мероприятий дополнительного социального обеспечения, социального страхования, социально-экономической поддержки.

Социальная защита профессиональной социальной группы одновременно представляет собой систему социальных отношений, характеризующих деятельность государства, заинтересованных организационных структур, направленных на конструирование мер социального-экономического, правового комплексов, направленных на поддержку, обеспечение гарантий материального обеспечения, формирование льгот представителям профессиональных групп и их семьям.

Социальная защита профессиональной социальной группы имеет несколько форм проявления. Первая форма отражает механизм регулирования жизнедеятельности профессиональной группы, обеспечение соблюдения их прав, необходимых льгот, гарантий. Вторая форма характеризует социальную защиту профессиональных групп как специфический социальный институт.

Здесь наиболее важные характеристики закладываются в системе норм, ценностей, минимальных стандартов, определяющих обеспечение прав, льгот, гарантий. Социальный институт защиты профессиональной группы обеспечивает не только поддержку и интеграцию профессиональных акторов с обществом в целом, но и создание условий расширенного воспроизводства их человеческого потенциала.

На практике законодательно зафиксированной (определенной) профессиональной группе при наступлении определенных событий предоставляются экономическая помощь и социальная поддержка, которые могут выражаться как в натуральном, моральном, денежном виде, так и в форме определенного набора услуг. Можно резюмировать, что социальная защита профессиональной группы направлена не только на преодоление несправедливости, материальную помощь представителям определенной профессиональной группы, оптимизацию условий воспроизводства человеческого потенциала акторам труда, но и на то, чтобы преодолеть социальную напряженность в трудовых коллективах и в обществе в целом.

Примечания

- ¹ См.: Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
- ² См.: Быченко Ю. Г., Баландина Т. М. О совершенствовании военно-профессионального обучения курсантов военного института // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 4. С. 98–107. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-4-98-107>
- ³ См.: Антропов В. В. Социальная защита в странах Европейского союза. История, организация, финансирование, проблемы. М.: Экономика, 2006. С. 9.
- ⁴ См.: Гелбрейт Дж. Общество изобилия. М.: Олимп-Бизнес, 2018. С. 240.
- ⁵ См.: Холостова Е. И., Климантова Г. И. Энциклопедия социальных практик поддержки инвалидов в Российской Федерации. М.: Дашков и К, 2016.
- ⁶ См.: Карелова Г. Социальная защита: вчера, сегодня, завтра // Человек и труд. 2001. № 6. С. 11–15.
- ⁷ См.: Григорьянц Г. Н., Замараева З. П. Социальная защита населения в России: становление и развитие. М.: Союз, 2004. С. 12–13.
- ⁸ См.: Зеркин Д. П. Основы конфликтологии. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
- ⁹ См.: Баландина Т. М., Кузнецов Н. И. Особенности социальной адаптации курсантов современного военного института // Вестн. СГЭСУ. 2018. № 4 (73). С. 166–171.
- ¹⁰ См.: Быченко Ю. Г., Савенко А. А. Совершенствование мотивации служебно-трудовой деятельности военнослужащих национальной гвардии Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13, № 3. С. 58–41.
- ¹¹ См.: Кудяев А. В. Система социальных гарантий как фактор саморазвития трудового потенциала работников // Вестн. Поволж. ин-та управления. 2015. № 6 (51). С. 191–198.

Образец для цитирования:

Кулагина П. Ю., Девлетов Р. Н. Социальная защита профессиональной группы как фактор преодоления социальной напряженности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 432–436. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-432-436>

Cite this article as:

Kulagina P. Yu., Devletov R. N. Social Protection of a Professional Group as a Factor of Overcoming Social Tension. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 432–436 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-432-436>

УДК 32.019.52

Модели отношения молодого поколения к казахстанским молодежным объединениям

Ж. А. Калиева

Калиева Жадыра Абжамиевна, преподаватель кафедры культурно-досуговой работы и общеобразовательных дисциплин, Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет, Уральск, Республика Казахстан, kaliyeva_87@mail.ru

В статье по результатам анализа общественного мнения молодежи выделяются три подхода к развитию молодежных организаций – как политико-идеологической структуры (доминантный), как социального механизма социализации и как ответа на проблемы, потребности и запросы молодежи. Вместе с тем исследование позволило выявить четыре модели отношения казахстанской молодежи к своим объединениям: 1) активистско-конформистскую, ориентированную на достижение успеха в рамках социальных норм (каждый пятый казахстанец); 2) радикально-протестную (1–2%); 3) пассивного большинства; 4) абсентеистскую (около 20%). Самый значительный сегмент (большинство опрошенных) молодежи демонстрирует ее пассивность, которая объясняется слабостью развития институтов парламентской демократии и особенностями политического режима, в рамках которого политическим партиям и молодежным объединениям отводится очень скромное место в системе принятия государственных решений.

Ключевые слова: молодежь, молодежные объединения, модели отношения к общественным объединениям.

Young Generation Models of Attitude to Kazakhstan Youth Associations

Zh. A. Kaliyeva

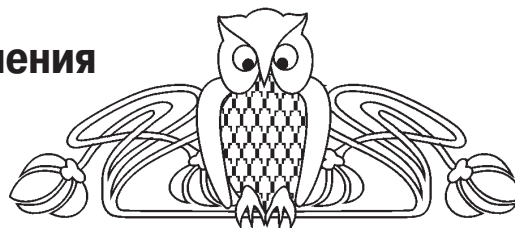
Zhadyra A. Kaliyeva, <https://orcid.org/0000-0002-4125-7684>, West-Kazakhstan Innovative-Technological University, 164 Dostyk Ave., Uralsk 090000, Republic of Kazakhstan, kaliyeva_87@mail.ru

The article presents the results of youth public opinion polls revealing three approaches to youth organizations development: political-ideological structure (a dominant one); socialization mechanism; a response to the youth problems, needs and demands. The study made it possible to reveal four attitude models of Kazakhstan youth to their associations: 1) active-conforming one, focused on achieving success within social norms (every fifth citizen of Kazakhstan); 2) radically-protestant (1–2%); 3) passive majority; 4) absentive (about 20%). The most significant segment (the majority of youth) demonstrates passivity caused by the parliamentary democracy institutions' weak development and political regime peculiarities. These characteristics are responsible for political parties' and youth associations' very modest place in the system of political decision making.

Keywords: youth, youth groups, types of relationships in the public associations.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-437-440>

Говоря о молодежных организациях, следует особо выделить общественно-политические

и социально ориентированные объединения, так как сегодня аксиомой можно считать то, что культура политического участия молодежи предполагает наличие и востребованность молодежных объединений, являющихся необходимым звеном самореализации личности, социализации молодежи, становления правового государства и гражданского общества. Однако молодежное сознание воспроизводит политический ландшафт современного казахстанского общества и во многом изменяется вместе с ним. Отношение молодого поколения к молодежным объединениям зачастую является реакцией на сохранение неопределенности и риска во всех жизненных сферах казахстанского общества. Нарботки западных¹, российских (Л. Л. Мехришвили, В. В. Гаврилюк², И. Н. Трофимова³, Е. П. Савруцкая, С. В. Устинкин⁴) и казахстанских (Г. С. Абдирайымова⁵, К. У. Биекенов⁶) исследователей, а также результаты авторского исследования позволяют выделить четыре модели отношения казахстанской молодежи к своим объединениям: 1) активистско-конформистскую, ориентированную на достижение успеха в рамках социальных норм; 2) радикально-протестную; 3) пассивную; 4) абсентеистскую. Рассмотрим эти типы подробнее.

К активистско-конформистской модели (каждый пятый казахстанец) можно отнести: молодых профессионалов (высокооплачиваемых наемных специалистов крупных и международных компаний); молодых владельцев бизнеса; «золотую» элитарную молодежь, где стандарты поведения задают дети представителей предпринимательских кругов, шоу-бизнеса, политиков, крупных чиновников, вошедших в элиту; молодых функционеров (государственных и партийных чиновников), участников молодежных политических объединений, ориентирующихся на власть.

Если говорить об активистах объединений молодых людей, то следует выделить категорию молодых функционеров, поскольку именно они чаще других рассматривают социально-политический активизм как канал карьерного роста. Их отличают (по терминологии Алмонда и Вербы) партиципаторность (высокая степень интереса граждан к политике и стремление к политическому участию) и доминирование подданничества (подчиненное положение, когда при одобрении или нет существующих институтов нет возможности влиять на политические решения).

Формально это соединение зависит от того, насколько молодежь: знает, разделяет и принимает цели и задачи государственного и общественного развития, связывает с ними свои жизненные перспективы; обладает необходимыми качествами (физическими, личностными, образовательными, профессиональными) для решения стоящих задач; обеспечена необходимыми ресурсами и возможностями для активного включения в решение задач повышения конкурентоспособности страны – заинтересована в решении социально-политических проблем.

Однако в реальности этому способствует ориентация на индивидуальный успех – карьерный рост, обучение, доступ к материальным благам, самореализацию. Деятельность в общественно-политической организации рассматривается как канал вертикальной мобильности, шанс пополнить собой ряды политических лидеров, элиты. Наряду с этим значимым мотиватором молодежи выступает близость организации к власти, чувство своей причастности к чему-то по-настоящему значимому (в данном случае к политике президента страны и его курсу), возможность «творить историю». Кроме того, эту молодежь привлекает в молодежные объединения возможность расширения круга своего общения, установка полезных в будущем дружеских и деловых контактов – своеобразного «трамплина». И, наконец, эту категорию молодых людей интересует внешняя эффектность проводимых мероприятий (массовых шествий, митингов, ношение символов принадлежности к объединению, внимание СМИ).

Эта активная часть молодежи находится под влиянием провластных структур, из которых самыми известными и относительно популярными среди молодежи являются три государственные молодежные организации: Альянс студентов, Конгресс молодежи, молодежный парламент и молодежное крыло партии «Нур Отан» – «Жас Отан». Именно они, особенно пропрезидентское объединение «Жас Отан», рассматриваются молодыми людьми как эффективный карьерный и политический лифт. Другие партии и их молодежные объединения лишены такого мощного политического и административного ресурса (доступ в СМИ, массовые мероприятия с молодежью в крупнейших вузах, ежегодные форумы, съезды, проекты), позволяющего им растить себе подобную молодежь и воспитывать ее в соответствии со своей политической идеологией⁷. В результате партии оказались крайне непривлекательными, и амбициозная часть молодежи предпочла идти непосредственно во власть. Поэтому реальный выбор среди молодежи невелик, а это сказывается и на ее интересе к молодежным объединениям.

К радикально протестной модели отношения молодежи к своим объединениям можно отнести ту ее небольшую часть (около 5%), ко-

торая контролируется радикальными партиями социалистов, анархистов, религиозных фанатиков. Этим молодых казахстанцев отличает юношеский максимализм, когда реально существующий комплекс проблем в социально-экономической и политической сферах представляется возможным быстро и справедливо разрешить революционным или радикально религиозным насильственным путем. Их привлекают «революционная романтика» (образы мучеников, революционеров, боевиков, антиглобалистов и проч.), конспирация, ношение партийной символики (футболки, нарукавные повязки) и масок, эпатажирующие «акции прямого действия», противостояние с правоохранительными органами. К ним примыкают участники криминальных объединений, которых отличают криминализация сознания в результате обнищания, эрозии ценностных ориентаций, рассмотрение протivoзаконной деятельности как канала вертикальной социальной мобильности в эпоху общественных преобразований.

Пассивное отношение к молодежным объединениям, которое свойственно большинству опрошенной молодежи Казахстана, является симбиозом «подданничества» и «приходской» политической культуры (по терминологии Алмонда и Вербы), когда большее или меньшее доверие к политическим институтам соединяется с политическим бездействием и подчиненным положением граждан. Для этой модели характерно то, что интерес к политике обусловлен социально-экономическим кризисом, так или иначе влияющим на жизнь граждан, но он слабо трансформируется в неэлекторальные формы политического участия.

Еще одной особенностью этой модели молодежной стратегии является то, что казахстанская молодежь выказывает высокий уровень доверия как к Президенту Казахстана, так и к исполнительной власти (центральной и местной), что позволяет говорить о стабильности и минимальных угрозах для действующей власти в настоящее время со стороны прогрессивной молодежи. Однако большинство политических партий не вызывает у молодежи достаточного доверия. Возможно, это обусловлено невысокой активностью партий (проводимая ими работа осуществляется только в предвыборный период) и незначительными возможностями для продвижения активной молодежи. Как следствие – многие партии слабо представлены в молодежной ментальности.

Основными факторами, приводящими к общественно политической безучастности молодежи, о которой свидетельствуют и наше, и другие исследования⁸, к сложившейся в стране социально-политической ситуации, могут служить: окружающая микросреда, переоценка ценностей, средства развития и воспитания молодого поколения, сосредоточенность молодых на уче-

бе, семье, работе и карьере. Все это отражается на способности молодых казахстанцев рассуждать об общественно-политических явлениях и давать им адекватную оценку.

Можно считать, что для этой категории молодежи гражданская, политическая активность является потенциальной и проявляется лишь при значительном обострении социально-экономических и политических проблем. За исключением кризисных ситуаций и периодов, производство политических акций в странах стабильной, консолидированной демократии, как и в странах с иными, недемократическими политическими режимами, является исключительной монополией политических профессионалов. В повседневной жизни для большинства рядовых граждан политика имеет относительно небольшое значение. Излишняя политизированность общественного сознания и активность политического поведения молодых граждан могут привести к перенапряжению системы, к нарушению равновесия между гражданским обществом и политическими элитами как важнейшему условию социально-политической стабильности⁹.

Вместе с тем распространенные среди молодежи патерналистские настроения и отношения приводят к тому, что молодые казахстанцы не способны сами решать свои проблемы и ожидают, что это сделает за них государство. Так как государство располагает необходимыми ресурсами для укрепления и расширения зарождающейся политической активности молодежи, задача государства состоит в том, чтобы воспитать политически грамотную и образованную молодежь, сконструировать условия, при которых интересы государства и молодежи совпали бы.

В результате проведенных исследований становится очевидным, что значительная часть современной молодежи (около 20%), будучи стратегическим резервом развития общества, все более отчуждается, дистанцируется от правящих структур и механизмов современного казахстанского общества. В конечном итоге это находит свое выражение в политическом абсентизме – полном игнорировании политической сферы деятельности молодежных объединений. В широком смысле абсентизм молодежи по отношению к общественным молодежным организациям проявляется в дистанцированности, отчужденности от их деятельности, особенно – политической. Это проявляется в политическом бессилии, т. е. неспособности молодого субъекта воздействовать на деятельность объединения; в бессмысленности, когда политические действия объединения оцениваются как безосновательные, бессистемные, не имеющие значения; в крушении демократических или традиционных ценностей, лежащих в основе деятельности объединения, когда вырабатывается убеждение, что им не стоит следовать; в социально-политической изоляции, когда считается, что деятельность

объединений не является легитимной; а также в полном отказе от интереса к сфере политики, принципиальном неучастии в социально-политической деятельности молодежных организаций.

Абсентизм как модель социально-политического поведения и общественного сознания сформировался в результате компромиссных отношений молодежи и институтов политической системы. Абсентные настроения молодых казахстанцев стали не только характерной чертой облика определенной части этой социальной группы (преимущественно сельской), но и в целом описывают их сегодняшнее социально-культурное, духовно-нравственное состояние. Подобное восприятие вызвано недоверием или недооценкой их человеческого и интеллектуально-деятельностного потенциала и принижает их роль полноценного участника политических процессов. В условиях перехода от авторитаризма к демократии происходит персонализация власти, когда политическая социализация молодежи находится на контроле у государства и правящей партии, которая установила четкие идеологические установки, строящиеся вокруг культа личности Вождя или Лидера, что имеет место и в Казахстане. Все это приводит к формированию патриархального отношения, сводящегося к деятельности местных общностей, и характеризуется полным отрывом молодежи от политической системы, отсутствием знаний о ней и интереса к политическим процессам.

Итак, в общественном мнении молодежи четко прослеживаются три подхода к развитию молодежных организаций – как политико-идеологической структуры (доминантный), как социального механизма социализации и как ответа на проблемы, потребности и запросы молодежи. Вместе с тем исследование позволило выявить четыре модели отношения казахстанской молодежи к своим объединениям: 1) активистско-конформистскую, ориентированную на достижение успеха в рамках социальных норм; 2) радикально-протестную; 3) пассивного большинства; 4) абсентистскую. Самый значительный сегмент молодежи демонстрирует ее пассивность, которая объясняется слабостью развития институтов парламентской демократии и особенностями политического режима, в рамках которого политическим партиям и молодежным объединениям отводится очень скромное место в системе принятия государственных решений.

Примечания

- ¹ См.: Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4. С. 122–134.
- ² См.: Мехришвили Л. Л., Гаврилюк В. В., Гаврилюк Т. В. Влияние образа будущего на жизненный успех и стратегии его достижения современной российской молодежи // Россия реформирующаяся : ежегодник.

- Вып. 15 / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый Хронограф, 2017. С. 369–394.
- ³ См.: Трофимова И. Н. Гражданский активизм в современном российском обществе : особенности локализации // Социс. 2015. № 4. С. 72–77.
- ⁴ См.: Савруцкая Е. П., Устинкин С. В. Динамика ориентаций молодежи в ее отношении к политическим институтам // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 15. С. 325–334.
- ⁵ См.: Абдирайымова Г. С. Социальное самочувствие молодежи : поиск проблемных зон // Вестн. КазНУ. Сер. психологии и социологии. 2015. Т. 54, № 3. С. 92–98.
- ⁶ См.: Биекенов К. У. Меритократия как принцип управления казахстанской мечтой // Вестн. КазНУ. Серия психологии и социологии. 2016. Т. 59, № 4. С. 158–164.
- ⁷ См.: Молодежь в Казахстане : проблемы и возможные решения. Доклад директора Молодежной информационной службы Казахстана И. Медниковой. URL: <http://osdp.info/index.php/o-am-zh-ne-sayasat/item/316-molodezh-v-kazakhstane-problemy-i-vozmozhnye-resheniya> (дата обращения: 06.08.2017).
- ⁸ См.: Ешпанова Д. Д. Социально-политические ориентации казахстанской молодежи // Институт парламентаризма. 2013. № 1 (19). С. 78–87.
- ⁹ См.: Социальная активность молодежи Казахстана в современных социально-политических реалиях / под общ. ред. З. К. Шаукеновой. Алматы : ИФПР КН МОН РК, 2014. С. 61.

Образец для цитирования:

Калиева Ж. А. Модели отношения молодого поколения к казахстанским молодежным объединениям // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 437–440. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-437-440>

Cite this article as:

Kaliyeva Zh. A. Young Generation Models of Attitude to Kazakhstan Youth Associations. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 437–440 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-437-440>

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 338

Гипотеза в политическом исследовании

Н. И. Шестов

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikshestov@mail.ru

В публикации предложено решение задачи формулирования научной гипотезы в политическом исследовании. В решении этой задачи исследователи, особенно начинающие, часто сталкиваются с большими трудностями. В статье анализируются естественные причины таких трудностей. Это отсутствие в структуре гуманитарного исследования, политического в том числе, эксперимента с объектом исследования, для обоснования необходимости и достаточности которого гипотеза используется представителями точных и естественных наук. Это также вопросы научной целесообразности высказывания политологом тех или иных предположений относительно предмета, метода и ожидаемых результатов своей исследовательской работы. Решить эти проблемы возможно, если основу гипотезы в политическом исследовании (равно теоретическом и прикладном) будут составлять аргументированные предположения автора относительно происхождения и свойств объективных и субъективных препятствий на его пути к получению практически и теоретически значимого знания о конкретном объекте и предмете исследования. А также не менее аргументированные предположения автора, что совокупного опыта отечественной и зарубежной политической науки, а также его личной профессиональной квалификации, вполне достаточно для достижения достоверности и практической значимости результатов его исследования.

Ключевые слова: структура политического исследования, научная гипотеза, научный текст.

Hypothesis in Political Science Research

N. I. Shestov

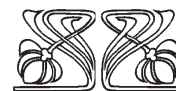
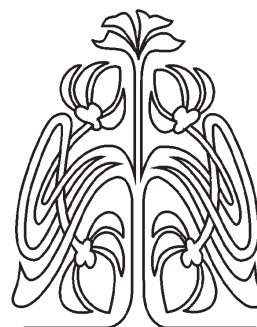
Nikolay I. Shestov, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, nikshestov@mail.ru

The author proposes a solution to the problem of formulating a hypothesis in a political science research. In solving this problem, researchers, especially beginners, often encounter great difficulties. The article analyzes the natural causes of such difficulties. One of them is the lack of experiment with the object of research within humanitarian studies (including political). These are also problems of scientific expediency of statements made by political scientists regarding certain assumptions about the subject, method, and expected results of their research. It is possible to solve these problems if the author's reasoned assumptions regarding the origins and properties of objective and subjective obstacles in obtaining practically and theoretically significant knowledge about a specific object and subject of research will be the basis of the hypothesis in political research (equally theoretical and applied). In addition to this, the author's equally well-reasoned assumptions that the combined experience of domestic and foreign political science, as well as his personal professional qualifications, is enough to achieve the reliability and practical significance of the results of the research.

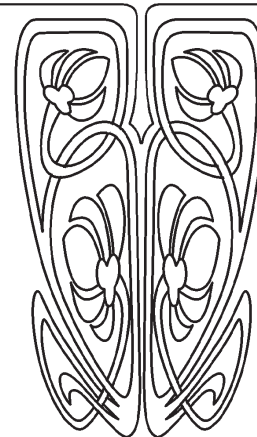
Keywords: structure of political research, scientific hypothesis, scientific text.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-441-447>

Преподавателю российского вуза, осуществляющему сегодня руководство научно-квалификационными и вообще научными работами студентов, магистрантов и аспирантов, нередко приходится от своих подопечных слышать вопрос: «Как сформулировать гипотезу для моей научно-квалификационной работы?». Мне трудно судить,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

насколько сложен или прост ответ на этот вопрос для вузовских преподавателей точных и естественных дисциплин. Наверняка свои трудности в этом деле у них есть. Есть вместе с тем и проторенный многими поколениями математиков и физиков, химиков и биологов путь решения этой проблемы. За столетия развития точных и естественных наук в рядах ученых сложилось более-менее согласованное и устойчивое представление о том, каковы смысл и назначение гипотезы в научном исследовании в качестве одной из его точек отсчета. Сегодня начинающие специалисты в области точных и естественных наук, а также их научные руководители имеют возможность опереться на этот богатый творческий опыт своих предшественников, а не «изобретать велосипед». Они могут использовать оптимальные с точки зрения задач собственной науки подходы как к определению места и роли гипотезы в исследовательской процедуре, так и к выбору наиболее удачных теоретических формулировок. И (что, вероятно, главное) им понятна фундаментальная смысловая связь между гипотезой исследования и его экспериментальным основанием. Там, где есть эксперимент с объектом изучения, там гипотеза действительно необходима – применима в качестве «заявления о намерениях» исследователя произвести с объектом изучения те или иные манипуляции, получить некие новые фактические данные, характеризующие свойства объекта, и эти данные интерпретировать в определенном теоретическом ракурсе.

Это первое обстоятельство, которое ставит любого гуманитария в тупик. Зачем нужна гипотеза в исследовании, в котором экспериментирование с объектами исследования невозможно? Как историку, например, ставить эксперименты над реальностью, которая уже отсутствует в нашем настоящем пространстве и времени? Есть, конечно, энтузиасты исторических реконструкций. Во всех таких случаях, тем не менее, имеет место экспериментирование не с прошлым ради более полного его познания, а экспериментирование с возможностями современного человека жить в непривычных ему условиях.

Что касается политолога, то, на первый взгляд, сама по себе идея экспериментирования с политической реальностью не выглядит абсурдной. На протяжении известной нам политической жизни человечества эксперименты над ней ставились не раз и по разным мотивам. От известных нам, например, политических экспериментов правителей Древнерусского государства до радикальных либерально-демократических реформ конца прошлого и начала нынешнего столетий. Но в том-то и дело, что экспериментированием этим занимались политики, преследующие собственные и не всегда гуманные интересы, а не политологи. Если кто сегодня и занимается экспериментированием в политике, то это политтехнологи. У них свои

(хотя и готовят их в одних вузовских аудиториях с политологами) специфические задачи, связанные с оказанием платных и не всегда этически приемлемых услуг властным элитам. Некоторые из них, например, сделали сегодня сферой приложения своих сил и знаний проекты и практики пресловутых «цветных революций». Другие экспериментируют в сфере создания радикальных идеологических проектов.

Современная политическая наука (если представить ее основную задачу обобщенно, вне зависимости от различия идеологических и этических пристрастий представителей различных национальных школ) анализирует и прогнозирует выгоды и риски для политических человеческих социумов, связанные с попытками политических элит в разных частях света инициировать тот или иной эксперимент в сфере политики.

Немалую роль в определении такой ориентации политической науки играет именно этический момент. Попробуем на минуту представить отечественного политолога, изучающего, например, проблемы социальных революций и гражданских войн. И попробуем представить, что он ради достижения точности современных научных представлений об этом предмете (такая точность пригодилась бы при изучении технологических и психологических аспектов так называемых «цветных революций») предложит согражданам и коллегам по научному цеху поставить масштабный эксперимент с социальным конфликтом. Иначе говоря, в России XXI в. с максимальной детализацией воссоздать предпосылки и повторить последовательность событий, например, 1917–1921 гг. Такая инициатива политолога наверняка не будет одобрена современниками, находящимися в трезвом уме и твердой исторической памяти. Они справедливо укажут энтузиасту экспериментирования с политическим настоящим и будущим государства и общества, что в новых условиях, при ином раскладе интересов и сил в мировой политике, иных экономических, правовых и культурных реалиях такой эксперимент заведомо не даст ожидаемого результата для научного познания и изменения к лучшему политических практик. А для последних он может закончиться необратимой катастрофой.

Даже если для такого рискованного эксперимента вдруг найдется политическое и этическое оправдание, то его научная мотивация будет под большим вопросом. Экспериментирование над объектами природы не меняет свойства этих объектов. Точные и естественные науки эти свойства познают и используют это знание на практике, руководствуясь именно тем соображением, что свойства эти неизменны. Экспериментирование с политикой, даже если оно происходит только в режиме внедрения научных теорий в идеологические и управленческие практики, меняет ее свойства. Порой настолько, что другим стано-

вится вектор политического процесса. Меняется и само отношение исследователей политики к объекту и предмету исследования.

Эту тенденцию можно наблюдать на примере относительно недавних экспериментов с так называемым «демократическим транзитом». Первые и порой успешные эксперименты с политикой в режиме «демократического транзита» на одной части постсоветского пространства привели к желаемому результату – переходу от модели советской демократической политики к модели либеральной демократии. Этот успешный результат экспериментирования получил закрепление в «теории демократического транзита», популярной среди отечественных политологов в 90-е гг. прошлого столетия и в начале века нынешнего. Но скоро выяснилось, что экспериментирование с «демократическим транзитом» изменило состояние постсоветского пространства настолько, что использование экспериментальных данных на практике стало приносить обществу и государствам больше вреда, чем пользы. В итоге российская, а вместе с нею и некоторые другие политические элиты на постсоветском пространстве утратили теоретический и практический интерес ко всему, что связано с экспериментами «демократического транзита», к тому, что прежде они воспринимали в качестве чуть ли не главного достижения современных политических науки и практики.

Этот эксперимент, если искать в нем практическую пользу для российских политики и политологии, имел только опосредованный позитивный результат: даже к искренне либерально настроенным политикам и политологам пришло осознание, что данные прежних относительно успешных экспериментов с «транзитом» дают им совершенно искаженное представление о свойствах текущей политической реальности и ничего не дают для понимания будущих тенденций демократического процесса в мире и в России.

Другим примером может послужить отношение нынешних российских политиков и политологов к советскому опыту управленческих и идеологических экспериментов. Опыт этот масштабный и на фундаментальном уровне обобщен усилиями обществоведов советской поры. Тем не менее, большинство современных знатоков и ценителей этих фактических и теоретических данных советских политических экспериментов никогда не ставят вопрос о необходимости прямо использовать эти данные в совершенствовании современной российской политики и политической науки.

Эти примеры дают представление о причине, по которой в политической науке сложилось не отрицательное, а, скорее, индифферентное отношение к эксперименту как методу познания политической реальности и к научной гипотезе как способу четко сформулировать смысл и обо-

значить ожидаемый результат экспериментирования. Такое отношение не позволило сложиться в политической науке тому устойчивому и хорошо себя показавшему на практике опыту построения научных гипотез, на который могли бы надежно опереться начинающие исследователи российской и мировой политики, а также их научные консультанты.

Тем не менее, сегодня требование к политологу сформулировать для своего исследования гипотезу *de facto* остается обязательным к исполнению требованием. Обойти его отечественный политолог не может, особенно если речь идет о необходимости подготовить научно-квалификационную работу. Раздел этот необходим в структуре ВКР бакалавра и магистра. Необходим он кандидатской и докторской диссертациям. Требование наличия этого элемента в научном тексте во многих случаях распространяется и на отдельные статьи, публикуемые политологами в отечественных и зарубежных журналах.

Все, что исследователю политики в таких условиях остается, это «изобретать велосипед». Придумывать нечто, что по форме и содержанию хотя бы отдаленно напоминало бы научные гипотезы из исследовательских текстов представителей точных и естественных наук.

Сегодняшняя ориентация политологов на достижения этих наук в рассматриваемом вопросе, заметим, не случайна. Время от времени по разным причинам гуманитарии, и в нашей стране, и за рубежом, сталкивались и сталкиваются с неприятным для себя обстоятельством, а именно с активной готовностью государственной бюрократии из прагматических соображений, связанных с теми или иными проблемными для нее политическими и экономическими обстоятельствами, перераспределять государственные инвестиции в развитие науки в пользу наук точных и естественных и снижать, соответственно, государственную поддержку развития наук об обществе и человеке. Опору для своих действий бюрократия находит обычно во всегдашней критике научных достоинств гуманитарного знания со стороны представителей точных и естественных наук. Находит она ее также в самокритике гуманитариев. Суть претензии к гуманитарным наукам в том и другом случаях одинакова. Есть некие «объективные» высокие критерии качества и «истинной научности» труда исследователя. Их создают и подтверждают своим быстрым прогрессом в современном мире и своим практическим вкладом в копилку цивилизации точные и естественные науки. Их авторитет в этом плане непререкаем, и его признают сами гуманитарии. Тут уместно вспомнить рассуждения философа и методолога науки К. Поппера о «верифицируемом» и «фальсифицируемом» знании.

Проблема в том, что гуманитарные исследования соответствуют этим высоким критериям научности недостаточно либо вообще не соот-

ветствуют. А раз так, то сам собой возникает вопрос о целесообразности государственных инвестиций в развитие знания, например, о развитии политической мысли и политических практик в прошлом и настоящем. Принципиальной важности таких исследований руководители государственной научно-образовательной политики обычно прямо не отрицают. Просто поддержка этих научных направлений откладывается до лучших времен.

В сообществе гуманитариев (в данном случае я говорю в первую очередь об отечественных политологах) срабатывает механизм коллективной самозащиты. Исследователи ищут способ реабилитировать себя и свои науки в глазах властей и граждан, привыкших доверять прагматизму бюрократических решений. А самый простой и очевидный путь реабилитации – это чтобы пусть хотя бы внешне, но политологическое исследование, например, как можно более походило на исследование точно- или естественнонаучное. Походило и по общему строю (наличию массивов эмпирических либо заменяющих их социологических данных, акценту на количественных методах исследования и т. д.), и по атрибутике (набору обязательных разделов в научном тексте).

Естественно, что на уровне внешней атрибутики соблюсти соответствие политологического текста высоким «стандартам научности» исследователю проще всего. Включил в структуру научного текста гипотезу – и соответствие стандарту научности налицо. Не надо при этом менять привычную тематику, методологию и порядок проведения политологического исследования. Это та небольшая формальность, которую исследователям проще соблюсти, чем вникать в ее теоретический и практический смысл. Менее добросовестные политологи и не вникают. Например, общими фразами и короче, чем в соответствующих разделах своего текста, характеризуют актуальность, содержание и даже итоговые результаты своего исследования. Добросовестные исследователи-политологи, и опытные, и начинающие, пытаются в этот смысл вникнуть.

Сегодня наиболее популярный источник информации для решения любых сложных проблем, включая научные, это Интернет. Нетрудно прогнозировать, что начинающий исследователь политики, не получив вразумительных рекомендаций насчет гипотезы от своего научного консультанта, обратится в поиске «истины» к ресурсам Сети. На этом пути начинающего исследователя ждут разочарования. «Истина» так и останется для него «где-то рядом».

В Сети на разных сайтах, действительно, представлен широкий спектр кратких и пространственных определений того, что есть «гипотеза» в современном научном исследовании. Популяризаторы таких определений часто даже на конкретных примерах показывают читателю, какие

формулировки и как лучше использовать в том или ином случае, в какой части научного текста гипотезу располагать и как «связывать» ее с целью, задачами и методологией этого исследования. Авторы справочных материалов идут порой еще дальше и даже приводят типовые формулировки «гипотез» для математиков, физиков, биологов и т. д.¹

В главном исходном моменте все эти определения сходятся. «Гипотеза», если руководствоваться буквальным смыслом этого понятия, есть «предположение». Применительно к сфере науки – это предположение ученого о том, что он, предприняв некие, определенным образом упорядоченные действия по отношению к объекту и предмету своего исследования, имеет шанс получить некое (ему интересное, а для других людей еще и полезное) новое знание об окружающем мире. И этот результат, как ученый может предположить, оправдает в собственных глазах и глазах потребителей его научной продукции все затраты сил и времени на исследовательскую работу.

Политолог взять и использовать эти образцовые формулировки не может в силу их связи со спецификой объекта, предмета и метода исследовательской работы представителей упомянутых наук. Позаимствовать он может только общее понимание смысла той задачи, которую ему предстоит решить: задать исследованию некую исходную точку в виде «предположений» об объекте, предмете, методе и результатах своих творческих усилий. А порядок решения этой задачи необходимо определять самому.

Каждая из упомянутых позиций допускает как возможность для политолога высказать свои предположения, так и то, что он столкнется в этом деле с определенными трудностями. Что касается объекта и предмета политического исследования, то здесь баланс явно смещен в сторону трудностей. Факт существования политических институтов, процессов, технологий, а также порядков и проблем их функционирования не вызывает сомнения у любого здравомыслящего человека, не говоря уже о профессиональном исследователе политики. Как не вызывает сомнения и факт существования политической теоретической мысли, наличия в ней определенных тенденций и противоречий, конфликтующих интерпретаций.

Эта очевидность структур и проблем политики и политической мысли делает законным вопрос исследователя самому себе: есть ли смысл строить какие-либо предположения относительно того, что очевидно? Зачем, например, предполагать возможность и необходимость изучения институтов, практик и проблем развития гражданского общества в современной России, когда об этой возможности и необходимости почти каждый день говорят политики, СМИ и ученые? Важность данных объекта и предмета исследо-

вания, на первый взгляд, не требует научной дискуссии.

Вместе с тем не все так очевидно. Пространство для сомнений и предположений есть. Продолжим тему гражданского общества. Это могут быть предположения специалиста по данной проблематике относительно того, насколько объект и предмет его творческой работы действительно (а не только в силу утвердившегося в среде специалистов мнения) имеют отношение к обществу и гражданским устоям его политического быта. Что они не являются, например, институтами, практиками и проблемами правового государства. Что они являются сегодня частью публичной политики, а не сферы администрирования. Когда объектом и предметом политического исследования является, допустим, такой ключевой, с точки зрения современной либеральной теории политики, институт гражданского общества, как нынешние российские политические партии, то такие сомнения допустимы. Предположения о том, насколько фактически является «партией» политическая партия в современной России.

Такого же рода сомнения и предположения оправданы в том случае, если объектом и предметом политического исследования являются институты, практики и проблемы политической культуры либо политической мысли как ее важной части. Границы, структурные и функциональные характеристики того и другого не всегда четко очерчены в политических процессах и исторически изменчивы. То, что еще вчера полноценно характеризовало структуру и символизировало состояние политической культуры, сегодня может отойти на второй план. Такая судьба, например, во многих современных социально-политических системах постигла классические политические идеологии. Они перестали определять состояние политической культуры даже там, где их влияние на умы людей сохранилось. На смену им в качестве системообразующего начала политической культуры и культурной мотивации внутренней и внешней политики национальных государств пришли этнические и религиозные (либо квазирелигиозные) идеи, институты и технологии социальной коммуникации. Иначе говоря, на смену тому, что два прошедших века олицетворяло собой прогресс политической культуры, пришло то, что всегда воспринималось исследователями в качестве свидетельства вторжения архаики в сферу рациональных мотиваций современной политики. Подвержено переменам и влияние на политику различных политических теорий.

Во всех упомянутых случаях речь идет о том, что при помощи формулирования гипотезы политолог определяет соответствие своих и своих коллег представлений о политике и ее проблемах реальному положению дел в функционировании политических институтов, развитии

политических процессов и в отношении к ним своих современников.

Сформулировать предположения относительно методов своей исследовательской работы политологу несколько проще. Внешне методы политического исследования – это область сложившегося научного опыта и раз и навсегда решенных проблем с пониманием сути методов, основных по крайней мере. Написаны учебники, монографии и научные статьи о методах изучения политики всех вместе и каждом по отдельности. Во многих публикациях и научно-квалификационных работах отечественных политологов можно встретить, как по шаблону составленный, перечень этих «основных методов политического исследования»: институциональный и неинституциональный, системный, структурно-функциональный, исторический и т. д.

На поверку единства в понимании того, что скрывается за общепринятым названием, например, «институционального» или «структурно-функционального» метода у отечественных политологов сегодня не наблюдается. Причина в том, что методология политического исследования, как и вся политическая мысль, а вслед за ней и политическая наука проделали длительный и сложный путь становления. Нам этом пути политическая мысль, а в последние два столетия и политическая наука осваивали и решали самые разные по масштабу и сложности задачи. Задачи эти часто были сходны по смыслу и столь же часто специфичны по условиям и ресурсам их решения. Это различие исторических и страновых условий решения политических задач фиксировалось в разных интерпретациях, которые видные специалисты-теоретики давали одному и тому же методу их решения, получившему признание в научном сообществе.

Понятно, что о мотивах своей приверженности той или иной интерпретации того или иного метода политического исследования, а также о намерении внести свой вклад в его интерпретацию политологу уместно рассуждать в той части своей научной работы, которая специально для этого отведена, предназначена для развернутой характеристики ее методологии. В разделе научного текста «Гипотеза исследования» политолог может, тем не менее, высказать по поводу методологии своего исследования предположения общего порядка. Например, предположение о соответствии масштаба и сложности своих научных задач теоретическим возможностям политической науки их сегодня решить. Иначе говоря, предположить принципиальную возможность и необходимость для себя решать заявленные научные задачи в русле сложившихся теоретических подходов и аналитических процедур либо, напротив, необходимость обновления методологии, приведения ее в максимальное соответствие новым задачам

своего исследования – за счет, например, использования методов других наук, и гуманитарных, и точных, и естественных.

Политологи сегодня, по факту, довольно часто используют такие методы. В то же время они почти никогда не формулируют четко свои предположения относительно того, что использование «не политологических» методов может реально дать конкретному политическому исследованию – дать в плане реальной новизны его процедур и результатов. А такого рода предположения были бы полезны политическому исследованию, в частности, в качестве преамбулы к дальнейшему разговору в разделе «Методы исследования» об общей конструкции его методологии и функциональности отдельных методов, т. е. к доказательству логичности, целостности и работоспособности авторской методологии.

Предположение результатов исследования является наиболее естественной структурной частью его гипотезы. В данном пункте у политолога, формулирующего гипотезу, больше всего возможностей привести свой научный текст (не только по форме, но и по смыслу) в соответствии с упомянутым выше «высоким стандартом научности».

Проблема, правда, тоже существует. Она в конкуренции в отечественной политологии двух стратегий исследовательской работы. Одна стратегия ближе специалистам, работающим на стыке политологии и социологии. Стратегия предполагает, что исследователь должен спрогнозировать результат своих аналитических усилий и затем искать в сфере политики подтверждение или опровержение своим ожиданиям. Однако более распространена среди отечественных исследователей другая стратегия научной работы. Она подразумевает, что исследователь должен начинать собирать фактический и теоретический материал для своего научного труда, не устанавливая для поиска никаких заведомых границ. Добросовестно собранный материал подскажет исследователю конечные выводы и оценки.

Своими корнями эта вторая стратегия уходит в традиции европейской и российской исторической науки, у которой современная политология немало позаимствовала и прогрессивного, и косного в плане исследовательской культуры. Опору себе эта стратегия находит также в преемственности традиций советского и постсоветского этапов развития отечественного общественного знания и государственствования. В советское время, что бы в политике ни изучалось, результат был детерминирован канонами марксизма-ленинизма в его научном и идеологическом измерениях. Сегодня во многих случаях конечный результат исследований российской и мировой политики тоже определяют идеологические ориентации политологов: либеральные, консервативные, со-

циалистические. Прямо заявлять о них в сообществе отечественных политологов не принято. Следование политолога второй стратегии позволяет ему не афишировать личную гражданскую позицию и поддерживать имидж объективности своих аналитических процедур и результатов своего исследования. Но в таком контексте какие-либо рассуждения об ожидаемых результатах исследования теряют смысл.

Попробуем суммировать то, что было сказано о возможностях и трудностях для политолога решить задачу формулирования гипотезы своего исследования. Суммировать в виде определения того, что в оптимальном варианте может представлять собой гипотеза в политическом исследовании в качестве инструмента легитимации научного статуса исследовательской работы политолога в нынешних непростых для политической науки условиях.

В варианте, который имеет свое оправдание в потребностях и логике современного политического исследования, гипотеза в таком исследовании может представлять собой предположение, высказанное автором по поводу двух позиций. Первая позиция – это объективные и субъективные препятствия на пути решения тех задач, которые политолог перед собой поставил в своем исследовании. Это препятствия к получению в данном конкретном политическом исследовании достоверных, научно и практически значимых результатов. Политолог, применительно к этой позиции, **высказывает свои предположения относительно происхождения этих препятствий, а также их связи с общими и конкретными особенностями развития гуманитарных исследований в России и мире.**

Вторая позиция – наличие у политолога возможностей эти препятствия преодолеть. В рамках данной позиции политолог **высказывает свои предположения относительно того, насколько его собственная профессиональная компетентность, а также ресурс знания о политике, накопленный его предшественниками, способны обеспечить решение тех научных задач, которые им поставлены, вопреки существующим к этому препятствиям.**

Понятно, что такой подход к формулированию гипотезы выбивается из привычного для современных точных и естественных наук представления о ее смысле и назначении. Полного соответствия политического исследования нынешнему «стандарту научности» такой подход не обеспечивает. Это, скорее, тот компромисс, который делает возможным на практике приближение структуры и содержания политического исследования к упомянутому «стандарту». Что важно – приближение без потери рационального начала в этих структуре и содержании. И, что тоже важно, без имитации «соответствия требованиям», чем сегодня, бывает, грешат труды политологов.

Примечания

¹ См.: Гипотеза исследования : учимся формулировать по образцу. URL: <http://kursach37.com/primer-gipoteza-issledovaniya/> (дата обращения: 20.06.2019) ; Гипотеза как отправная точка научного исследования : виды научных гипотез. URL: <http://webkonspekt.com/?roo>

[m=profile&id=1248&labelid=13917](https://zinref.ru/000_uchebniki/01200filosofia/001_lekcii_filosofia_09/156.htm) (дата обращения: 20.06.2019) ; Гипотеза в научном исследовании. URL: https://zinref.ru/000_uchebniki/01200filosofia/001_lekcii_filosofia_09/156.htm (дата обращения: 20.06.2019) ; Разработка гипотезы исследования. URL: https://studwood.ru/959562/filosofiya/razrabotka_gipotezy_issledovaniya (дата обращения: 20.06.2019).

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. Гипотеза в политическом исследовании // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 441–447. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-441-447>

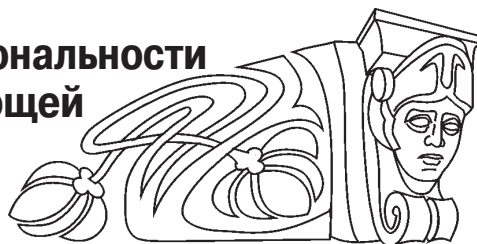
Cite this article as:

Shestov N. I. Hypothesis in Political Science Research. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 441–447 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-441-447>

УДК 321.01

Проблематика политической функциональности государства в дискуссиях о действующей Конституции Российской Федерации

А. В. Афонасова

Афонасова Алена Владимировна, кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления, Курганский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, afonasova.av@kurg.ranepa.ru

В статье рассмотрены основные направления научной дискуссии отечественных политологов и правоведов о политической функциональности Российского государства в постсоветский период. На основе анализа основных позиций в научном дискурсе о целесообразности и возможностях реформирования Конституции РФ обосновано авторское понимание правового обеспечения перспектив эволюции политической функциональности государства как одной из базовых основ обеспечения стабильного и динамичного развития российского общества.

Ключевые слова: политическая функциональность государства, конституция как политический проект, конституционная стабильность, реформирование конституции.

The National Security Issue Within the Debate on the Current Constitution of the Russian Federation

A. V. Afonassova

Alena A. Afonassova, <https://orcid.org/0000-0002-6156-2811>, Kurgan branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 147a Karl Marx St., Kurgan 640022, Russia, afonassova.av@kurg.ranepa.ru

The main trends of Russian scholarships on political functionality of the Russian state in post-soviet period are considered in the article. Based on the analysis of the dominant positions about the expediency and possibilities of reformation of the constitution of the Russian Federation, the author substantiates his own conception of law support for prospects of evolution of political functionality of a state as one of the key element of providing stable and dynamic development of the Russian society.

Keywords: political functionality of a state, constitution as a political project, constitutional stability, reformation of the constitution.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-448-453>

Совокупность политических функций государства, закреплённая на конституционном уровне, является одной из базовых основ общественного развития постсоветской России. Тем не менее, периодически возникает вопрос о возможности/целесообразности эволюции политической функциональности государства в результате изменения внутренних и внешних условий его развития. Логическим продолжением данного вопроса является рассмотрение возможности/целесообразности эволюции Конституции РФ. В рамках данной статьи остановимся на анализе

основных точек зрения и позиций в рамках дискуссии о возможностях реформирования Основного закона Российской Федерации в контексте проблематики политической функциональности государства.

Одним из важнейших факторов эволюции политической функциональности Российского государства в постсоветский период исследователи рассматривали воздействие глобализации. Например, по мнению Н. Н. Виприцкого, процессы глобализации определяют переход от формационного подхода к оценке соотношения внутренних и внешних функций государства к цивилизационному подходу, когда «происходит определённая перегруппировка функций, осознаётся роль функций, направленных на придание цивилизационного качества всей системе отношений. Как следствие, экологическая, информационная и культурная функции перестают играть роль второстепенных, в потенции, детерминируя новое качество системы общественных отношений, образуют поле международного сотрудничества и решения общечеловеческих задач»¹. Тем самым вольно или невольно автор обосновывает приоритет международного права в определении и ранжировании совокупности внутренних функций государства, в том числе и в отношении политических функций.

Такая позиция, на наш взгляд, объясняется инерционным воздействием тех идеалистических настроений в отношении перспектив демократизации страны и укрепления общечеловеческих ценностей в мировой политике, которые получили широкое распространение среди российской интеллигенции в годы перестройки и в 1990-е гг. Однако реальное развитие международных отношений и результаты политических социально-экономических преобразований внутри страны существенно охладило надежды на благотворное воздействие глобализационных процессов и слепое следование либеральным принципам. США и их союзники, рассматривая себя в качестве победителей в «холодной войне» после разрушения СССР, неоднократно демонстрировали пренебрежение к нормам международного права и использовали военную силу в различных регионах мира. Агрессия НАТО против Югославии наглядно показала, какой может быть судьба государств, которые пытались защитить свои национальные интересы не по рецептам США и их союзников.

Поэтому уже во второй половине 1990-х годов обозначилась проблематика дискуссии вокруг Основного закона РФ и закрепленной в нем совокупности государственных функций. О политической составляющей данной проблемы достаточно красноречиво свидетельствует, например, название публикации А. Н. Медушевского – одного из ведущих специалистов по данной проблеме: «Конституционный переворот или конституционная реформа: поправки к Конституции 1993 года как инструмент борьбы за власть»². Тем не менее, общая оценка, которую автор подтвердил и в более поздних своих публикациях, заключается в том, что, несмотря на все недостатки Конституции РФ как системы «нестабильного конституционализма», ее изменение нежелательно в связи с угрозой потери закрепленных в ней демократических завоеваний.

Одним из важнейших факторов обоснования конституционной реформы в этот период стала объективная потребность обеспечения единства правового пространства Российской Федерации. Правовед из Российской академии государственной службы при Президенте РФ И. Н. Барциц приводит данные о том, что из прошедших в Министерстве юстиции России «только в 1998 г. экспертизу 8000 актов, выпущенных органами власти и управления субъектов Федерации, более 2000 были признаны не соответствующими федеральному законодательству»³. Вместе с тем И. Н. Барциц признает, что обозначилась потребность в преодолении и внутренних противоречий в Конституции РФ в сфере регулирования отношений между федеральным центром и субъектами РФ. Например, автор обращает внимание на то, что «мера автономности системы законодательства субъекта Федерации от федеральной определяется ч. 4 ст. 76 Конституции России, закрепившей, что субъекты Федерации осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативно-правовых актов вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов»⁴. По мнению правоведа, «буквальное толкование этой конституционной нормы выводит на заключение, что принятие законов и иных нормативно-правовых актов субъектами Федерации по вопросам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов не допускается. Это прямо противоречит ч. 2 той же ст. 76 Конституции РФ, устанавливающей, что по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации. Подобная двусмысленность должна быть преодолена»⁵.

Вопрос о возможности/целесообразности реформирования Конституции РФ (или отдельных ее частей) является одним из ключевых для

отечественных правоведов⁶. По мнению доктора юридических наук, заслуженного юриста РФ, профессора Саратовского государственного университета Г. Н. Комковой, гл. 1 Конституции РФ «Основы конституционного строя» практически не может быть изменена без пересмотра всей Конституции России. Такой супержесткий способ изменения данной главы не случаен. По мнению автора, именно она «задает тон» всем остальным главам Основного закона, «определяет основу и перспективы развития всех остальных положений Конституции и законодательства. К основам конституционного строя относятся закрепленные в ее статьях незыблемые ценности нашего государства: приоритет прав и свобод человека, государственный суверенитет, народовластие, федерализм, многообразие форм собственности и равная их защита, социальное государство, идеологическое многообразие, светскость Российского государства. Кардинальное изменение этих положений потребует пересмотра смысла существования самой Российской Федерации, ее народа»⁷. Тем не менее, в отношении 2-й главы Конституции РФ оценка правоведа уже не столь категорична и сводится к тому, что «права человека – достаточно динамичная категория, поэтому с течением времени они могут меняться, совершенствоваться»⁸. Осуществить это возможно только лишь при принятии новой конституции. Однако это не касается других шести глав Конституции, «ведь конституционные нормы, как и нормы других, менее значимых законов, должны регулировать реально существующие общественные отношения, в противном случае они могут превратиться в фикцию. Ведь общественные отношения, существующие в данном государстве, не могут оставаться неизменными, застывшими, они развиваются в связи с новыми запросами государства и его институтов и различных общественно-политических сил. Так называемая “живая” или фактическая конституция всегда многообразнее самых совершенных конституционно закрепленных формулировок»⁹.

Подобная позиция характерна для многих отечественных правоведов, исходящих из аксиомы конституционного права о том, что «в правовом государстве недопустим разрыв между конституцией и общественным правом»¹⁰. Однако мотивация незыблемости, так же как и мотивация возможности реформирования Конституции РФ, варьируется в очень широких рамках. По мнению правоведа Ю. И. Скуратова, в оценках возможных вариантов развития конституционного процесса можно выделить три основных подхода.

Суть первого подхода, который оценивается исследователем как доминировавший до последнего времени, состоит в обосновании «стабильности Конституции, отрицании необходимости внесения в ее текст каких-либо изменений»¹¹. Сторонники данной позиции признают имею-

щиеся в Конституции РФ определенные изъяны, обусловленные конъюнктурной спецификой ее принятия в декабре 1993 г., но преодолевать их предлагают путем «практического нормотворчества и правоприменения, позволяющего полнее раскрыть заложенный в тексте Конституции правовой смысл»¹². Главным инструментом преодоления имеющихся расхождений между конституционными нормами и политической практикой должен выступать Конституционный Суд РФ посредством прецедентной интерпретации конституционных норм и «практического нормотворчества и правоприменения»¹³.

Второй подход состоит в том, что корректировка Конституции РФ возможна, но она не должна затрагивать «политическую и правовую сущность существующих институтов»¹⁴. Сторонники данной точки зрения смогли перевести свою теоретико-правовую позицию в практическую политическую плоскость и дважды, в 2009 и 2014 гг., обеспечили изменения в действующем Основном законе страны, которые не затрагивали ее сущностных основ. В 2009 г. посредством внесения поправок в Конституцию РФ был введен институт ежегодного отчета Правительства РФ перед Государственной Думой ФС РФ по итогам его деятельности, а также по вопросам, поставленным непосредственно парламентом. Кроме того, был увеличен срок полномочий Президента РФ до 6 лет, а Государственной Думы – до 5 лет. В 2014 г. с помощью конституционных поправок произошло упразднение Высшего Арбитражного суда и изменился порядок назначения прокуроров, а также формирование верхней палаты Федерального собрания.

Сторонники третьей точки зрения обосновывают необходимость «внесения в нее не разовых поправок, а проведения продуманной конституционной реформы, предполагающей системное изменение Основного закона в целях повышения эффективности конституционного регулирования»¹⁵. Однако сама трактовка конституционной реформы существенно различается.

Обозначенные направления дискуссий, которые особенно активизируются в связи с юбилейными рубежами действующей Конституции РФ, показывают, что объяснимо доминируют в них отечественные праведы-конституционалисты, анализирующие ее содержание с точки зрения внутренней непротиворечивости и соответствия теории конституционализма. Проблематика политической функциональности государства рассматривается данными исследователями, прежде всего, через призму конституционной теории разделения властей в рамках ее реализации в различных формах государственного устройства.

Как представляется, для того чтобы минимизировать признаваемые большинством исследователей расхождения между конституционными нормами, определяющими политическую

функциональность государства, и реальной политической практикой государственного функционирования, целесообразно использовать оценку Конституции РФ через призму ее проективного значения. Нельзя не согласиться с Н. И. Грачевым в том, что «никакое государство не может рассчитывать на успешное, длительное развитие, если оно не имеет четко поставленных сформулированных целей и не осуществляет деятельность, направленную на их достижение <...>. Общественно-политический проект, как предназначение и наиболее общая цель пути развития социально-исторического организма, когда он ясно сформулирован и выполняется, дает возможность всем социальным группам, политическим и общественным организациям, гражданам четко обозначенный ориентир, достижение которого составляет для них высший смысл коллективного существования»¹⁶.

В этом случае на первый план логически выступает проблема идеологического, идейно-мировоззренческого и нравственного содержания Конституции РФ¹⁷. Одна из крайних позиций в этом вопросе представлена авторами фундаментального труда «Национальная идея России», которые мотивируют необходимость радикальной конституционной реформы кризисным состоянием современного российского общества. Одна из ключевых причин необходимости сущностно-реформирования либеральной Конституции РФ, по мнению авторов, обусловлена тем, что она не отражает ценностно-мировоззренческих особенностей российского народа. Используя «конституционный ценностный классификатор», состоящий из 8 параметров: 1) Бог, религиозные и этические ценности; 2) историческая традиция государственности, апелляция к предкам; 3) государственное единство; 4) идеологический проект, апелляция к будущему; 5) национальное освобождение, суверенность; 6) международное позиционирование, характер взаимоотношений с другими государствами; 7) специфика национального жизненного уклада, особенности национального бытия; 8) права и благосостояние человека)¹⁸, авторы провели сравнительный анализ Конституции РФ с конституциями других стран. Основу этого сравнения составило выявление того, насколько обозначенные ценностные ориентиры нашли отражение в содержании конституций. Вывод авторов достаточно однозначный – ни один из данных параметров не представлен в Конституции РФ должным образом, по сравнению с основными документами других стран¹⁹. Этот вывод подтвержден частотным терминологическим анализом текстов 60 конституций. И хотя авторы признают некоторые недостатки данного метода, обусловленные различными объемами текстов конституций, но он подкрепил общий вывод о наличии серьезнейшего ценностного диссонанса в действующей российской Конституции. Поэтому «при

создании новой российской Конституции задача ее духовно-ценностного насыщения становится вполне отчетливой»²⁰.

Попытки решить проблему путем идеологического целеполагания в рамках обсуждения идеи «суверенной демократии» не увенчались успехом. Ключевую причину неудачи, на наш взгляд, очень точно сформулировал А. Н. Окара: «Если вслед за риторикой “партия власти” изменит реальную идеологию (с консервативно-охранительной на консервативно-революционную) и реальные приоритеты развития страны (со “стабилизации” на “инновационную модернизацию”), можно будет считать, что концепт суверенной демократии вышел за пределы утилитарных политтехнологий и наполнился определенным онтологическим содержанием. В противном случае эта идеологическая программа так и останется красивыми словесами, лишенными как онтологической достоверности, так и мобилизационного потенциала»²¹. Данный прогноз оказался соответствующим реальности, когда политтехнологическая функциональность этой идеи оказалась приоритетной по сравнению с ее проективной составляющей, нацеленной на формирование позитивного образа будущего России. Ожесточенная либеральная критика идеи «суверенной демократии», как попытки «изобрести велосипед», была дополнена критикой со стороны представителей различных российских партий, имеющих свои партийные проекты образа будущего России. В результате попытка сформулировать общенациональную идеологию не была реализована.

Одним из аргументов ее противников была ссылка на статью Конституции РФ, запрещающую наличие государственной идеологии в постсоветской России. Один из вариантов разрешения данной проблемы обосновывает В. Н. Расторгуев, по мнению которого конституционный принцип социального государства необходимо дополнить политической доктриной социального государства²². Данная доктрина должна раскрыть основные функции Российского государства в сфере внутренней и внешней политики, к которым автор относит поддержание политического баланса внутри страны, обеспечение социальной справедливости, «возвращение или обретение социальной перспективы»²³. Однако чаще всего попытки обосновать политический проект будущего России и соответствующую политическую функциональность Российского государства остаются уделом представителей различных общественно-политических структур, публицистов, философов, отдельных инициаторов в этой сфере. Типичным примером тому могут служить сочинения А. И. Субетто²⁴, в которых автор обосновывает идеологию ноосферизма и «русский космизм» как основу «вернадскианской революции», рассматривает вызревание предпосылок становления «цивилизации общественно-

го интеллекта и образовательного общества», объединяет «ноосферный и социалистический императивы» и указывает на «ноосферную модель будущего человечества» как «ноосферный, экологический, духовный социализм»²⁵. Еще более глобальный подход к формированию идеологии будущего обосновывает Л. С. Гордина, доктор философии, кандидат технических наук, президент Ноосферной духовно-экологической Ассамблеи мира, руководитель Концептуально-аналитической группы «Ноосфера». По ее мнению, фундамент мирового развития должны составлять «основополагающие принципы Ноосферной этико-экологической Конституции человечества, исходящие из научных основ космогенеза жизни и формирующие жизнеспасающее мировоззрение Третьего Тысячелетия»²⁶.

Такие светско-сакральные идеологические проекты выглядят очень гуманистично, основываются на самых благих пожеланиях для развития России и всего человечества, но абсолютно оторваны от реалий современной мировой политики, основанной на жесткой конкуренции и борьбе за контроль над ресурсами. Поэтому обоснование функциональности «Ноо-Конституции» и «Всемирного космоноосферного права», нацеленных на интеграцию «народов в единую, космически значимую, разумно осуществляющую жизнь и жизнедеятельность цивилизацию – человечество планеты Земля»²⁷, выглядит скорее как футурологический проект, для реализации которого в современных условиях нет никаких предпосылок.

Как представляется, до тех пор, пока в Конституции РФ останется запрет на государственную идеологию, все попытки представить обществу тот или иной проект общенационального развития останутся безуспешными. Соответственно, не смогут в полной мере быть задействованы для реализации такого проекта те политические функции, которые уже закреплены в действующем Основном законе современной России. Например, в Конституции РФ закреплены базовые функции государства о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». В ст. 7 зафиксировано, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»²⁸. Однако эти ключевые функции не могут быть воплощены полноценно без конкретных характеристик политических и социально-экономических основ такого государства, нормативно закрепленных в качестве ориентира общественного развития, своего рода идеального образа будущего России.

Составители действующей Конституции РФ рассчитывали на то, что закрепленные в ней либеральные ценности и принципы, максимально

нацеливающие на идеологическое многообразие и политический плюрализм, обеспечат свободную конкуренцию различных образов будущего России. Соответственно, граждане в своем свободном волеизъявлении на выборах могли бы поддерживать ту или иную партийно-идеологическую программу стратегического развития страны, формируя тем самым конкретную траекторию ее движения в будущее. Однако практика более чем двух с половиной десятилетий политического развития России после принятия Конституции РФ показала, что никакой реальной конкуренции партийных вариантов образа будущего России не получилось. Наиболее системно такой проект представлен в предвыборных программах КППРФ, но и его воздействие на избирателей конкурентам удалось достаточно успешно нейтрализовать за счет позиционирования этого проекта как попытки реанимации изжившей себя советской модели.

Определенная статусная и ресурсная диспропорция в системе разделения властей в пользу власти Президента РФ, закрепленная в Основном законе, привела к тому, что главная конкуренция в политической жизни постсоветской России развернулась не в сфере партийных идеологий, а в борьбе политических лидеров на президентских выборах. Приоритетную роль на данных выборах играли имиджевые технологии, в которых главное значение имели личностные характеристики (волевые качества, решительность, социально-психологические особенности и манера поведения и т. д.) по сравнению с партийно-идеологическими пунктами программы. В результате ни одна из ведущих российских партий (включая «Единую Россию»²⁹) не могла реализовывать свой партийно-идеологический проект как президентскую программу стратегического развития России.

В какой содержательной форме и с помощью каких политических инструментов может быть включена статья о национальной идее в Конституцию РФ, можно было бы решить после широкого научного и общественного обсуждения в результате проведения всенародного референдума. В этом случае изменение одной из базовых основ Конституции РФ ни у кого не будет вызывать сомнения и позволит легитимировать одобренные обществом стратегические контуры и ценностные характеристики образа будущего России и перспективы его воплощения в жизнь.

Примечания

- ¹ *Витрицкий Н. Н.* Внешние функции Российского государства в условиях глобализации // *Общество и право.* 2011. № 4. С. 50.
- ² См.: *Медушевский А.* Конституционный переворот или конституционная реформа: поправки к Конституции 1993 года как инструмент борьбы за власть // *Конституционное право: восточноевропейское обозрение.* 1999. № 3 (28). С. 154–167.
- ³ *Барциц И. Н.* Конституционная реформа и обеспечение единства правового пространства России // *Конституционная правовая реформа в Российской Федерации: сб. ст. / отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 94.*
- ⁴ Там же. С. 100.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: *Авакьян С. А.* Нужна ли конституционная реформа в России? // *Конституционное и муниципальное право.* 2012. № 9. С. 2–9; Пробелы в российской Конституции и возможности ее совершенствования / ред.-сост. К. Г. Гагнидзе. М.: Изд-во Центра Конституц. исслед. МОНФ, 1998; *Страшун Б. А.* Не спешить с конституционной реформой // *Конституция как фактор социальных изменений: сб. докл. / отв. ред. Л. О. Иванов. М.: Центр конституц. исслед. Моск. обществ. науч. фонда, 1999. С. 85–86; Хабриева Т. Я.* Реформирование Конституции Российской Федерации: возможность и необходимость // *Журнал российского права.* 2003. № 11. С. 20–32; *Митюков М. А.* О преобразовании Конституции Российской Федерации // *Право и власть.* 2001. № 1. С. 105–112.
- ⁷ *Комкова Г. Н.* Стабильность Конституции – правовая основа стабильности Российского государства // *Вестн. Сарат. гос. юрид. акад.* 2014. № 1 (96). С. 66.
- ⁸ Там же. С. 67.
- ⁹ Там же. С. 68.
- ¹⁰ *Хабриева Т. Я.* Конституционная реформа в современном мире. М.: Наука РАН, 2016. С. 7.
- ¹¹ *Скуратов Ю. И.* Конституционная реформа в Российской Федерации (варианты развития конституционного процесса) // *Вестн. Сарат. гос. юрид. акад.* 2018. № 3 (122). С. 55.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Грачев Н. И.* Функции государства, верховной власти и государственного аппарата // *Вестн. Сарат. гос. юрид. акад.* 2019. № 3 (122). С. 19.
- ¹⁷ См.: *Вилков А. А.* Политическая целесообразность и нравственные основы Конституции Российской Федерации // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2013. Т. 13, вып. 4. С. 63–71.
- ¹⁸ См.: *Национальная идея России / под общ. ред. С. С. Сулакшина: в 6 т. Т. 1. М.: Научный эксперт, 2012. С. 236.*
- ¹⁹ Там же. С. 237–240.
- ²⁰ Там. С. 254.
- ²¹ *Окара А. Н.* Реприватизация будущего. «Суверенная демократия»: от поисков «новой русской идеи» к «миссии» корпорации ЗАО «Россия» // *Полития.* 2007. № 1 (44). С. 95.
- ²² См.: *Расторгуев В. Н.* Социальное государство: от конституционного принципа к политическому и геополитическому планированию // *Россия как социальное государство: конституционная модель и реальность: сб. материалов / под общ. ред. Е. И. Колюшина, А. А. Нелюбина. М.: Изд-е Совета Федерации, 2007. С. 31–35.*
- ²³ Там же. С. 33.

- ²⁴ См.: *Субетто А. И.* Соч. : в 13 т. Т. 1. Ноосферизм. Введение в ноосферизм. Ноосферизм : движение или новая научно-мировоззренческая система? / под ред. Л. А. Зеленова. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006.
- ²⁵ Там же. С. 625.
- ²⁶ *Гордина Л. С.* Ноосферная этико-экологическая Конституция человечества – правовая основа жизнеспасающего мировоззрения Третьего тысячелетия. URL: https://zerkala-kozyreva38.com/d/1585874/d/gordina_statya_itog_foruma.pdf (дата обращения: 20.09.2019).
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
- ²⁹ Более того, «Единая Россия» позиционировала себя в публичном пространстве не столько в качестве самодостаточной политической силы, сколько в качестве инструмента реализации программы Президента РФ. Тем самым В. В. Путин на выборах имел статус надпартийного кандидата и, соответственно, надпартийного главы государства, а «Единая Россия» – статус функциональной пропрезидентской партии, ведущей политической опоры Президента РФ.

Образец для цитирования:

Афонасова А. В. Проблематика политической функциональности государства в дискуссиях о действующей Конституции Российской Федерации // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2019. Т. 19, вып. 4. С. 448–453. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-448-453>

Cite this article as:

Afonasova A. V. The National Security Issue Within the Debate on the Current Constitution of the Russian Federation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 448–453 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-448-453>

УДК 323(470+571)

Институционализация профессиональной экспертизы в сфере государственной национальной политики Российской Федерации

И. В. Бахлов, О. В. Бахлова

Бахлов Игорь Владимирович, доктор политических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, bahlov@mail.ru

Бахлова Ольга Владимировна, доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, olga.bahlova@mail.ru

В статье исследуются направления институционализации профессиональной экспертизы в сфере государственной национальной политики Российской Федерации в ракурсе расширения и совершенствования инструментария ее реализации. Обоснована необходимость создания комплексной многоуровневой системы научного обеспечения, диалога власти и экспертного сообщества. Акцентирована важность формирования региональной экспертной панели для проведения этнополитического анализа и мониторинга. Особое внимание уделено восприятию проблемы нормативного закрепления этнологической экспертизы. Выявлены незавершенность процесса законодательной институционализации экспертизы в рассматриваемой сфере и необходимость корреляции ее ключевых аспектов с точки зрения масштабирования, экстраполяции и практического внедрения.

Ключевые слова: государственная национальная политика, профессиональная экспертиза, этнополитический анализ, этнополитический мониторинг.

The Institutionalization of Professional Expertise in the Field of State National Policy of the Russian Federation

I. V. Bakhlov, O. V. Bakhlova

Igor V. Bakhlov, <http://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, National Research Mordovia State University, 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia, bahlov@mail.ru

Olga V. Bakhlova, <http://orcid.org/0000-0002-3849-8321>, National Research Mordovia State University, 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia, olga.bahlova@mail.ru

The article examines the directions of institutionalization of professional expertise in the sphere of state national policy of the Russian Federation from the perspective of expansion and improvement of tools for its implementation. The necessity of creating a complex multi-level system of scientific support and dialogue between the authorities and the expert community is substantiated. The importance of forming a regional expert panel for ethnic and political analysis and monitoring is emphasized. Special attention is paid to the perception of the problem of normative consolidation of ethnological expertise. The incompleteness of the process of legislative institutionalization of expertise in this area and the need to correlate its key aspects

in terms of scaling, extrapolation, and practical implementation are revealed.

Keywords: national policy, professional expertise, ethno-political analysis, ethno-political monitoring.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-454-460>

В условиях динамично развивающихся многоуровневых процессов, порой с непредсказуемыми последствиями, требуются не только противодействие порождаемым ими вызовам и рискам, их ликвидация, но также предупреждение и ранняя диагностика. Несмотря на активно продвигаемую глобализацию, декларирование приближения к неким универсальным моделям и ценностям, образование наднациональных институтов, универсализацию и стандартизацию самых различных областей, мир XXI в. остается сложным и разнообразным. При этом границы между странами становятся все более прозрачными и хрупкими, что, наряду с обретением преимуществ для обычных законопослушных граждан (туристов, студентов, бизнесменов и проч.), упрощает проникновение через них деструктивных элементов. На прогнозировании возникновения и эволюции наиболее опасных проявлений в самых разных сферах и реагировании на них сказывается переплетение множества факторов, тенденций, модернизационных внедрений и реанимированных архетипов. Возникают все новые и новые вопросы о судьбе цивилизаций, государств, наций, этносов, традиций и инноваций, даются их неоднозначные и даже расходящиеся интерпретации. Нередко формулируются противоположные мнения об актуализации (ренессансе) этничности¹ либо о неизбежности этнокультурной конвергенции².

Подобные вопросы – о соотношении национального (политического, гражданского) и этнического измерений – могут экстраполироваться и на территорию определенного государства, выражаясь в спорах о механизмах нациестроительства, государствообразующем народе (народах), уровнях идентичностей и проч. В Российской Федерации они выступают константой теоретического дискурса, тогда как в политическом сообществе (по крайней мере, в его высших кругах, среди участников властных структур) складывается более осязаемый консенсус. Ключевое понятие в официальном дискурсе – «национальный», соединяющее в себе разные смысловые оттенки. Употребительны и привычны

ны выражения «огромная многонациональная страна»³, «межнациональное и межрелигиозное согласие». Сила России усматривается в «свободном развитии всех народов, в многообразии, гармонии и культур, и языков, и традиций наших, во взаимном уважении, диалоге»; провозглашается обязанность «жестко противодействовать любым проявлениям экстремизма и ксенофобии»⁴. В нормативной плоскости кажущееся лексическое и смысловое противоречие снимается формулой, легитимизирующей синонимичность (эквивалентность) указанных терминов: «Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных (полиэтнических) государств мира»; пониманием межнациональных (межэтнических) отношений как взаимодействия людей (групп людей) различной национальности (разной этнической принадлежности); гарантиями защиты этнокультурного и языкового многообразия как достояния многонационального народа Российской Федерации (российской нации); единством культурного (цивилизационного) кода и проч.⁵

Разумеется, не одни разночтения в этнонациональной сфере в контексте глобализации или других общемировых процессов либо тенденций сказываются на восприятии ее состояния, соответствующих оценках, предложениях, призывах и действиях. Будучи частью «глобального мира, который стремительно меняется»⁶, Россия имеет огромное внутреннее пространство, функционирующее и преобразующееся под влиянием совокупности переменных. Именно его особенности учитываются в первую очередь в рамках различных сфер государственной политики, в том числе государственной национальной политики. Однако стоит заметить, что в новой редакции Стратегии государственной национальной политики РФ существенно усилен акцент на детерминацию большинства выделенных в ней проблем внешним воздействием. В то же время в документе указывается на положительные результаты в обеспечении межнационального мира и согласия в Российской Федерации со ссылками на соцопросы⁷.

Между тем итоги двух крупных социологических измерений этноконфессиональной ситуации 2016 г. (опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и георейтинг Фонда «Общественное мнение» (ФОМ)) демонстрируют более сложную картину. Так, опрос ВЦИОМ показал, что около трети россиян убеждены в ухудшении в стране за последние 15 лет отношений между людьми разных национальностей; около четверти респондентов, напротив, отметили их улучшение. ВЦИОМ подчеркивает корреляцию оценок состояния межнациональных отношений с общей оценкой ситуации в России и восприятием уровня и качества жизни. С другой стороны, по его же данным, 91% россиян в течение последне-

го (на тот момент) года не испытывали на себе неприязни, нарушения прав или ограничения возможностей из-за национальности. Согласно георейтингу ФОМ, дискриминацию по этническому признаку в среднем по стране ощущают 5–7% граждан⁸. Левада-центр в июле 2017 г. зафиксировал достижение минимума уровня этнофобии (снижение желающих ограничить проживание каких-либо народов на территории РФ с 70 до 54% опрошенных)⁹. Специалисты подчеркивают, тем не менее, что в этих цифрах скрывается серьезная опасность, поскольку недовольство, как правило, концентрируется в отдельных болевых точках, а не распределяется равномерно. Эти данные дополняет негативная эмпирика¹⁰.

Таким образом, сфера межнациональных отношений остается уязвимой для деструктивного влияния внутренних и внешних факторов. Решение целей и задач государственной национальной политики тесно сопряжено с обеспечением национальной безопасности, сохранением территориальной целостности государства, защитой традиционных ценностей, формированием общероссийской гражданской идентичности, устранением внутренних диспропорций и разрывов. Своевременное выявление имеющихся и потенциальных проблем, сложностей и уязвимостей в этнополитической сфере, разработка и обоснование комплекса механизмов, методов и технологий их урегулирования, находясь в «зоне ответственности» компетентных органов власти, требуют согласованных и поддерживаемых государством усилий экспертного сообщества. Побуждают к этому и негативный исторический опыт политизации этничности в различных геополитических воплощениях российской государственности, и усиливающаяся конфронтация на мировой арене.

На наш взгляд, достижение оптимальных положительных результатов на этом и других направлениях возможно лишь в рамках сбалансированной системы научного обеспечения, объединяющей все уровни высшего образования и профессиональные экспертные сообщества в разных областях. Важно, чтобы ее подразделения функционировали не только в столице, но и в регионах. Здесь отрадно заметить, что подобная тема поднимается в контексте взаимодействия власти и научного сообщества. В частности, в марте 2016 г. на VI Международной Грушинской конференции в рамках совместной тематической секции «Социологический мониторинг межнациональных отношений: от методологии к измерению и социальной практике» акцентировалась необходимость формирования общероссийской региональной экспертной панели¹¹. Настаиваем, что особое внимание следует уделить созданию или активизации подобных институтов в регионах повышенного риска, причем с акцентом на совершенствование благодаря их деятельности

именно превентивных мер по предупреждению эскалации негативных побуждений и конфликтных ситуаций. Возможности такой системы корреспондируются с инструментарием, заложенным в нормативных документах РФ, и отвечают сути предусматриваемых в них механизмов. Исследуем данный аспект с точки зрения продвижения институционализации профессиональной экспертизы в сфере межнациональных и этнополитических отношений в плане ее нормативного обоснования и закрепления. Подчеркнем, что экспертное исследование в этой сфере ввиду рассмотренных особенностей и уязвимостей предполагает диверсификацию инструментария по набору необходимых средств и методов.

В обновленной Стратегии определяется достаточно широкий набор **инструментов реализации государственной национальной политики**.

1. *Законодательство РФ и документы стратегического планирования*, разработанные на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Таковых в соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ст. 11)¹² действует сейчас значительное количество. Не вдаваясь в их классификацию и анализ, подчеркнем, что практически все они сопрягаются со сферой межнациональных отношений. Например, достаточно часто эта проблематика затрагивается в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию. Здесь четко определяется корреляция многих сфер и вопросов. Так, с точки зрения В. В. Путина, в межэтнических отношениях «фокусируются многие наши проблемы, многие трудности социально-экономического и территориального развития, и коррупция, и изъяны в работе государственных институтов, и, конечно же, провалы в образовательной и культурной политике»¹³. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в число основных угроз государственной и общественной безопасности включается деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию. Межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа позиционируются в качестве общих ценностей, формирующих фундамент государственности¹⁴.

Интересующая нас взаимосвязь отражается и в документах стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания по отраслевому и территориальному принципу и др. В частности, в Стратегии пространственного развития РФ 2019 г. предусматривается учет этнокультурного фактора при обеспечении социально-экономического развития субъектов РФ¹⁵. Многие центры изучения общественного мнения, как уже отмечалось, выявляли увязку между состоянием межнациональных (межэтнических) отношений и социально-экономической

ситуацией в стране. В этом плане любопытными представляются стратегии социально-экономического развития макрорегионов и документы стратегического планирования, разрабатываемые на уровне субъекта РФ и муниципального образования. Они позволяют судить об осознании корреляции слабых и сильных сторон макрорегиона/региона/территории. Кратко охарактеризуем ее на примере Приволжского федерального округа (ПФО) и Республики Мордовия (РМ), входящей в него. Так, ПФО, что является его преимуществом, имеет самобытный в этнокультурном отношении состав населения (около 170 народов) при бесконфликтном и органичном сосуществовании разных культурных традиций, но негативно выделяется сравнительно низкими доходами населения (ниже среднероссийского уровня)¹⁶. В РМ фиксируется значительный отток населения из региона вследствие его низкого уровня жизни¹⁷. Отмечается в целом благоприятный климат межнациональных отношений, выбранная республиканскими властями модель этнополитики оценивается как интеграционистская и мультикультурная, но проведенные мониторинги выявляют увеличение показателя межэтнической напряженности в субъективном смысле, детерминированное в том числе преобразованием исторически сложившегося баланса ведущих этнических групп в республике под воздействием миграционных процессов¹⁸.

2. *Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики», иные государственные программы*. Ключевые направления программы, по сути, отражаются в ее подпрограммах: «Государственно-общественное партнерство в сфере государственной национальной политики Российской Федерации»; «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России»; «Русский язык и языки народов России»; «Коренные малочисленные народы Российской Федерации»; «Профилактика экстремизма на национальной и религиозной почве» и др. Особо стоит отметить выделение приоритетных территорий. Это Дальневосточный федеральный округ и Арктическая зона Российской Федерации; Северо-Кавказский федеральный округ; Республика Крым, г. Севастополь и Калининградская область.

Важное значение, помимо данной программы, имеют подпрограмма 7 «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» государственной программы РФ «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы, государственная программа РФ «Развитие образования», федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016–2020 годы¹⁹.

3. *Государственная информационная система мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций* (sm.

fadn.gov.ru), разработанная и обеспечиваемая Федеральным агентством по делам национальностей (ФАДН) России. К системе подключены все субъекты Российской Федерации, в более чем половине регионов – и муниципальные образования. Ее пользователи – Администрация Президента, институт полномочных представителей Президента в федеральных округах, Министерство внутренних дел, Национальный антитеррористический комитет, Министерство обороны Российской Федерации. Пока приоритетом выступает выявление противоправной деятельности в Интернете; намечались подвижки в расширении базы данных за счет интеграции телеграмм-каналов и формирования экспертной панели.

Однако обсуждение данной системы, в том числе в Совете по межнациональным отношениям Совета Федерации, обнаруживает ряд проблем, связанных с недостаточностью финансирования, технического обеспечения системы и подготовки кадров, невозможностью проследить развитие проблемы в динамике. Также отмечается, что в сущностном плане мониторинг ФАДН не показывает главного – причины национальных конфликтов и мотивацию людей, примыкающих к террористам и экстремистам. Совет обязал ФАДН ежегодно отчитываться об итогах мониторинга межнациональной ситуации в регионах перед Федеральным Собранием²⁰.

В систему включается социологический мониторинг основных показателей состояния межэтнических и религиозных отношений для оперативного принятия управленческих решений в сфере реализации государственной национальной политики. Его обеспечение также находится в зоне ответственности ФАДН. Подчеркивается важность разработки надежной системы показателей и индикаторов; построения картографии России с определением зон с большей и меньшей степенью расположенности к возникновению конфликтных ситуаций; фокусирования на «болевыми точками» – регионах существующих и потенциальных этноконфессиональных конфликтов. Совершенствование и продвижение социологического мониторинга реализуются благодаря комплексу действий и мероприятий, среди которых – специальные всероссийские семинары²¹. Отметим, что в структуре ФАДН России функционирует Управление мониторинга, анализа и прогноза.

Речь идет именно об общероссийском социологическом мониторинге, эффективность которого может существенно повыситься благодаря плодотворному сотрудничеству ведущих исследовательских структур в масштабах всей страны с региональными научными центрами. Подобным примером может служить взаимодействие Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва с филиалом ВЦИОМ по ПФО (ВЦИОМ-Поволжье) в Республике Мордовия.

4. *Мониторинг состояния и развития языков народов России.* Он осуществляется на постоянной основе Правительством РФ совместно с органами исполнительной власти субъектов РФ, предусматривая реализацию поручений Президента РФ по итогам совместного заседания Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку 19 мая 2015 г.²². В структуре Правительства РФ главную роль в этой области играют Минпросвещения, Минкультуры, Минкомсвязи, ФАДН. Важное значение имеет взаимодействие с научными и образовательными центрами (на федеральном уровне – Российской академией наук (РАН) и Российской академией образования). На региональном уровне также привлекаются соответствующие учреждения. Например, в Республике Алтай мониторинг состояния и развития алтайского языка в сентябре 2018 г. проводился сотрудниками Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова и Институтом повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Республики Алтай²³. В текущий период акцент делается на автоматизации деятельности по сбору сводных данных о состоянии и развитии языков народов России²⁴.

5. *Этнологическая экспертиза.* Это один из инструментов, привлекающих на современном этапе пристальное внимание законодателя и исследователей. Этнологическая экспертиза определяется в соответствии с ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» как «научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса» (ст. 1). В ее проведении имеют право участвовать малочисленные народы и их объединения (ст. 8)²⁵.

Однако названный Закон не урегулировал порядок организации и проведения этнологической экспертизы и некоторые иные значимые аспекты. Само установленное им понятие подверглось критике на уровне академического сообщества за расплывчатость. Тем не менее, законодательная новация стимулировала регионы к принятию собственных нормативных актов в этой сфере. Закон об этнологической экспертизе был принят в Республике Саха (Якутия) (2010 г.), появились определенные наработки в Ямало-Ненецком (ЯНАО) и Ханты-Мансийском (ХМАО – Югра) автономных округах, Сахалинской области²⁶.

В русле общего повышения интереса власти к сфере межнациональных отношений (о чем свидетельствовали, например, итоги заседания президентского совета по межнациональным отношениям 4 декабря 2016 г., где обсуждались среди прочего перспективы принятия законов о российской нации и об адаптации мигрантов) ФАДН России был подготовлен законопроект

«Об этнологической экспертизе в Российской Федерации»²⁷, размещенный 30 января 2018 г. на федеральном портале нормативных правовых актов для общественного обсуждения. Законопроект активно поддержали Ассоциация коренных малочисленных народов и их общины. Разработчики законопроекта опирались на опыт реализации закона об этнологической экспертизе Республики Саха (Якутия), хотя в ФАДН одновременно указали, что в ходе применения этнологической экспертизы в этом регионе обнаружились серьезные проблемы, обуславливающие важность появления федерального правового механизма. Однако 21 марта 2018 г. законопроект ФАДН не прошел нулевые чтения в Общественной палате (ОП). ОП в своем заключении поддержала концепцию законопроекта, направленную на развитие института этнологической экспертизы в качестве важного инструмента государственной национальной политики, учитывающего этнокультурные потребности и интересы всех граждан РФ, и подчеркнула актуальность и значимость правового регулирования процедуры этнологической экспертизы, необходимость внедрения и распространения института этнологической экспертизы в качестве обязательного этапа реализации масштабных государственных проектов. Вместе с тем ОП сочла, что законопроект нуждается в существенной доработке. В частности, ею было предложено дополнить перечень субъектов этнологической экспертизы (в соответствии с ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»), обеспечить в процессе ее проведения мониторинг осуществления проектов. В Заключении ОП акцентируется важность вопросов порядка формирования экспертной комиссии этнологической экспертизы, определения круга лиц, имеющих право осуществлять этнологическую экспертизу, требований к экспертам и проч.²⁸

В обсуждение судьбы законопроекта включились представители департамента нацполитики Управления Президента по внутренней политике (УВП), эксперты, солидаризовавшиеся с мнением о необходимости его доработки. В ракурсе обсуждаемой нами идеи о создании комплексной системы научного обеспечения государственной политики прозвучали мнения о подготовке специалистов-этнологов в вузах соответствующих регионов, потенциальной неэффективности или даже вредности приглашения экспертов из других территорий, важности включения в состав экспертной комиссии *ad hoc* представителей соответствующего субъекта РФ²⁹.

Введение этнологической экспертизы в обновленной Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации может в свете изложенного трактоваться как компромиссное решение, тем более что в этом документе также не урегулированы важнейшие содержательные и процедурные вопросы.

Нормативные пробелы и упущения негативным образом сказываются на практике, где институт государственной этнологической экспертизы в масштабах всей страны остается неработающим. В качестве государственной на основании регионального закона этнологическая экспертиза проводится только в Республике Саха (Якутия). Также как этнологический компонент она проявляется в государственных историко-культурных и экологических экспертизах (ЯНАО, ХМАО – Югра), или применяется вариант общественной этнологической экспертизы (ЯНАО, Ненецкий АО, Кемеровская область). Вместе с тем рекомендации общественной экспертизы не имеют юридического значения, а результаты предварительной этнологической экспертизы в рамках, например, общественной экологической экспертизы (проект нефтепровода Россия – Китай и др.) не учитываются органами государственной власти. Подмечается в этой связи недовольство организаций коренного населения; неслучайно они выступают сторонниками принятия специального закона³⁰.

В специальных исследованиях обнаруживаются отсутствие четко выработанной общепринятой научной концепции этнологической экспертизы, варьирование методов проведения, базирование проведенных этнологических экспертиз на поиске «нормы» культуры и попытках эмоциональной оценки ее ушерба³¹.

Обобщая, подчеркнем, что в целом сохраняется довольно узкая ориентация этнологической экспертизы по сфере правоотношений и кругу лиц. Фактически речь идет по-прежнему о преимущественном содействии защите коренных малочисленных народов Севера (КМНС), хотя в ФАДН полагают, что этнологическая экспертиза должна учитывать этнокультурные потребности и интересы всех россиян; акцент – на хозяйственной деятельности (трактовка как инструмента установления взаимодействия между КМНС и промышленными компаниями, более широко – как механизма взаимодействия органов власти, промышленных компаний, научного сообщества и КМНС³²). Этнологическая экспертиза начинает восприниматься как часть политического менеджмента³³, хотя, на наш взгляд, пока для этого в реальности мало оснований. Более применимо, пожалуй, понимание этнологической экспертизы как инструмента регионального управления и национальной политики³⁴, но при условии коррекции ее назначения и широты применения. Представляется важным упор на необходимости также этнополитического анализа и этнополитического мониторинга³⁵. Добавим, что этнополитическая составляющая экспертизы должна иметь не только местное или региональное измерение в пределах Крайнего Севера или другой части нашей страны, но и общероссийское. Полагаем, что ее учет чрезвычайно важен и в научных исследованиях, и в нормативной плоскости,

имея в виду совершенствование нормативной базы государственной национальной политики РФ. Принимая во внимание обширность и увязку ее направлений, было бы крайне желательно возвращение усилий законодателя к доработке резонансных законопроектов (не только об этнологической экспертизе, но и о российской нации, о патриотическом воспитании граждан и др.).

Резюмируя, можно утверждать, что пока в России институционализация профессиональной экспертизы в сфере государственной национальной политики не завершена. Заложены только минимально необходимые нормативные основы, но не урегулированы многие методологические, процедурные и сущностные вопросы, начиная с самого понятия такой экспертизы. В нормативном и исследовательском поле уже оформилось и достаточно закрепились понятие «этнологическая экспертиза», вместе с тем, как уже было показано, процесс его законодательной институционализации относительно фрагментарен и прерывист, а экспертные оценки нередко критичны с теоретико-концептуальной и практической позиций. Следует не забывать при этом об установлении взаимосвязей как между различными видами экспертизы, которая может привлекаться для оптимизации управленческих решений и повышения их эффективности, так и между всеми уровнями власти и управления, исследовательскими структурами и аналитическими центрами. Есть определенные подвижки в диалоге власти и научного сообщества, которые стимулируются в том числе благодаря усилиям ФАДН России по внедрению обучающих семинаров и проч. Однако даже внутри научного и экспертного сообществ горизонтальные коммуникации зачастую либо не инициированы, либо воспринимаются формально или конкурентно. В безотлагательной повестке остается и задача активизации, консолидации и расширения ресурсного потенциала региональных экспертных сообществ. Драйвером достижения названных ориентиров может быть, по нашему убеждению, обсуждение проблемных вопросов на площадках общественных организаций, объединяющих профессионалов-политологов из разных регионов России, консолидирующих отечественное экспертное сообщество в области политической науки, – Российской ассоциации политической науки (РАПН) и Российского общества политологов (РОП).

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и АНО «Экспертный институт социальных исследований» (проект № 19-011-31009 «Профессиональная экспертиза в области государственной национальной и региональной политики и совершенствование механизмов оценки эффективности территориального управления»).

Примечания

- 1 См., например: Сафонов А. Л., Орлов А. Д. Нация и этнос в едином мире // Век глобализации. 2013. № 2. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/162991/> (дата обращения: 01.07.2019).
- 2 См., например: Тишков В. А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вopr. философии. 1998. № 9. С. 3–26.
- 3 См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 4 Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 5 См.: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (ред. от 06.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 6 Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г.
- 7 См.: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (ред. от 06.12.2018).
- 8 См.: Хайкин С. Р., Бережкова С. Б. Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 99, 101–102, 107–108.
- 9 См.: «Левада-центр» обнаружил спад ксенофобских настроений // Коммерсантъ. 2017. № 155. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3391603?from=doc_vrez (дата обращения: 01.07.2019).
- 10 См.: Хайкин С. Р., Бережкова С. Б. Указ. соч.; Магомедов А. К., Соколова И. Н. Этносистема Российской Арктики в контексте северной экосистемы: к пониманию особенностей этнополитики в полярном мега-регионе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 218–222. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-218-222>
- 11 См.: Социологический мониторинг межнациональных отношений: от методики к практике. URL: <http://fadn.gov.ru/news/2016/03/18/2675-sotsiologicheskiiy-monitoring-mezhnatsionalnyh-otnosheniy-ot-metodiki-k-praktike> (дата обращения: 01.07.2019).
- 12 См.: О стратегическом планировании в Российской Федерации (ред. от 31.12.2017): федер. закон. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 13 Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 14 См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 15 См.: Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 16 См.: Стратегия социально-экономического развития Приволжского федерального округа до 2020 года (ред.

- от 26.12.2014). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 17 См.: О Стратегии социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года : закон Республики Мордовия от 1 октября 2008 г. № 94-З (в ред. Закона РМ от 19.06.2017 № 46-З). URL: <http://docs.cntd.ru/document/819073683> (дата обращения: 30.06.2019).
- 18 См.: *Вилков А. А., Толкунов Н. С.* Опыт реализации этнокультурной политики в Республике Мордовия // Политическое управление : научный информационно-образовательный электронный журнал. 2017. № 1 (13). С. 24, 27.
- 19 См.: Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» : постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 (с изм. на 29 марта 2019 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 20 См.: Сенаторы просят подключить их к системе мониторинга ФАДН // Коммерсантъ : [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3450151?from=doc_vrez (дата обращения: 01.07.2019).
- 21 См.: ФАДН России организовало Всероссийский семинар, посвященный мониторингу межнациональных отношений. URL: <http://fadn.gov.ru/news/2018/02/08/3540-fadn-rossii-organizovalo-vserossiyskiy-seminar-posvyaschennyu-monitoringu-mezhnatsionalnyh-otnosheniy> (дата обращения: 01.07.2019).
- 22 См.: Перечень поручений по итогам совместного заседания Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/49877> (дата обращения: 01.07.2019).
- 23 См.: О мониторинге состояния и развития языков народов Российской Федерации. URL: https://altai-republic.ru/activity/president-strategic-initiatives/?ELEMENT_ID=26905 (дата обращения: 01.07.2019).
- 24 См.: *Пилипенко С. А.* Об изменениях законодательства в сфере изучения родных языков из числа языков народов России и проектах нормативных правовых актов Министерства просвещения Российской Федерации, а также о проведении мониторинга состояния и развития языков народов России / Министерство просвещения Российской Федерации. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/f4cd07cbab75503db51271894993b97e/download/292/> (дата обращения: 01.07.2019).
- 25 О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : федер. закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ (с изм. на 27 июня 2018 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 26 См.: *Новикова Н. И.* Этнологическая экспертиза в Российской Федерации : правовые основания и перспективы для коренных народов // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 5–6, 9–14.
- 27 См.: Об этнологической экспертизе в Российской Федерации (подготовлен ФАДН России, не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 22 февраля 2018 г.) : проект федер. закона. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=169551#010270988211375642> (дата обращения: 01.07.2019).
- 28 См.: Заключение Общественной палаты Российской Федерации по результатам общественной экспертизы проекта федерального закона «Об этнологической экспертизе в Российской Федерации». URL: https://zakl_etnologicheskaya_expertiza29052018.pdf (дата обращения: 01.07.2019).
- 29 См.: *Добрикова Е.* Эксперты : законопроект об этнологической экспертизе необходимо доработать. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» ; Проект ФАДН об этнологической экспертизе не прошел нулевое чтение. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3579723> (дата обращения: 01.07.2019) ; Этнологическая экспертиза поможет сохраниться коренным народам. URL: <https://www.pnp.ru/social/etnologicheskaya-ekspertiza-pomozhet-sokhranitsya-korennyim-narodam.html> (дата обращения: 01.07.2019).
- 30 См.: *Данилова Е. Н.* Этнологическая экспертиза : современные концепции и подходы // Урал. ист. вестн. 2018. № 1. С. 127–128. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1\(58\)-127-134](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1(58)-127-134) ; *Мурашко О. А.* Этнологическая экспертиза в России. URL: <https://www.spri.cam.ac.uk/events/russianoil/presentations/murashko.ru.pdf> (дата обращения: 01.07.2019).
- 31 См.: *Функ Д. А.* «Этнологическая экспертиза» : российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 66–79.
- 32 См.: *Новикова Н. И.* Указ. соч. С. 17.
- 33 См.: *Мартынова М. Ю.* Миссия антропологии и этнологии : социальная роль и практическая значимость // XII Конгресс антропологов и этнологов России : сб. материалов (Ижевск, 3–6 июля 2017 г.) / отв. ред. : А. Е. Загребин, М. Ю. Мартынова. М. ; Ижевск, 2017. С. 8.
- 34 См.: *Садовой А. Н., Поддубиков В. В.* Этнологическая экспертиза в практике регионального управления : опыт Кемеровской области // Вестн. КемГУ. 2011. № 1. С. 22–26.
- 35 См.: *Магомедов А. К., Соколова И. Н.* Указ. соч. С. 221.

Образец для цитирования:

Бахлов И. В., Бахлова О. В. Институционализация профессиональной экспертизы в сфере государственной национальной политики Российской Федерации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 454–460. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-454-460>

Cite this article as:

Bakhlov I. V., Bakhlova O. V. The Institutionalization of Professional Expertise in the Field of State National Policy of the Russian Federation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 454–460 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-454-460>

УДК 321.7

Проблемы межкультурной коммуникации в условиях реализации политики мультикультурализма

И. Н. Бурганова

Бурганова Инна Николаевна, кандидат политических наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий, Оренбургский государственный педагогический университет, burganovain@yandex.ru

В статье проанализированы проблемы межкультурной коммуникации в условиях реализации политики мультикультурализма. В условиях возрастания глобальных вызовов и угроз рассматривается реализация политики мультикультурализма в Европейском союзе и Российской Федерации. В статье проведен сравнительный анализ возможных сценариев будущего реализации политики мультикультурализма в условиях роста глобальных рисков (на основании моделей Чандрана Кукатаса).

Ключевые слова: политика мультикультурализма, кризис мультикультурализма, проблемы мультикультурализма.

Problems of Intercultural Communication in the Conditions of Implementation of Multiculturalism Policy

I. N. Burganova

Inna N. Burganova, <https://orcid.org/0000-0003-3634-1141>, Orenburg State Pedagogical University, 19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russia, burganovain@yandex.ru

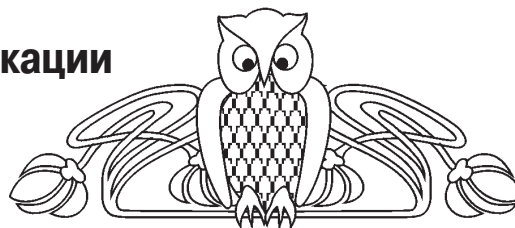
The article analyzes the problems of intercultural communication in the implementation of multiculturalism policy. In the context of increasing global challenges and threats, the implementation of the policy of multiculturalism in the European Union and the Russian Federation is considered. In the article the comparative analysis of possible scenarios for the future implementation of the policy of multiculturalism in the face of rising global risks (on the basis of models of Chandrana Kukathas).

Keywords: multiculturalism policy, crisis of multiculturalism, problems of multiculturalism.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-461-467>

Процессы межкультурной коммуникации становятся неотъемлемым элементом современных общественных отношений. Процессы глобализации сопровождаются транспарентностью государственных границ, что, в свою очередь, способствует росту контактов между представителями разных этносов, проживающих на территории одного государства. Причем состояние культурной дифференциации происходит за счет мигрантов, которые стремятся к проживанию в более развитых экономически странах.

В то же время данный сегмент культурного взаимодействия «страдает» ростом противоречий между местными гражданами и пришлым населением. Это говорит о необходимости при-

нятия соответствующих мер для гармонизации взаимодействия во всех сферах жизнедеятельности.

Обстоятельством, которое выступает триггером в увеличении культурных противоречий, служит «инаковость» мигрантов, воспринимаемая местным населением как чужеродный элемент.

Проблему межкультурной коммуникации можно рассматривать через призму следующих проблемных зон:

- 1) местное национальное население не устраивает политика собственной политической элиты, которая готова принимать пришлое население, поскольку оно представляет собой дешевую рабочую силу;
- 2) проблема делегитимации политической власти из-за наплыва беженцев;
- 3) проблема аномии и культурного лага;
- 4) проблема аккультурации;
- 5) дисгармонизация межнациональных отношений.

Первая проблема находится в плоскости культурной и политической дихотомии и хорошо видна на пространстве ЕС. Европейские граждане, испытав шок от наплыва беженцев, не настроены видеть нелегалов в своих городах. Бесчинства мигрантов поражают своим масштабом – убийства, изнасилования, наличие гетто, преступления и проч. К перечисленным «ужасам» можно отнести толерантность политических властей к пришлому населению. Отказ от национальных блюд (немецкие сосиски), от собственных национальных праздников (Рождество) вызывает серьезную обеспокоенность европейских граждан. Однако политические лидеры и элиты высказывают более позитивную оценку миграции, пусть даже и нелегальной. Дело в том, что, как правило, мигранты являются молодыми людьми, которым не нужно платить пособие по безработице (как если бы это были непосредственно граждане европейского пространства), они не обращаются в больницы, устраиваются на низкооплачиваемую работу. К тому же в ЕС существует серьезная проблема депопуляции населения, которую можно решить с помощью мигрантов. В этой ситуации у властей есть выбор – либо идти на поводу беженцев и устраивать дополнительные места для их размещения (что грозит проблемой потери доверия к власти со стороны обычных граждан), либо идти по

линии жесткой позиции к миграции нелегалов. На пространстве ЕС первая ситуация видна в Германии, которая ежегодно принимает более миллиона человек пришлого населения. Вторая ситуация наблюдается в Италии и Греции. Это связано с тем, что страны, находящиеся на периферии европейского пространства, сталкиваются с дополнительным притоком беженцев. Тем более в рамках ЕС достаточно долго действовала «Дублинская конвенция» в рамках которой бремя ответственности лежит на той стране, которая первой приняла мигранта. Именно поэтому Германия выступила инициатором квотирования беженцев на всей территории ЕС.

Вторая проблемная зона связана с делегитимацией политической власти из-за наплыва беженцев. Те политические партии, которые делали ставку на прием беженцев, оказывались за бортом корабля победителей на парламентских выборах. Выборы во многих европейских государствах проходили под лейтмотивом миграции в страны ЕС. Брекзит Великобритании во многом произошел от усталости граждан этой страны от нелегалов. Набеги мигрантов из французского Кале приняли воистину гигантский масштаб. Партии большинства стран Европы высказывали разные программные установки в отказе от приема беженцев. Достаточно вспомнить «Национальный фронт» во Франции, партию «Альтернатива для Германии» в ФРГ и проч. При этом данные институциональные структуры получили места в парламентах, что говорит об их популярности среди граждан европейского пространства.

Политические партии, выступающие резкими противниками приема иммигрантов, получили голоса в парламентах во многих европейских странах¹. Среди самых известных – немецкая «Альтернатива для Германии» и французская партия «Национальный фронт». Поскольку проблема радикализации пришлого населения актуальна и для Российской Федерации, то «национальный вопрос» поднимался на парламентских выборах в аналогичном русле. В 2011 г. партия ЛДПР на выборах в Государственную Думу выступила с лозунгом «Россия для русских», что вызвало отклик у 8% электората. Активизацию деятельности правых партий можно трактовать с точки зрения того, что, с одной стороны, такая позиция является сигналом собственному населению. То есть в условиях электоральных собитий позволяет набрать дополнительные очки на выборах, поскольку граждане испытывают откровенную фобию к иммигрантам за счет их девиантного поведения, переходящую черту правовых рамок. С другой стороны, нежелание принятия нелегалов выступает неким знаком непоследовательности в проведении мультикультурной политики, важным элементом которой выступает толерантное отношение к носителям иных культурных ценностей. Такая оценка со

стороны политического истеблишмента способствует радикализации иммигрантов. Своеобразным ответом на такие деструктивные действия является популярность ультраправых партий и возрастание протестных настроений в обществе.

Третья проблема заключается в анонии и культурном лаге. Глобализация международного сообщества вызывает ситуацию некоего нивелирования обычных ценностей, которые теряют привлекательность для молодых граждан². Национальная идентичность приобретает все более размытые очертания. Молодежь не знает, чего она хочет. Пример этого можно увидеть на фигуре В. Карауловой: девушка с первоклассными интеллектуальными данными выбрала путь в радикальную организацию ИГ, что явно говорит о пробелах в государственной молодежной политике по линии патриотического воспитания, духовного самосовершенствования и проч.

Совершение терактов, групповые изнасилования, преступления, выражение экстремистских взглядов иммигрантами и натурализованными гражданами из восточных стран заставляют европейцев идти по пути принятия более ригидных мер по интеграции таких лиц в европейское пространство. Например, Франция пошла на принятие закона о запрете ношения паранджи и хиджаба в общественных местах. За появление женщины в бурке или хиджабе в общественном месте полагается штраф в 150 евро. Мужчине, который будет принуждать свою жену носить такую одежду, придется заплатить 15 тыс. евро или провести год в тюрьме. В поддержку закона высказались больше 80% французов³. Однако «Amnesty International» заявила, что это решение противоречит европейской конвенции по правам человека. Принятие данного закона демонстрирует, что политический истеблишмент готов отстаивать светские ценности французского общества. Реакция мусульман на принятие такого закона была резко негативной, что говорит о конфликтном потенциале данного решения. В частности, в Париже в апреле 2011 г. были проведены несанкционированные митинги мусульманской молодежи. Аналогичные законы уже действуют в Испании, Нидерландах, Бельгии, Швейцарии, Великобритании и др. Принятие дискриминационных мер вызывает ответную реакцию со стороны не только лиц, исповедующие экстремистские взгляды, но даже обычных мусульман, поскольку нормативные акты европейских стран направлены именно на носителей исламской конфессии. Как итог можно ожидать, что в Европе произойдет возрастание экстремистских настроений⁴.

Четвертая проблема связана с аккультурацией пришлого населения в гражданские каноны европейского пространства. Мигранты не принимают европейские стандарты европейского эгалитаризма между мужчинами и женщинами, нетрадиционных брачных союзов, прав и сво-

бод и проч. В этой ситуации необходима четкая проработка плавной включенности мигрантов в европейское пространство с сохранением конфессиональных догматов. Американская модель «плавильного котла» вызывает меньше конфликтного потенциала за счет переправления культурных пластов различных этносов, национальностей и проч. Мультикультурная модель вызывает больше споров за счет поиска общих точек соприкосновения различных культур, что требует создания необходимой нормативной базы, образовательных программ и т. д.

Пятая проблема предполагает дисгармонизацию межнациональных отношений. Поскольку происходят процессы глобализации, то многие люди предпочитают переезжать в более благополучные страны. К тому же в последнее время события «арабской весны», сирийский конфликт стали спусковым крючком в миграции населения в различные точки земного шара. Нахождение на одной территории различных этносов, к сожалению, зачастую способствует противоречиям между ними. Межнациональное и межрелигиозное многообразие ведет к столкновению цивилизаций по линии межцивилизационных разломов.

В область функциональных задач современных государств в условиях глобализации международного сообщества входит регуляция межнациональных отношений на собственной территории, поскольку гармонизация взаимодействия между этносами не только отражается на уровне международной безопасности, но и влияет на национальную безопасность отдельной страны. Именно поэтому многие государственные участники применяют политику мультикультурализма, позволяющую найти необходимый компромисс за счет сохранения отличий между различными культурными этническими группами.

Парадигмальные подходы в оценке содержания политики мультикультурализма демонстрируют неоднозначность в использовании данного феномена. Если раньше ученые сосредоточивали свое внимание на дискурсе «жесткого» (У. Кимлика) и «мягкого» мультикультурализма (Ч. Кукатас), то в настоящий момент исследователей волнует вопрос реализации политики мультикультурализма и ее кризис⁵. Проблематика мультикультурализма все больше строится вокруг «национального вопроса»⁶. Х. Аббаси обращает внимание на проблемные зоны интеграции культурных меньшинств в рамках мультикультурной модели⁷. У. Кимлика видит большие сложности современных государств перед лицом иммиграционных потоков⁸. Российский исследователь В. А. Тишков проводит идею углубления культурных различий при реализации политики мультикультурализма, что ведет к активизации конфликтов⁹. А. А. Вилков рассматривает проблему мультикультурализма в контексте формирования политической идентичности государственных

акторов международного сообщества¹⁰.

Политический аспект реализации политики мультикультурализма в контексте функционирования современного государства рассматривается в трудах как отечественных, так и зарубежных авторов. В 1970-е гг. концептуальное видение мультикультурализма сосредоточивается вокруг вопроса дестабилизации государственного института в условиях исключения меньшинств из любых сфер жизнедеятельности общества («политика признания» Ч. Тейлора¹¹). В дальнейшем проблематика мультикультурализма была связана с переходом от теоретического видения к его применению на практике¹². На современном этапе мультикультурализм рассматривается в контексте глобальности и космополитизма (Ю. Хабермас).

Применение мультикультурализма связано с эффектом транспарентности государственных границ. В условиях увеличивающейся миграции потребовалось признание расового, культурного, этнического и конфессионального разнообразия состава населения¹³. С 60–70-х гг. XX в., прежде всего, европейские страны пошли по пути толерантного отношения ко всем носителям иных культурных кодов. Это может свидетельствовать:

- во-первых, о переориентации стран на признание мультикультурализма как государственной политики;
- во-вторых, об отказе от ассимиляции культурных групп, не идентичных тем, кто издавна проживает на данной территории;
- в-третьих, о внедрении демократических ценностей, основанных на толерантном отношении к населению с иным культурным кодом;
- в-четвертых, о необратимости глобальных процессов, которые проявляются в том числе и в миграционных потоках, что может привести к конфликтным противоречиям между гражданами и пришлым населением.

Однако за последнее время скептицизм в отношении мультикультурализма раздается все чаще. Используемые максимы данной политики предполагают внедрение культурного плюрализма, отсутствие барьеров, которые выступают препятствиями к социализации иных культурных групп, не вписанных в культурное пространство страны, и наличие помощи со стороны государства в воссоздании и развитии иных культур¹⁴. Использование данных идей на практике привело не к нейтрализации конфликтов, а к их возрастанию и проявлению деструктивных идеологий¹⁵. Консервация традиционных норм вступает в крайнее противоречие с универсализацией европейских ценностей, которой придерживаются многие страны, вставшие и/или пытающиеся встать на путь демократического транзита.

В этих обстоятельствах государства оказываются перед сложным выбором – либо идти по пути включенности в культурное пространство всех этнических групп, нивелируя традицион-

ные ценности для повышения уровня собственной национальной безопасности, либо выстраивая мультикультурную политику с толерантным отношением ко всем носителям иных культур и конфессий без упора на интересы собственных граждан страны. Именно во втором случае мультикультуризм ориентируется на искуственное сохранение традиционных отношений, что способствует активизации деструктивных идеологий.

Реализация мультикультуризма предполагает введение модели общества с эгалитарным отношением ко всем культурным группам и конфессиям с упором на равенство возможностей для всех как автохтонных граждан, так и иммигрантов¹⁶. В реальности равенство этих двух групп невозможно. Отсутствие знания языка, образования, профессии закрывает «лифты» для продвижения беженцев по социальной лестнице. Строительство лагерей для мигрантов и наличие гетто ведет к их радикализации. Иллюзорные мечты иммигрантов о богатстве и роскоши оказались сказкой¹⁷. Желание получить все и сразу способствует недовольству беженцев. Высокие пособия, на которые живут пришлые граждане, выступают дополнительным фактором иждивенческого поведения, когда иммигранты не только отказываются работать, но и совершают преступления, хулиганские выходки. Кроме того, скопление таких групп людей в рамках гетто или специальных лагерях способствует мультипликационному эффекту радикальных выступлений. В социально-экономической сфере общества невозможно создать равные условия для всех групп населения. В особенно сложном положении находятся иммигранты. С одной стороны, политический истеблишмент в условиях депопуляции населения нуждается в дополнительных рабочих руках, восполнении людских ресурсов. С другой – пришлое население без освоения языка, профессиональных навыков может получить рабочее место только в низкооплачиваемой сфере либо работая нелегально. Криминализация источников доходов беженцев превращается в очередную головную боль для государства. Таким образом, во многом политика мультикультуризма оказывается все более утопичной.

Кроме того, сам по себе мультикультуризм закладывает большое количество подводных камней и противоречий, которые способствуют радикализации как автохтонных граждан (представляющие конфессии меньшинства населения), так и иммигрантов. Например, для Российской Федерации политика мультикультуризма является базовой основой для гармоничного взаимодействия всех этнических групп. В ст. 29 Конституции РФ говорится о недопущении пропаганды или агитации, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, подчеркивается запрет на пропаганду «социального, расового, националь-

ного, религиозного или языкового превосходства»¹⁸. В РФ была создана необходимая нормативная база по выстраиванию мультикультурной политики (ФЗ «О национально-культурной автономии»), учреждены национально-культурные автономии федерального уровня, появилась Ассамблея народов России. Важным аспектом дихотомии мультикультурной политики в России является противоречие между эгалитаризмом по отношению ко всем этническим группам и приоритетным значением русской культуры. Речь идет о том, что мультикультуризм не должен делать акцент на какой-то одной культуре. Но в условиях российского общества это достаточно сложно в силу того, что 75% населения составляют русские.

В настоящий момент на фоне возрастающей миграции растет напряженность между гражданами и пришлым населением. Проявление ксенофобии можно увидеть в тех городах, куда прибывают как гастарбайтеры, так и иностранцы, едущие за получением образования в Россию. Самая сложная ситуация наблюдается в российских мегаполисах. Нельзя также забывать и о кавказских республиках. Нагнетание обстановки связано с совершением терактов лицами, исповедующими идеи исламского фундаментализма, распространением радикальных идей через Internet.

Таким образом, проблемное поле политики мультикультуризма в Европейском союзе и в Российской Федерации стоит под разным углом. Страны ЕС выбрали путь стирания последних границ идентичности, что выразилось в принятии курса, направленного практически на абсолютную толерантность, исключая возможность самоидентификации для европейских граждан. В условиях ослабления и/или потери собственной идентичности граждане ЕС испытывают двойной прессинг. С одной стороны, есть давление институтов политической власти, требующих от автохтонных граждан положительного отношения к иным культурным кодам (что подразумевает отсутствие ксенофобии и других не дружественных проявлений к иммигрантам), с другой – большое количество беженцев (представляющих мусульманскую конфессию) сохраняют и консервируют собственные религиозные ценности. Закрытость культуры иммигрантов на фоне размывания национальной идентичности коренных жителей Европы негативно сказывается на взаимодействии автохтонных граждан и иммигрантов. Что касается Российской Федерации, то здесь к проблемным аспектам политики мультикультуризма относятся:

1) сложность с выстраиванием эгалитаризма в отношении всех культурных групп на российском пространстве из-за большого влияния русской культуры;

2) трансформация национальной идентичности в связи с распадом Советского Союза. Дело в

том, что до 1991 г. население воспринимало себя как граждан единого Советского государства, а в дальнейшем оно начало идентифицировать свою национальность через новые независимые государства постсоветского пространства.

Все чаще возникает закономерный вопрос о функциональном назначении мультикультурализма¹⁹ – насколько он может обеспечить подлинное единение и солидарность населения. Именно культурный код является главным препятствием на пути к консолидации общества. Но поскольку у европейских граждан он свой, а у мигрантов другой, найти общие точки соприкосновения сложно. Защита европейских ценностей, ориентированных на светское образование, воспитание в духе демократических прав и свобод, противоречит традиционным канонам исламской идентичности.

Механизм дальнейшего развития мультикультурализма сложно предугадать в силу слабой директивности прогнозов, касающихся общества. Однако можно предложить следующие сценарии будущего реализации политики мультикультурализма в условиях возрастания глобальных вызовов и угроз (на основании моделей Чандрана Кукатаса)²⁰:

- 1) изоляционизм;
- 2) ассимиляторство;
- 3) «мягкий» мультикультурализм;
- 4) «жесткий» мультикультурализм;
- 5) апартеид.

Сценарий изоляционизма завязан на идее национальной безопасности. Попытка повсеместного ограничения культурного многообразия через недопущение иммигрантов на территорию страны в условиях глобализации заранее обречена на провал. Взаимодействие государств между собой на уровне политических контактов, экономического сотрудничества и культурного обмена провоцирует миграционные потоки. Окончание холодной войны, проблемы политической модернизации, процессы демократического транзита ведут к повышению гуманизации общества в любой точке мира. Стремление жить в условиях более высокого экономического уровня, комфортабельной среды заставляет миллионы мигрантов переезжать в другие страны. Поэтому фрагментация культурного пространства возрастает, как и конфликты на этнической и конфессиональной почве. Это заставляет страны принимать законы, в той или иной мере дискриминирующие пришлое население. Реакция иммигрантов на эти меры связана с их дальнейшей радикализацией и выражением деструктивных идей. Даже в условиях риска терроризма и экстремизма страны не готовы идти по пути изоляционизма. Функционирование любого государства зависит от других стран. Сценарий изоляционизма невозможен, так как транспарентность государственных границ, процессы глобализации международного сообщества и космополитизм сегодня не остановить.

Сценарий ассимиляторства связан с идеей включенности иммигрантов в культурное пространство страны с нивелированием собственных традиций, ценностей и обычаев. Именно курс на уподобление всех граждан приведет к еще большим проявлениям деструктивной идеологии. Ригидная установка государства на принятие иммигрантами европейских и/или светских ценностей провоцирует их на совершение террористических атак. Поэтому реализация данного сценария невозможна из-за процессов демократизации, идей правового государства и гражданского общества, которые противоречат политике ассимиляции.

Сценарий «мягкого» мультикультурализма. «Мягкий» мультикультурализм стремится к одновременному сосуществованию различных этнических групп в условиях соблюдения гражданских прав как культурного большинства, так и иммигрантов. Четкий крен в сторону выстраивания демократического и правового государства «заставляет» беженцев считаться с теми условиями, в которых они находятся. Только лояльное отношение пришлого населения к ценностям большинства позволит им избежать больших проблем в дальнейшей социализации. Несмотря на то, что данный сценарий, по мнению У. Кимлика, способствует «благожелательному равнодушию» и не решает сложнейших вопросов в условиях культурного многообразия, данный прогноз кажется наиболее благоприятным, поскольку позволяет найти необходимый компромисс всем культурным группам в условиях многонационального государства. Благожелательное отношение автохтонных граждан к представителям иных конфессиональных представлений на фоне лояльных настроений иммигрантов к ценностям большинства будет способствовать гармонизации культурного взаимодействия.

Сценарий «жесткого» мультикультурализма. «Жесткий» мультикультурализм подразумевает ригидную систему поддержки этнических, конфессиональных меньшинств для сохранения самобытности их традиций и обычаев. Принятие законов, направленных на недопущение любых форм дискриминации по национальному или расовому признакам, превращается в догму для культурного большинства населения. К сожалению, такая политика ведет к дискриминации собственного населения. Брекзит в Великобритании показал недовольство населения к открытой иммиграции беженцев из других стран европейского пространства. Жители Великобритании сказали жесткое «нет» политике Брюсселя и на референдуме приняли решение выйти из состава ЕС.

Сценарий апартеида невозможен в силу ликвидации колониальной системы и выстраивания демократических институтов, правового государства и проч.

Таким образом, для нивелирования рисков терроризма и экстремизма в условиях реализа-

ции политики мультикультурализма необходимо сосредоточиться на гармонизации отношений всех этнических групп. При этом к иммигрантам должны быть применимы требования, основанные на лояльном отношении к автохтонным гражданам и их ценностям, традициям и обычаям. Важно задействовать рычаги политического, экономического и правового механизма по регулированию межкультурного взаимодействия. Ужесточение контроля над лицами, представляющими радикальные взгляды пришлого населения, должно стать ключевым вектором в политике государственных участников международного сообщества. При этом готовность к компромиссу и толерантное отношение между людьми являются главными максимумами человека, общества и государства.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Принятие законодательных решений в духе мультикультурной парадигмы способствует созданию вакуума идентичности собственных граждан в условиях выстраивания эгалитаризма ко всем этническим группам и конфессиям. Неготовность иммигрантов к лояльному восприятию культурных ценностей большинства ведет к появлению деструктивных идеологий в лице терроризма и экстремизма.

2. «Болевыми точками» реализации мультикультурализма являются возрастание ксенофобии автохтонных граждан по отношению к иммигрантам, рост экстремистских настроений, активизация террористической деятельности, увеличивающаяся напряженность между разными этносами, фрагментация культурного пространства.

3. Практика применения мультикультурализма на территории Европейского союза и в Российской Федерации доказывает, что данные участники международного сообщества осознают необходимость его использования в условиях миграционных потоков. Но излишняя толерантная позиция к беженцам способствует их радикализации. Страны ЕС и РФ обеспокоены вопросом включенности пришлого населения в общую гражданскую идентичность. В условиях возрастания глобальных вызовов и угроз необходимы новые подходы к регулированию взаимодействия между этносами в территориальных рамках одного государства.

4. Суммарно ситуация в странах, использующих мультикультурный механизм, остается сложной. Рост нелегальной миграции вызывает негативные настроения как со стороны обычных граждан, так и со стороны непосредственно самих иммигрантов. Недовольство беженцев связано с неустроенностью их быта, сложностью с поиском работы, запретом на ношение предметов мусульманской атрибутики, маргинальным статусом и проч.

5. Компаративистский анализ реализации политики мультикультурализма в ЕС и РФ по-

зволяет сделать вывод о разности проблемных зон. Если в ЕС происходит размывание национальной идентичности и возрастание культурных конфликтов, то в Российской Федерации сложности мультикультурной политики сосредоточены вокруг вопроса отсутствия равенства русской и иных культур, а также трансформации национальной идентичности в условиях перехода от советского периода к формированию новых независимых государств.

6. Дальнейшая перспективность реализации мультикультурной политики стоит под вопросом. Однако в условиях возрастания процессов миграции международного сообщества ее полная ликвидация невозможна. Государства должны пойти по пути плавной интеграции иммигрантов с сохранением традиционализма исламской конфессии. Выстраивание гражданской идентичности с опорой на универсальные ценности человечества необходимо поставить во главу угла. Поэтому сценарий «мягкого» мультикультурализма является наиболее вероятным. Таким образом, перед современными государствами встает необходимость проведения правильной и грамотной политики в отношении автохтонных граждан для расстановки четких ориентиров собственной идентичности. Наличие фрагментации культурного пространства должно сопровождаться устранением дискриминации в отношении иных этнических групп и конфессий. Важно для стабильности государства сохранить культурные, конфессиональные и этнические различия при условии лояльного отношения иммигрантов к базовым ценностям страны, куда они прибывают. Самоидентификация и стирание границ должны стать параллельными процессами.

Примечания

- 1 См.: *Погорельская С.* Альтернатива для миграции : как Германия преодолела политический кризис. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/> (дата обращения: 04.06.2019).
- 2 См.: *Одинцов А. В.* Кризис мультикультурализма и вызовы деструктивных идеологий в информационном обществе // *Вестн. АГУ. Сер. 1. Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология.* 2014. Вып. 4 (148). С. 122–126.
- 3 См.: Франция запретила хиджаб и паранджу. URL: <http://news.bcm.ru/society> (дата обращения: 10.06.2019).
- 4 См.: Конституция Российской Федерации. URL: <http://az-libr.ru/index.shtml?Law&Constn/KRF93/krf029/> (дата обращения: 22.06.2019).
- 5 См.: *Харитонов И. Н.* Кризис политики мультикультурализма и ксенофобия в странах Европы // *Социологический альманах 2012. № 3.* С. 186–195.
- 6 См.: *Бабич И. Л., Родионова О. В.* Теория и практика мультикультурализма / *Исследования по прикладной и неотложной этнологии.* М. : ИЭА РАН, 2009. Вып. 215. С. 49.

- ⁷ См.: *Abbasi Kh., Phillips A.* Multiculturalism without culture // Graduate journal of social science. 2008. Vol. 5, iss. 1. P. 98.
- ⁸ См.: *Kymlicka W., Banting K.* Immigration, Multiculturalism, and the Welfare State // Ethics and International Affairs. 2006. Vol. 20, iss. 3. P. 281–304. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.2006.00027.x>
- ⁹ См.: *Бабич И. Л., Родионова О. В.* Указ. соч.
- ¹⁰ См.: *Вилков А. А.* Полиэтничность и мультикультурализм как факторы политической идентичности в современном мире // История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. В. Гладышева. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2014. Вып. 9. С. 9–20.
- ¹¹ См.: *Taylor Ch.* Multiculturalisme : différence et démocratie. Paris, 2009 ; *Savidan P.* Le multiculturalisme. Paris, 2009.
- ¹² См.: *Kymlicka W.* La citoyenneté multiculturelle. Une théorie libérale du droit des minorités. Paris, 2001.
- ¹³ См.: *Glazer N.* We Are All Multiculturalists Now. Harvard Univ. Press, 1997.
- ¹⁴ См.: *Котельников В.* Мультикультурализм для Европы : вызов иммиграции. URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a263.htm> (дата обращения: 12.06.2019).
- ¹⁵ См.: *Miège B.* Les industries du contenu face à l'ordre informationnel. Paris, 2000.
- ¹⁶ См.: *Milton B.* Intercultural Communication : A Current Perspective. URL: http://www.mairstudents.info/intercultural_communication.pdf (дата обращения: 16.07.2019).
- ¹⁷ См.: *Бзегежев А.* Новые тренды миграционного кризиса ЕС. URL: https://tsargrad.tv/articles/novye-trendy-migracionnogo-krizisa-es_154532 (дата обращения: 27.06.2019).
- ¹⁸ Конституция Российской Федерации.
- ¹⁹ См.: *Wieviorka M.* La différence : Identités culturelles – enjeux, débats et politiques. Paris, 2005.
- ²⁰ См.: *Кукарас Ч.* Теоретические основы мультикультурализма. URL: <https://polit.ru/article/multiculturalism/> (дата обращения: 07.07.2019).

Образец для цитирования:

Бурганова И. Н. Проблемы межкультурной коммуникации в условиях реализации политики мультикультурализма // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 461–467. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-461-467>

Cite this article as:

Burganova I. N. Problems of Intercultural Communication in the Conditions of Implementation of Multiculturalism Policy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 461–467 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-461-467>

УДК 323.1(985)(470.1/2):574.4(211)

Онтологические основания индигенной политики: к пониманию природы «особых» интересов коренных народов Российского Севера

А. К. Магомедов, А. Е. Шапаров

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и культурологии, декан факультета культуры и искусства, Ульяновский государственный университет, armagomedov@gmail.com

Шапаров Александр Евгеньевич, доктор политических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, teledvina@rambler.ru

В данной статье представлен политический ракурс индигенной проблемы. В частности, авторы пытаются ответить на вопрос: в чем заключаются «особые» интересы коренных народов Российского Севера и какова их природа? Критическому рассмотрению подвергаются существующие подходы к исследованию данной проблемы: репрезентативно-политический и нормативно-правовой. Авторы доказывают, что ключевой аспект политического измерения индигенной проблемы заключается в отношениях, которые связаны с реализацией права коренных народов на пользование землей и иными природными ресурсами. Именно эти проблемы породили протестное движение «Голос тундры» с громким арктическим и международным резонансом.

Ключевые слова: индигенность, коренные народы Арктики, «особые» интересы, «Голос тундры».

Ontological Foundations of Indigenous Policy: Understanding of Nature of the “Special” Interests of Indigenous Peoples of Russian Far North

A. K. Magomedov, A. E. Shaparov

Arbakh K. Magomedov, <https://orcid.org/0000-0003-1303-1511>, Ulyanovsk State University, 42 Leo Tolstoy St., Ulyanovsk 432017, Russia, armagomedov@gmail.com

Alexander E. Shaparov, <https://orcid.org/0000-0002-0915-4730>, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, 17 Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk 163002, Russia, teledvina@rambler.ru

This paper represents the political aspect of indigenous issue. The authors are trying to answer the question: what are the “special” interests of indigenous peoples and what is their nature? Existing approaches to the study of this problem (i.e. representative political and regulatory) are subjected to a critical review. The authors argue that a key aspect of the political dimension of the indigenous problem lies in the relations that are associated with the rights of indigenous peoples to use land and other natural resources. It was these problems that gave rise to the protest movement “The Voice of tundra” with a loud arctic and international resonance.

Keywords: indigenesness, aborigines of Arctic, “special” interests, “The Voice of tundra”.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-468-472>

Пояснение. Данную статью полезно начать с определения и уточнения ключевого понятия нашей работы – «индигенность». В социальной антропологии термин «indigenous people» – «коренные народы» применяется для обозначения недоминантных групп населения, связанных с определенной территорией и обладающих более или менее признанными качествами аборигенности¹. В русском языке и в отечественных социальных науках этот термин в последнее время начал использоваться все чаще как эквивалент понятий «коренной народ» и «коренные». Ракурсами интерпретации данного понятия являются такие схожие определения, как «аборигенность», «автохтонность». Особое значение дискурса «индигенности» заключается в том, что он поддерживает и легитимизирует требование специфических прав для коренных народов по принципу «первые по времени – первые по праву». Политической модификацией этого принципа является тезис «возвращение исторических прав»².

В пояснении нуждается и другое важное понятие нашей работы – «онтологические». Под ним мы понимаем фундаментальные основы существования и развития любого народа.

Постановка проблемы и вопросы исследования

События в ямальской тундре 2013–2016 гг. и 2018 г. стали небывалым явлением в жизни коренных народов Российского Севера. Они были связаны с выходом на политическую арену ЯНАО массового протестного сообщества «Голос тундры», организованного по сетевому принципу. Главной особенностью этой группы стало то, что протестная мобилизация членов группы осуществляется через социальные сети («ВКонтакте»). Другой особенностью является то, что лидером движения стал молодой оленевод-частник из тундры Ейко Сэротэтто. Чего требовали лидеры и активисты «Голоса тундры»? Они подчеркивали разрушительные последствия проводимой в Арктике политики в отношении коренных сообществ со стороны работающих на Севере нефтегазовых корпораций. Ейко Сэротэтто разместил в своем паблике обращение на имя Президента России о необходимости сохранения поголовья оленей, жалобу на ущемление прав аборигенов и обвинения в адрес чиновников профильного департамента в том, что они не знают настоящей жизни тундровиков. Далее

была размещена петиция «Сохранить дом ненцев», направленная против нефтегазодобычи. В ней говорилось, что сокращение числа оленей выгодно газодобывающей отрасли («кочевники и их олени являются последним препятствием для крупных нефтегазовых компаний»). Проект «Голос тундры» показал, что коренные сообщества представляют собой силу, что они способны выдвинуть политический протест и социальные требования. Способом передачи индигенного голоса и местных аборигенных тревог стали новые медиа, такие как социальные сети «ВКонтакте». Создание с их помощью коммуникативной сети превратило «Голос тундры» в громкое публичное движение регионального уровня с общероссийским и международным резонансом³. Данные события и процессы свидетельствуют о том, что индигенная проблематика, долгое время оставшаяся на периферии отечественной политической науки, нуждается в серьезных и новаторских исследованиях.

Аналитическую часть нашей статьи мы начнем с попытки ответить на вопрос: если специалистами признается, что в отношении коренных народов требуется особый подход и что аборигенные интересы необходимо учитывать, то в чем заключаются эти интересы и какова их природа? Где запрятан «нерв» индигенной политики?

Критика основных подходов к изучению проблемы

Специфические (особые) права коренных народов получили освещение с двух позиций: политической и юридической. Что касается первого подхода, то следует сразу признать, что в российской политической науке исследование индигенности находится в зачаточном состоянии. Данная ситуация обозначает значительный пробел в отечественной политологии, причины которого еще предстоит выяснить. Существующие же работы рассматривают значимость индигенной проблемы (в виде реализации «особых» прав) через призму политического представительства коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в региональных парламентах. Политическое представительство КМНС рассматривается в контексте эволюции российской избирательной системы. В качестве критерия принято рассматривать гарантии представительства (квотная и иная форма) коренных народов в законодательных органах и в институтах местного самоуправления областей и округов.

Данный принцип был положен в основу исследования российского ученого Петра Панова, чья работа открывает весьма короткий список работ российских политологов по индигенной проблематике. Анализируя постсоветскую эволюцию политического представительства аборигенов в региональных парламентах, П. В. Панов

делает вывод, что курс на унификацию политической жизни и институтов первого десятилетия XXI в. вступил в конфликт с идеей «особых прав» коренных народов. В конечном счете данный курс стал политическим вызовом со стороны центральной власти идентичности коренных народов Севера⁴. Думается, данный вывод звучит слишком облегченно, поскольку отображает лишь одну сторону жизни КМНС. Во-первых, квотная форма представительства в региональных парламентах автономных округов и органах местного самоуправления, прописанная в ст. 13 Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», сегодня исключена из этого Закона (хотя в некоторых случаях продолжает работать). Во-вторых, независимо от применения избирательного законодательства (от этнических квот 1990-х гг. до одномандатных, пропорциональных и смешанных систем) количество депутатов из числа КМНС, например, в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) не изменилось. Их как было четыре человека во времена действия этнических квот, так и осталось сегодня при смешанной системе (просто сегодня они рекрутируются через систему политических партий). Более того, как прежде, так и в настоящее время, спикером регионального парламента в том же ЯНАО является представитель доминирующего в округе коренного народа – ненцев. До 2018 г. им был Сергей Харючи, сегодня им стал Сергей Ямкин. И, наконец, общероссийские отечественные выборы последнего десятилетия превратились в систему квот для членов российской «партии власти» – «Единой России».

Другое направление индигенных исследований, как было отмечено, сложилось в правоведении. Юридический аспект аборигенной проблемы анализируется куда более активно, став отдельным и перспективным направлением исследований. Он рассматривает наличие «особых прав» не только через институт политического представительства, но также с помощью специфического российского законодательства о коренных малочисленных народах Севера, которое существует около 30 лет. В основных своих чертах данное правовое направление сформировалось с 1993 по 2001 г. на базе новой Конституции РФ, в которой государство приняло на себя обязательства гарантировать права КМНС в соответствии с нормами международного права и международными договорами России (ст. 69 Конституции РФ). Это был расцвет индигенного правотворчества, когда российские власти приняли три ключевых закона. В качестве основного документа в этом ряду следует указать Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»⁵, который не только закрепил правовые основы статуса корен-

ных народов, но стимулировал создание новых специальных федеральных законов такого рода. К другим наиболее значимым правовым решениям можно отнести федеральные законы «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»⁶, принятый в 2000 г., и «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»⁷, принятый в 2001 г. Если говорить коротко, то многочисленные «аборигенные» законы принимались на федеральном и региональном уровнях – в субъектах Федерации. Эти законы собраны и систематизированы в изданиях, подготовленных известным специалистом по индигенному законодательству Владимиром Кряжковым⁸. Таким образом, по умолчанию считается, что наличие подобного законодательства на федеральном и региональном уровнях означает официальное признание со стороны государства особого правового статуса коренных народов. К сожалению, юристы склонны некритически следовать за нормативной стороной индигенной проблемы, абсолютизируя значение правовой базы как некоей гарантии для реализации особых прав и достижения реального равенства коренных народов. В частности, они заявляют о том, что официальное признание особого правового статуса коренных народов есть предпосылка особого пути развития аборигенных сообществ и их адаптации к современным условиям⁹.

Здесь возникает вопрос: действительно ли оба фактора – политическое представительство коренных народов в местных парламентах и принятие особых «индигенных» законов – способны обеспечить реализацию «специфических» прав аборигенного сообщества Российского Севера? Особенно если учесть, что современное состояние законодательства о северных народах, по словам признанного корифея в сфере индигенного права В. А. Кряжкова, «характеризуется правовой стагнацией и откатом от прежних позиций»¹⁰.

Борьба за землю как «нерв» индигенной политики: к пониманию подлинных интересов коренных народов Севера

Сегодня становится очевидным, что ключевой аспект политического измерения индигенной проблемы заключается вовсе не в наличии системы аборигенного права и не в политическом представительстве автохтонных народов в законодательных органах субъектов Федерации. Он заключается в ресурсных проблемах и в отношениях, которые связаны с правом коренных народов на пользование землей и иными природными ресурсами. Тем более что именно в отношении этих прав и наблюдается вышеуказан-

ный откат от прежних позиций. Как отмечает тот же В. А. Кряжков, право на пользование землей за аборигенами признается, но не наполняется конкретным юридическим содержанием. Более того, аборигены лишились права на безвозмездное владение землей, на получение земельных участков на условиях наследуемого пожизненного владения, на временное пользование сроком до 25 лет для занятия северным оленеводством, на приоритетное природопользование, на различные компенсации. Новые положения современного земельного законодательства, в частности, Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (пп. 1 ч. 1, 2 ст. 8) и Федерального закона от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (ч. 2 ст. 11) смотрятся особенно дискриминационно, если сравнить их с положениями «Земельного кодекса РСФСР» (утвержден Верховным Советом РСФСР 24 апреля 1991 г. № 1103-1).

Однако это еще не все. Частью данной политики можно признать игнорирование и замалчивание российской стороной положений Декларации ООН 2007 г. о правах коренных народов. Хотя Декларация не обладает юридически обязательным характером, она имеет значительную моральную и политическую силу, поскольку предусматривает защиту широкого круга прав аборигенов, среди которых особо следует подчеркнуть право на землю и природные ресурсы и право на самоопределение¹¹. Декларация говорит о праве коренных народов на признание их особой и непосредственной связи со своими территориями и землями. Статьи 26–28 данного документа можно назвать основными положениями, закрепляющими беспрецедентные права аборигенов на ресурсы¹². Российская Федерация высказала свое несогласие с рядом положений Декларации (в первую очередь – по вопросам земли и ресурсов), заявив, что они не отвечают интересам России. Эта позиция российской стороны была изложена министром иностранных дел РФ С. Лавровым в письме к бывшему президенту российской Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (АКМНССиДВ) С. Харючи от 5 июня 2006 г. В письме говорится: «Проект Декларации противоречит законодательству Российской Федерации, в котором не предусмотрены права коренных народов на землю, недра, природные ресурсы, право на самоопределение в формах, предложенных международным сообществом»¹³. Несмотря на такое заявление, ст. 69 Конституции РФ, тем не менее, утверждает, что «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами

международного права и международными договорами Российской Федерации».

Правового решения не получили вопросы, связанные с этнической идентификацией людей, относящихся к коренным народам Арктики, а также групп, претендующих на включение в коренное сообщество. Об этом с тревогой говорил нынешний президент АКМНССиДВ Григорий Ледков президенту Владимиру Путину во время заседания Совета по межнациональным отношениям в Ханты-Мансийске 26 октября 2018 г.

Таким образом, ни политическое представительство, ни специальная законодательная база не обеспечивают «особые права» аборигенам в рамках национального государства, особенно в рамках осуществляемой государством протекционистской политики в отношении коренных народов. Как понимается обладание и реализация «особых прав» коренных народов самими аборигенами и государством? Как выясняется, фундамент этих интересов – земля. Государство хочет контролировать коренные сообщества и проводить в отношении них патерналистскую политику. Коренные народы в лице их лидеров хотят быть равноправными претендентами на землю и ресурсы. Бывший вице-президент российской АКМНССиДВ Родион Суляндзига так охарактеризовал отношения по линии «государство – аборигены»: «Разговоры о пенсиях, квотах, алкоголе сегодня важны. Но мы не инвалиды, и всякие речи о льготах и привилегиях выгодны власти и уводят от фундаментальных нерешаемых сегодня проблем. Нам нужно, чтобы государство понимало нас и нашу жизнь с природой, чтобы нам дали право выбора дальнейшего развития и соблюдали российское и международное право. Сегодня из федерального законодательства выхолощены все базовые права коренных народов (приоритетное право и доступ к биоресурсам, безвозмездное и бессрочное пользование землями и многое другое)»¹⁴. По мнению чукотского активиста, советника губернатора Чукотского АО Владимира Етылина, «решение земельных вопросов в интересах КМНС практически приостановлено. Мы хотим, чтобы коренные малочисленные народы стали полноправными участниками всех социально-политических и этнокультурных процессов в стране»¹⁵.

Обращенность к территориальности является одним из основных критериев аборигенности коренных народов. Локализм утверждается как способ защиты перед лицом стремительно нарастающих глобальных угроз в лице международных энергетических и транспортных проектов. Как пишет М. С. Куропятник, «по прогнозам специалистов, в ближайшем будущем борьба коренных народов за землю может стать самым крупным источником этнических конфликтов в мире»¹⁶. Для коренных народов принцип общности с территорией означает не только восприятие земли как ресурса, т. е. как экономического актива, он

подчеркивает связь с сохранением их культуры и традиционного социального устройства. Принцип общности с территорией и локальная самоидентификация порождают напряженность в отношениях по линии «государство – коренный народ», потому что в основе этой напряженности лежит земельный конфликт. В частности, о драматическом конфликте между компанией «Лукойл-Западная Сибирь» и оленеводами ханты из рода Айпиных в ХМАО по поводу оленьих пастбищ и священных мест аборигенов, отошедших компании по результатам аукциона, писали многие СМИ¹⁷. Локальность коренных народов определяется сильной территориальной идентичностью, исторической привязанностью к исконным землям. Потеря или угроза потери последних обостряет и актуализирует коренную идентичность настолько, что, как писали зарубежные исследователи, изучавшие схожие проблемы на примере Норвегии, Канады, Австралии, самоидентификация с территорией представляет собой «анафему логике современной политической экономии»¹⁸.

Таким образом, как показал наш анализ, а также наше исследование в ЯНАО в октябре 2018 г., проведенное в рамках научного проекта «Растущие голоса коренных народов Арктики», образ жизни и аборигенность твердо связаны с территориальным пространством: тундрой, родовыми пастбищами, маршрутами кочевий. Аборигенность не только связана с территориальной общностью, но, как подчеркивал американский исследователь Р. Пэйн, «территориальная общность становится для ее членов ресурсом для интерпретативного созидания»¹⁹. Современные процессы в российской аборигенной среде, связанные с выходом на ямальскую политическую арену протестной группы «Голос тундры», с потрясающей точностью доказали правоту данного вывода. «Нерв» индигенной политики заключен в праве коренных народов на пользование земель и другими природными ресурсами.

Примечания

- 1 См.: Куропятник М. С. От стигмы к самоутверждению: понятие «коренный народ» в современном дискурсе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5, № 1. С. 164–165.
- 2 См.: Colchester M. Sharing Power. Dams, Indigenous Peoples and Ethnic Minorities // Indigenous Affairs. Copenhagen, 1999. № 4. P. 3–16.
- 3 См.: Magomedov A. Oil Derricks or Reindeer? A Clash of Economics and Traditional Lifeway in Russia's Far North // The Russia File. 2019. 22 February. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/oil-derricks-or-reindeer-clash-economics-and-traditional-lifeway-russian-far-north> (дата обращения: 31.03.2019).
- 4 См.: Панов П. В. Институты и практики специального представительства коренных народов Севера в региональных парламентах // Власть. 2013. № 10. С. 54–58.

- 5 См.: О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : федер. закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- 6 См.: Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : федер. закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- 7 См.: О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : федер. закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- 8 См.: *Кряжков В. А.* Статус коренных малочисленных народов России. Международные правовые акты и российское законодательство. Книга четвертая. М., 2007.
- 9 См.: *Попков Ю. В.* Коренные народы Севера в условиях глобализации // Век глобализации. 2014. № 1. С. 111–123.
- 10 *Кряжков В. А.* Законодательство о коренных малочисленных народах Севера : современное состояние и пути совершенствования // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации / под общ. ред. В. А. Штырова. 2-е изд, перераб. и доп. М., 2013. С. 51.
- 11 См.: Декларация ООН о правах коренных народов // Московский журнал международного права. 2007. № 4. С. 310–324.
- 12 См.: *Гаритов Р. Ш.* Шестая сессия Постоянного Форума ООН по вопросам коренных народов // Казанский журнал международного права. 2007. № 1. С. 67–76.
- 13 *Гудыма А. П.* Субъектность коренных народов Севера России : основания развития // Коренные народы Ямала в современном мире : Сценарии и концепции развития : темат. сб. / под ред. Ю. П. Попкова. Новосибирск ; Салехард, 2007. С. 81.
- 14 *Тарасов А.* Народ только мешает : впервые об этом заявлено открыто // Новая газета. 2012. 16 нояб. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/11/15/52362> (дата обращения: 14.10.2018).
- 15 «Олени-тыюлени» и северные страсти. Итоги съезда в Салехарде устроили далеко не всех представителей коренных народов // Национальный акцент. 2013. 17 апр. URL: <https://nazaccent.ru/content/7523-oleni-tyuleni-i-severnye-strasti.html> (дата обращения: 12.01.2015).
- 16 *Куропятник М. С.* Указ. соч. С. 165.
- 17 См.: Ханты из рода Айпиных требуют от Лукойла прекратить осквернение святых мест и не губить природу. Конфликт вышел в Интернет // Знак : интернет-газета. 2013. 21.02. URL: https://www.znak.com/2013-02-21/hanty_iz_roda_aypinyh_trebuyut_ot_lukoila_prekratit_oskvernenie_svyatyh_mest_i_ne_gubit_prorodu_konf (дата обращения: 20.05.2018).
- 18 *Dyck N.* Aboriginal Peoples and nation-States : an Introduction to the Analytical Issues // Aboriginal Peoples and Nation-States : «Forth World Politics in Canada, Australia and Norway» / ed. by N. Dyck. Newfoundland : Memorial University of Newfoundland, 1985. P. 9.
- 19 *Paine R.* The Claim of the Fourth World // Native Power / ed. by J. Brosted. Oslo, 1985. P. 53.

Образец для цитирования:

Магомедов А. К., Шапаров А. Е. Онтологические основания индигенной политики: к пониманию природы «особых» интересов коренных народов Российского Севера // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 468–472. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-468-472>

Cite this article as:

Magomedov A. K., Shaparov A. E. Ontological Foundations of Indigenous Policy: Understanding of Nature of the “Special” Interests of Indigenous Peoples of Russian Far North. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 468–472 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-468-472>

УДК 321.01

Проблематика Крыма в отечественном научном дискурсе 2014–2019 гг.

А. А. Вилков

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, vil57@yandex.ru

Автором представлен широкий историографический обзор основных направлений научных отечественных публикаций по крымской проблематике за последние пять лет. На основе анализа позиций исследователей по различным аспектам возвращения Крыма в состав России выявлена и оценена их политическая составляющая. В результате сделан вывод о том, что у большинства отечественных исследователей доминируют позиции, отражающие национальные интересы современной России.

Ключевые слова: проблематика Крыма, научный дискурс современной России, политическая составляющая исследований по Крыму.

The Issue of Crimea Within the Russian Scholarships in 2014–2019

A. A. Vilkov

Alexander A. Vilkov, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, vil57@yandex.ru

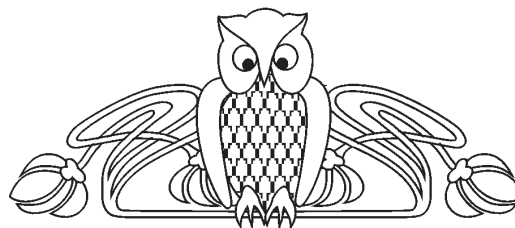
The author carries out a wide historiographic review of the main trends within domestic studies on the issue of Crimea for the last five years. Based on the analysis of various stances on different aspects of Russia and Crimea reunification, political nature of these views is revealed and assessed. The inference is made that the majority of scholars adhere to a position reflecting the national interests of modern Russia.

Keywords: issue of Crimea, scholarly discourse in contemporary Russia, political aspect of scholarships on Crimea.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-473-477>

Проблема возвращения Крыма в состав России имеет много граней, но особое место среди них занимает политическая составляющая. Обусловлено это тем, что политический фактор является определяющим в совокупности всех других обстоятельств решения крымской проблемы и пронизывает собой все другие аспекты сложившейся ситуации на полуострове в последние пять лет.

По запросу в поисковой системе научной электронной библиотеки elibrary.ru с ключевым словом «Крым» по тематическому направлению «политика, политические науки» за период с 1991 по 2014 г. система показывает 309 публикаций, тогда как с 2014 по 2019 г. таковых в поисковике становится уже 1347. Существенное повышение интереса российских и зарубежных исследова-

лей к крымской проблематике после 2014 г. вполне объяснимо, так как возвращение Крыма в состав России не только кардинально повлияло на ее взаимоотношение с Украиной, но и существенно изменило и осложнило место России в системе международных отношений. Политика санкций и контрсанкций соответственно серьезно повлияла на российскую внутривнутриполитическую и социально-экономическую ситуацию.

Знакомство с публикациями, в которых в той или иной степени рассматриваются политические аспекты возвращения Крыма в состав России, позволило выделить несколько ключевых направлений исследования крымской проблематики.

Одним из них является изучение исторических, культурных и правовых предпосылок возвращения Крыма в состав России¹. Академик РАН М. К. Горшков, оценивая выбор крымчан на референдуме, первое место обоснованно отвел именно историческим предпосылкам: «Крым – это история воинской славы России», а передача Крыма Украине осуществлялась «с очевидными нарушениями конституционных норм и являлось юридически неправомерным»². Поэтому вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации оценивается как возвращение исторической справедливости и поворотный рубеж во внутривнутриполитическом и внешнеполитическом развитии страны.

Важнейшее место среди других проблем, имеющих политическую значимость, исследователи отводят межэтническим отношениям в Крыму³. Значительная часть изучения этой проблемы основывается на проведении социологических опросов различных групп населения и нацелена не только на выявление конкретных характеристик данных отношений, но и на мониторинг возможных рисков возникновения конфликтов на этой почве для противодействия проявлениям экстремизма и терроризма в Российской Федерации. Например, результаты мониторинга Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем показывают «наличие позитивной динамики в достижении межнационального согласия и общегражданского российского единства, однако при этом обращают внимание на сохранение специфики региональной, этнической и конфессиональной идентичности и особенности политической культуры, сформировавшейся в предыдущие годы»⁴. Думается, в этой оценке сконцентрирована квинтэссенция сложившейся этнополитической ситуации в

Крыму, которая не утратила своей актуальности и по сегодняшний день.

Особое место в исследованиях занимают представления молодежи Крыма о межнациональных отношениях⁵. По результатам кластерного анализа исследователи выделили три основных группы опрошенных по признакам межнациональных и межрелигиозных установок: «оптимистично оценивающие состояние межнациональных и межрелигиозных отношений в Крыму и Севастополе» (37%); «игнорирующие ситуацию...» (34%); «обеспокоенные ситуацией...» (29%). Группа «оптимистично оценивающие...», по мнению исследователей, имеет «относительно высокую удовлетворенность нынешним состоянием межнациональных и межрелигиозных отношений в Крыму и Севастополе. В сравнении с представителями других кластеров, данные респонденты высоко оценивают текущую политику поддержания межнационального согласия, в большей степени считают, что многонациональность России является конкурентным преимуществом. Этническая принадлежность человека для представителей второго кластера не является значимой при оценке его качеств»⁶. Однако характеристики группы «игнорирующих» во многом не несут негативной коннотации, так как обусловлены, на наш взгляд, ключевой характеристикой, суть которой состоит в том, что ее представители не придают большого значения «своей этнической принадлежности и этническому происхождению окружающих»⁷. Поэтому отсутствие понимания необходимости борьбы с проявлениями и пропагандой национализма можно объяснить их более высокой толерантностью и отсутствием этнической мотивации в восприятии социально-политических отношений.

Правоведы акцент делают на анализе нормотворческого процесса в Крыму и приведении правовой системы Республики Крым в соответствие с российским законодательством⁸. Ключевое значение имеет анализ нормативной составляющей самой процедуры проведения референдума на фоне разворачивающихся событий на майдане и совершившегося неконституционного захвата власти радикальными оппозиционерами в Киеве в марте 2014 г. По мнению руководителя секретариата Аппарата Государственного совета Республики Крым И. В. Бондарчука, процесс государственно-правового конституирования Республики Крым осуществлялся легитимным органом власти, признаваемым всеми субъектами международного права. Соответственно, это легитимировало результаты «Крымской весны» на основе того, что «были соблюдены все необходимые демократические процедуры, признаваемые современным международным правом в качестве основополагающих правотворческих механизмов»⁹. Кроме того, по мнению автора, важнейшее значение имеет то, что «Конституция заложила прочный фундамент межнационального диалога в поликультурном

регионе... и основу для успешной интеграции правового поля Республики Крым в нормативное пространство Российской Федерации»¹⁰.

В рамках данного направления исследуется также институционализация органов государственной власти в Крыму¹¹. Анализ данных работ показал, что большинство их авторов – это правоведы, которые добросовестно фиксируют все произошедшие изменения в правовом оформлении различных органов государственной власти на полуострове за последние пять лет. Однако фактически они отождествляют процесс институционализации республиканских органов власти с принятием законов, регламентирующим их конституционно-правовой статус. Тем самым остаются в стороне реальные особенности их формирования и функционирования.

Внимание юристов привлекают также международно-правовые аспекты возвращения Крыма в состав России¹². Исследователи, анализируя различные международные документы, отмечают, прежде всего, тот факт, что «в международном праве не существует точности и единообразия применения соответствующих норм, поскольку в основополагающих принципах международного права есть некоторые противоречия, позволяющие разрешать ту или иную ситуацию с нужным для ряда государств результатом»¹³. По сути, противоречия между правом народов на самоопределение и принципом территориальной целостности государств дают возможность для проведения политики двойных стандартов со стороны США и их союзников в оценке различных конкретных ситуаций со спорными территориями в различных регионах мира (типичный пример – полярные оценки ситуации в Косово и ситуации в Крыму). Эта политика двойных стандартов позволила западноевропейским странам провести в марте 2014 г. через Генеральную ассамблею ООН резолюцию «О территориальной целостности Украины» и использовать ее для обоснования санкционной политики против Республики Крым и Российской Федерации в целом.

Важнейшим направлением исследований является изучение проблематики идентичности в Крыму¹⁴. Ее особая политическая значимость обусловлена тем, что структура идентичности и характер самоидентификации граждан представляют собой ключевую основу мотивации их восприятия ситуации, их отношения к проводимым политическим и социально-экономическим преобразованиям, к представителям различных этноконфессиональных групп, их поведения в быту и в политической жизни. Соответственно, в зависимости от приоритетов в структуре идентичности могут возникать и конфликтные ситуации в различных областях общественной жизни. Поэтому политико-правовое воздействие на многонациональное сообщество в регионе является одним из стратегических направлений государственной политики после возвращения

Крыма в состав Российской Федерации и предметом анализа отечественных исследователей¹⁵.

Еще одно направление связано с исследованием особенностей формирования проявления патриотизма в Крыму¹⁶. Нормативную основу республиканской политики в этой области составила «Концепция патриотического и духовно-нравственного воспитания населения в Республике Крым»¹⁷, утвержденная указом главы Республики в конце 2014 г. По данным исследователей, во исполнение данного указа были разработаны основные направления организационно-правового оформления государственной политики, определены основные мероприятия в этой области. Социологические исследования уровня патриотизма в ЮФО Российской Федерации позволили оценить его в рамках трехкомпонентной структуры: представления о патриотизме, патриотизм как ценность, патриотические установки.

По мнению А. В. Верещагиной, патриотизм Юга России (включая Республику Крым) присущи следующие характеристики и тенденции: «...доминирование патриотизма державного и этатистского типа, основой которого выступают военно-мобилизационные патриотические практики; развитие патриотизма публичного типа, когда за открыто демонстрируемыми патриотическими установками нет реального содержания в виде патриотических практик, направленных на улучшение жизни в стране и повышение благосостояния граждан; мифологизация и героизация патриотизма как следствие механизма его воспроизводства посредством актуализации исторической памяти и конструирования исторического сознания населения с опорой на героические события прошлого; доминирование формальных, санкционированных органами власти патриотических практик; дефицит гражданственности в структуре патриотизма, что подтверждается низким уровнем социальной ответственности и гражданской активности»¹⁸.

Думается, что такие оценки, с одной стороны, действительно отражают существенные проблемы с формированием гражданского патриотизма (не только на Юге, но и в современной России в целом). С другой стороны, они отражают сложность и многомерность самого понятия «патриотизм» и соответствующую неоднозначность попыток его замеров с помощью количественных показателей. Не очень корректной, например, представляется распространенная среди политологов и социологов методика ранжирования ценностей, когда респонденту предлагается оценить значимость для него патриотизма путем выбора между ценностями здоровья, семьи, любви, дружбы, материального благополучия и т. п. (очень напоминает непедагогичное: «ты кого больше любишь: папу, или маму?»).

Одно из важнейших направлений связано с исследованием крымско-татарской проблематики¹⁹. Обусловлено это тем, что данную карту в борьбе против России наиболее активно разы-

грывают украинские власти и их западноевропейские покровители. В рамках этого направления исследователи рассматривают, прежде всего, историческую судьбу крымско-татарского народа в последние десятилетия и констатируют, что «на протяжении более чем 20 лет украинское государство не приняло реальных мер для решения крымско-татарского вопроса: они не были признаны коренным народом, не был решен вопрос о компенсации конфискованной в 1944 г. собственности, не был определен государственный статус крымских татар»²⁰. Важное место отводится изучению турецко-крымско-татарского фактора²¹. По мнению А. А. Коробова и С. С. Сметанникова, несмотря на глубокие исторические связи Турецкой Республики с крымскими татарами и существенные ресурсы политического, социально-экономического, этнокультурного и религиозного воздействия на процессы в Республике Крым, степень этого влияния «зависит от трех составляющих: от собственных национальных интересов на текущий момент, от давления на Анкару Соединенных Штатов и Евросоюза, от уровня противодействия со стороны России. Каждая из этих составляющих – величина переменная, изменяющаяся с течением времени в ту или иную сторону»²². С учетом развития международных отношений последних лет и расширения сотрудничества России с Турцией, в том числе в области вооружений, можно согласиться с выводом авторов о том, что «Турция не заинтересована в эскалации этнополитической напряженности на Крымском полуострове»²³.

Еще одно направление исследований – это изучение НКО как инструмента национальной политики в Крыму²⁴. По мнению исследователей, «действующее российское законодательство предоставляет национально-культурным автономиям определенные возможности по обеспечению прав граждан на сохранение и развитие национальной культуры, на выбор языка воспитания и образования, сохранение национальной самобытности, а также наделяет органы исполнительной власти обязанностями содействовать в этой деятельности национально-культурным автономиям»²⁵. Не случайно, что в полиэтничном Крыму зарегистрировано большее количество НКО, чем в других республиках Российской Федерации.

В рамках одной статьи нет возможности рассмотреть все направления исследований различных аспектов крымской проблематики. Важнейшее место, например, среди них занимают такие направления, как: изучение политической функциональности феномена подъема патриотизма россиян в контексте присоединения Крыма; использование Крыма в информационной войне против России; освещение украинскими СМИ проблематики Крыма; эволюция общественного мнения о Крыме в современной России; восприятие различными социальными группами крымской проблематики; крымский фактор в геополитическом контексте и с точки зрения

национальной безопасности России; основные направления противодействия экстремизму в Крыму и многие другие аспекты.

В целом, можно констатировать, что несмотря на наличие конкретных предметов исследований для правоведов, философов, экономистов, социологов, историков, культурологов, педагогов и представителей других социальных и гуманитарных наук, все они (в большей или меньшей степени) рассматривают собственную проблематику через призму ее политической значимости в контексте возвращения Крыма в состав России.

Проведенный анализ научных публикаций показал, что у отечественных исследователей доминируют позиции, отражающие национальные интересы современной России. Либеральная негативная трактовка крымских событий, характерная для политиков, публицистов и общественных деятелей данного идеологического и идейно-мировоззренческого сегмента, в научных публикациях представлена слабо. Чаще всего она касается дискуссионных моментов в выяснении общественного мнения по данной проблематике и исследований социально-экономических потерь страны в результате введения санкций против российской экономики.

С учетом того, что значительная часть научного сообщества Российской Федерации представлена преподавательским корпусом отечественных вузов, можно предположить, что и воспитательный потенциал данных педагогов реализуется в русле формирования представлений о современных и будущих национальных интересах страны в политической культуре российского студенчества.

Примечания

- 1 См.: Гориков М. К. Воссоединение Крыма с Россией : социально-исторические, политические и социокультурные предпосылки // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 2 (22). С. 7–16. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.2.5853>; Цыкунов Г. А. Историко-правовые основы вхождения Крыма в состав Российской Федерации // Изв. ИГЭА. 2015. № 3. С. 550–555.
- 2 Гориков М. К. Указ. соч. С. 8, 9.
- 3 См.: Баранов А. В. Межэтнические отношения в современном Крыму глазами студенчества (на материалах анкетных опросов) // Человек и природа : материалы XXVIII Междунар. междисциплинарной конф. «Проблемы глобализирующегося мира» и III Междунар. междисциплинарной молод. школы «Человек и природа перед вызовами глобализации» / под ред. Н. О. Ковалевой, С. К. Костовска, А. С. Некрич, О. А. Салимгареевой. М. : МАКС Пресс, 2018. С. 10–13 ; Баранов А. В., Донцова М. В. Восприятие межэтнических отношений в Краснодарском крае и Республике Крым : сравнительный анализ (по итогам анкетных опросов) // Проблемы всеобщей истории и политологии : сб. науч. тр. Вып. 9. Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2017. С. 97–109 ; Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего пред-

- упреждения этнических и религиозных конфликтов / под ред. В. Ю. Зорина, Р. А. Старченко, В. В. Степанова. М. : ИЭА РАН, 2017 ; Коноплева А. А. Роль межкультурных конфликтов в развитии экстремизма и терроризма (на примере опыта Российской Федерации и Республики Крым) // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе : проблемы теории и практики : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 08 октября 2015. Краснодар : КФ КрУМВД России, 2015. С. 64–75 ; Милокова Т. В. Исследование межэтнической дружбы у представителей крымско-татарского и русского этносов в Крыму // Учен. зап. Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70), № 4. С. 84–91 ; Сеньюшкина Т. А., Степанов В. В., Старченко Р. А., Зоткин А. А., Рябых В. Н. Этнокультурная ситуация и языковая политика в Крыму // Государственная национальная политика России : экспертное мнение / ред. В. В. Степанов, А. В. Черных. М. : ИЭА РАН, 2018. С. 222–235.
- 4 Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / под общ. ред. В. А. Тишкова. М. ; Симферополь : Ариал, 2018. С. 5.
 - 5 См.: Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Синяков А. В. Студенческая молодежь Крыма и Севастополя о межнациональных и межрелигиозных отношениях на полуострове : результаты кластерного анализа // Изв. ТулГУ. Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 30–41.
 - 6 Там же. С. 34.
 - 7 Там же.
 - 8 См.: Емельянцева А. Э. Роль комитетов Государственного совета Республики Крым в законодательном процессе Республики Крым // Развитие государственности и права в Республике Крым : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. А. Буткевича. Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2016. С. 334–337 ; Кабышев В. Т., Заметина Т. В. Конституционализация правовой системы Крыма (Республики Крым и города Севастополя) // Гражданин. Выборы. Власть. 2017. № 1–2. С. 32–45.
 - 9 Бондарчук И. В. Нормотворческая политика Республики Крым в условиях смены конституционных циклов // Вестн. РУДН. Сер. Юридические науки. 2019. Т. 23, № 1. С. 92.
 - 10 Там же.
 - 11 См.: Комбарова Е. В. Особенности организации и функционирования органов государственной власти на территории Республики Крым // Вестн. СГЮА. 2015. № 6 (107). С. 81–85.
 - 12 См.: Власов А. А., Брега А. В. Крым и политика легитимности в международных отношениях // Вестн. МГИМО-Университета. 2018. № 1 (58). С. 26–41 ; Галиев Р. С. Принятие Республики Крым в состав Российской Федерации (международно-правовой аспект) // Развитие государственности и права в Республике Крым : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. А. Буткевича. Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2016. С. 33–36 ; Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю. Право народов на самоопределение, международное право и федерализм (анализ событий в Шотландии, Каталонии и Крыму) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 13–19.

- ¹³ Каламкарян Р. А., Галиев Р. С. Международно-правовая оценка принятия Республики Крым в состав Российской Федерации // Алтай. юрид. вестн. 2015. № 4 (12). С. 49.
- ¹⁴ См.: Баранов А. В. Баланс идентичностей в современном Крыму : выбор между конфликтогенностью и миростроительством // Политическое пространство и социальное время. 1917–2017 : смыслы и ценности прошедшего столетия : сб. науч. тр. XXXII Харакского форума 17–21 мая 2017 г., г. Ялта / под ред. Т. А. Сениошкиной, А. В. Баранова. Симферополь : Ариал, 2017. С. 20–25 ; Великая Н. М. Семья и формирование гражданской идентичности в Крыму // Семья в современном обществе. Сер. Демография. Социология. Экономика. Т. 4, № 1 / под ред. С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской. М. : Экон-информ, 2018. С. 82–90.
- ¹⁵ См.: Вдовиченко О. В., Масляков Д. С. Политические особенности формирования многонационального общества в Республике Крым // Современные проблемы взаимодействия российского государства и общества : сб. науч. тр. Саратов : Изд-во ПИУ им. П.А. Столыпина, 2016. С. 17–20 ; Масляков Д. С. Особенности политико-правового регулирования межнациональных отношений в Республике Крым // Вестн. Поволж. ин-та управления. 2018. Т. 18, № 6. С. 130–136.
- ¹⁶ См.: Верещагина А. В. Почему патриотизму на Юге России не хватает гражданственности (по результатам социологического исследования)? // Историческая и образовательная мысль. 2018. Т.10, № 5/2. С. 54–64 ; Чихарова Т. В. Патриотизм глазами студенческой молодежи Республики Крым // Учен. зап. Крм. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70), № 25. С. 281–288.
- ¹⁷ См.: Концепция патриотического и духовно-нравственного воспитания населения в Республике Крым : утв. Указом Главы Республики Крым от 18 декабря 2014 г. № 522-У. URL: http://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_237906.pdf (дата обращения: 25.07.2018).
- ¹⁸ Верещагина А. В. Указ. соч. С. 62.
- ¹⁹ См.: Гросфельд Е. В., Харабуга В. В. Деятельность междж-лиса крымско-татарского народа по созданию в Крыму национальной государственности крымских татар (2017 год) // Учен. зап. Крм. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017. Т. 3 (69), № 2. С. 55–64 ; Гросфельд Е. В. Роль национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения тюркских народов в Крыму в развитии общероссийской гражданской идентичности // Учен. зап. Крм. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017. Т. 3 (69), № 4. С. 113–123 ; Курсе-итов Р. Д. Реализация национальной политики в Крыму через призму реабилитации крымскотатарского народа : история, современные реалии и тенденции // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации : материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 50-летию первого этносоциологического исследования в СССР / под ред. Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой, Л. В. Сагитовой. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 54–58 ; Мухетдинов Д., Хабутдинов А. Крым : мусульманская община в контексте общего развития региона // Ислам в современном мире : внутригосударственный и международно-политический аспект. 2014. № 4. С. 51–58.
- ²⁰ Мухетдинов Д. Крым и крымские татары в российской политике в марте мае 2014 г. // Ислам в современном мире : внутригосударственный и международно-политический аспект. 2014. № 2. С. 63.
- ²¹ См.: Ахмадеев К. Н. Турецкий фактор в крымско-татарском этнополитическом процессе // Общество : политика, экономика, право. 2018. № 3. С. 27–30 ; Ахмадеев К. Н. Языковой и диаспоральный факторы этнополитической мобилизации крымско-татарской этнической группы // Общество : экономика, политика, право. 2018. № 2. С. 12–15 ; Бальбек Р. И. Крымско-татарский фактор политической стабильности в Крыму // Социологический альманах. Вып. 10 : Социальная дифференциация регионов : вызовы и перспективы : материалы IX Орловских социологических чтений / под общ. ред. П. А. Меркулова, Н. В. Проказиной. Орел : Изд-во СИУ – филиал РАНХиГС, 2018. С. 103–106 ; Коробов А. А., Сметанников С. С. Влияние Турции на региональные политические процессы Республики Крым : конструктивный анализ // Вестн. Поволж. ин-та управления. 2015. № 4 (49). С. 24–33 ; Фарапонова Т. К., Рогов И. И. Влияние турецкой элиты в Крыму и Республике Татарстан // Молодежь – будущее России (проблемы элитобразования) : сб. докл. «круглого стола» молодых ученых в рамках Третьего Всерос. Элитологического конгр. с междунар. участием. Ростов н/Д : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2019. С. 149–153.
- ²² Коробов А. А., Сметанников С. С. Указ. соч. С. 32.
- ²³ Там же.
- ²⁴ См.: Климова Д. В., Обринская Е. К. Развитие национально-культурных автономий – необходимое условие формирования межнационального согласия (на примере Республики Крым) // Учен. зап. Крм. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71), № 2. С. 22–27.
- ²⁵ Там же. С. 24.

Образец для цитирования:

Вилков А. А. Проблематика Крыма в отечественном научном дискурсе 2014–2019 гг. // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 473–477. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-473-477>

Cite this article as:

Vilkov A. A. The Issue of Crimea Within the Russian Scholarships in 2014–2019. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 473–477 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-473-477>

УДК 323.2

Проблематика Крыма как фактор политической позиции либеральных партий в современной России

А. В. Головченко

Головченко Антон Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, golovchenkoav@mail.ru

На основе анализа официальных партийных документов, публичных заявлений и публикаций различных лидеров либерального сегмента российской партийной системы автор рассмотрел и критически оценил представленные в данных материалах позиции и аргументы либералов по проблематике Крыма во внутренней и внешней политике современной России. В результате автор приходит к выводу о том, что, несмотря на наличие определенных нюансов в позициях различных либеральных политиков по данной проблематике, по сути, они сводятся к обоснованию необходимости официального признания со стороны российского руководства незаконности возвращения Крыма в состав России и передаче решения вопроса о статусе полуострова международному сообществу. Соответственно, полностью игнорируются национальные интересы России в данном регионе.

Ключевые слова: Крым, возвращение Крыма в состав России, проблематика Крыма в либеральном дискурсе.

The Issue of Crimea as a Factor of Political Stance of Liberal Parties in Modern Russia

A. V. Golovchenko

Anton V. Golovchenko, <https://orcid.org/0000-0001-9349-1416>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, golovchenkoav@mail.ru

Based on analysis of official party documents, public statements, and publications of various leaders of the liberal of Russian party system, the author considers and assesses their views and arguments on the issue of Crimea within domestic and foreign policy of contemporary Russia. The author concludes that in spite of some nuances in liberal politicians' stances on this problematics, they all agree that Russian government should officially denunciate the act of reunification of Crimea and Russia and delegate the problem of the peninsula's status to international community. Thus, national interests of Russia in this region are totally ignored.

Keywords: Crimea, reunification of Crimea and Russia, the issue of Crimea within liberal discourse.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-478-482>

Проблематика возвращения Крыма в состав России стала тем водоразделом, который оказал существенное воздействие на расклад ведущих политических сил страны. Традиционная конфигурация российской партийной системы, определяемая идеологическими, социально-политическими, лоббистско-экономическими, ли-

дерско-групповыми и иными основаниями, подверглась существенной трансформации в системе координат «принятие – непринятие» присоединения Крыма¹. В результате по этому вопросу на одной и той же позиции оказались единороссы и представители ведущих оппозиционных партий – от коммунистов до справедливороссов. Такое единение не устранило политических противоречий по другим линиям партийного размежевания, но продемонстрировало определенное ценностное и мировоззренческое ядро, которое позволило им на время забыть о межпартийной борьбе и функциональных оппозиционных задачах, нацеливающих на последовательную критику деятельности правящей партии.

По другую сторону водораздела оказались российские либеральные партии. Несмотря на продолжающееся межпартийное противостояние в данном сегменте, их лидеры были единодушны в негативной оценке произошедших событий в Крыму весной 2014 г. – как агрессии России и нарушения ею международного права. Это позволило некоторым сторонникам либерализма выразить надежду на возможность преодоления межличностных противоречий и создание предпосылок для объединения либеральных партий в единую политическую силу.

Проблематика Крыма стала своеобразным маркером, который условно разделил историю развития либерального партийного спектра в постсоветской России на два периода: докрымский и посткрымский. Если в первый период основная тенденция в либеральном сегменте отечественной партийной системы сводилась, прежде всего, к разногласию в толковании и понимании ведущих либеральных ценностей во внутренней политике постсоветской России, то в посткрымский период к ней добавилась тенденция сближения позиций различных либеральных политиков в оценке возвращения Крыма в состав России.

Эта тенденция не перечеркнула факторов и мотивов межличностной и межпартийной борьбы российских либералов внутри своего сегмента, но обуславливает целесообразность научного анализа произошедших изменений для оценки перспектив развития потенциала и дальнейшей судьбы отечественных либеральных партий. Прошедшие 8 сентября 2019 г. выборы в Мосгордуму закончились не только победой на них одного из лидеров РОДП «Яблоко» С. Митро-

хина в избирательном округе № 43, но и прохождением еще двух партийных кандидатов от «Яблока» – Е. Бунимовича, С. Круглова, а также поддержанной данной партией Д. Бесединой. С учетом того, что в совокупности оппозиционные партии на данных выборах получили 20 мест из 45 (13 мандатов от КПРФ и 3 от «Справедливой России»), ситуация в столице отражает очень существенные изменения в настроении москвичей. Утешительные для «Единой России» результаты на выборах губернаторов и в законодательные собрания в регионах России не снижают актуальности изучения перспектив либерализма в современной России (особенно с учетом исторического опыта начала российских революций в столицах России). В рамках данной статьи мы остановимся на анализе публичного позиционирования ведущих либеральных политиков по проблематике Крыма в информационном пространстве.

На сайте Г. А. Явлинского существует специальный интернет-проект «А Крым наш?», в рамках которого лидер «Яблока» обозначил восемь вопросов по крымской проблематике, на которые он дает свои ответы. Суть их сводится к ключевому вопросу: «Как решить проблему Крыма?»².

По каждому вопросу предложены краткие ответы, но их развернутое обоснование Г. А. Явлинский дает в рамках видео-выступлений, которые можно посмотреть, перейдя по имеющимся в резюме ссылкам на канал YouTube. По сути, эти выступления представляют собой постоянно действующий инструмент информационного воздействия на читателей, симпатизирующих оппозиционным настроениям в современной России. В каждом из них Г. А. Явлинский обосновывает взаимосвязь внутренней и внешней политики действующего политического режима В. В. Путина и критикует его за то, что конфликт с Украиной и «аннексия Крыма» были использованы для того, чтобы отвлечь население России от накопившихся нерешенных внутренних проблем в экономической и социальной сферах.

Тем не менее, анализ динамики политического дискурса РОДП «Яблоко» по данной проблематике за прошедшие 5 лет после воссоединения Крыма с Россией показывает, что в позиции лидеров партии произошли определенные изменения. В 2014–2015 гг. доминировала преимущественно жесткая оценка внешнеполитического курса России как «неоимперского», который не только привел к «международной изоляции» России, но и представляет собой серьезную угрозу для политического и социально-экономического развития страны. Однако уже накануне выборов в Государственную Думу 2016 г. произошло некоторое смягчение позиции яблочников по крымской проблематике. Официальный лидер «Яблока» Э. Слабунова, не отказываясь от оценки «аннексии Крыма», тем не

менее, акцент сделала на необходимости поиска способов разрешения конфликтной ситуации между Россией и Украиной. В качестве основных «цивилизованных» инструментов были обозначены созыв авторитетной международной конференции по статусу Крыма и проведение повторного референдума на его территории по украинским законам и под эгидой международных наблюдателей³.

По логике лидеров «Яблока», важнейшим предварительным условием такого способа разрешения ситуации является официальное признание со стороны руководства России в том, что «Крым не наш»⁴. Тем самым фактически они предлагают перечеркнуть результаты волеизъявления крымчан на референдуме в марте 2014 г. и перейти к процедуре обсуждения перспектив статуса Крыма на международной конференции. В своей программе на выборах Президента РФ в марте 2018 г. Г. А. Явлинский уже в первом ее пункте четко обозначил свою позицию: «Прекратить агрессивное противостояние и войну с Украиной. Признать присоединение Крыма в 2014 году незаконным и инициировать созыв Международной конференции по статусу Крыма и полностью выполнить ее решения»⁵.

Эта позиция обосновывалась им во время предвыборной кампании неоднократно: «Правовым выходом из сложившейся ситуации может стать созыв под эгидой ООН международной конференции по статусу Крыма, на которой будет выработана дорожная карта – на основе закона и с учетом воли народа». В конференции, по мнению кандидата в президенты, должны принять участие все стороны, влияющие на ситуацию: Россия, Украина, Евросоюз (прежде всего страны «нормандского диалога»: Германия, Франция), Великобритания и США (как страны-гаранты, подписавшие Будапештский меморандум), Турция и представители Крыма. «Вполне возможно, что конференция примет решение провести под международным контролем новый референдум, который признают все стороны. Результат такого референдума будет завершением этой опасной ситуации»⁶.

Как представляется, обсуждение на этой гипотетической международной конференции завершится очевидно предсказуемым результатом не в пользу России. После этого идея проведения повторного референдума окажется изжитой и лишеной актуальности. Поэтому публичное позиционирование, которое Э. Слабунова и Г. Явлинский делают своей программой как «цивилизованному» способу разрешения конфликта с Украиной без потери для России Севастополя и Крыма, является не чем иным, как политическим лукавством. Подтверждение тому – слова самого Г. Явлинского, когда он несколько по иному сформулировал ключевое предложение РОДП «Яблоко» по данной проблеме: «Инициировать созыв международной конференции для об-

суждения международно-правового положения Крыма и *возможного* (курсив наш. – А. Г.) принятия решения о легитимном референдуме»⁷.

Подобное стремление «легитимировать» решение крымской проблемы с помощью ресурсов международных институтов представлено и у других представителей либеральной элиты. Например, российский телеведущий Д. Запольский в своем интервью «Обозревателю» в апреле 2017 г. признал, что считает «аннексию Крыма подлостью и глупостью, референдум фарсом и включение его в состав России незаконным». В то же время, по его мнению, «вина за крымский тупик лежит не только на Москве, но и на Киеве, причем 50/50»⁸. Поэтому «гипотетически возможный референдум о присоединении Крыма обратно к Украине вряд ли можно считать заведомо выигранным. А вот абсолютно честный и не такой уж гипотетический повторный референдум о выходе из Украины, скорее всего, наберет большинство по вполне объяснимым экономическим соображениям»⁹. То есть, как и Г. А. Явлинский, либеральный журналист процедуру разрешения конфликтной ситуации и легитимации статуса Крыма связывает с участием международного сообщества. Каким-то образом оно может предоставить Крыму «государственный статус самоопределившейся территории. Юристы напишут обоснование, политики убедят избирателей, что это самый оптимальный вариант, бандюганов немного подвинут, обяжут выплатить какие-то деньги за утраченную собственность, объявить демилитаризацию и так далее. Будет создан прецедент. Все стороны придут к компромиссу, но “статус кво” 2013 года уже не вернется»¹⁰. Примечательно, что международная процедура легитимации статуса Крыма, по мнению телеведущего, должна предполагать демилитаризацию полуострова. Судьба российского Черноморского флота и военно-морской базы Севастополя, так же как и обеспечение национальных интересов России в этом регионе, его очевидно не волнуют.

Идентичная позиция характерна для многих представителей российского либерального сообщества. Например, ее заявляет Л. Гозман, являющийся одним из самых публичных либеральных лидеров в современной России, которого нередко можно увидеть в качестве участника политических ток-шоу на ведущих телеканалах страны. Повторив, как мантру, утверждение об «аннексии Крыма Россией», он, тем не менее, признает, что «доминирующие там сегодня настроения таковы, что люди согласятся на независимость, но не на возвращение под юрисдикцию Украины. Воссоединение же с Украиной, если не надеяться на силу, – процесс, требующий длительного времени. Не все разбитое можно склеить»¹¹.

Еще один известный либеральный политик В. Рыжков в своем интервью в программе «Особое мнение» радиостанции «Эхо Москвы» 11 сен-

тября 2019 г. на вопрос по поводу Крыма заявил следующее: «Государство, утратившее территорию незаконно, а я и тогда, и сейчас говорю, что лично я считаю, что отъем Крыма был незаконным, – как с точки зрения нашей Конституции, наших законов, так и с точки зрения Конституции и законов Украины, с точки зрения международного права, – с моей точки зрения, все было нарушено. Но Украина никогда не успокоится. Кто бы там ни был у власти, кто бы ни был президентом, любой президент, любое парламентское большинство, любое правительство и общественное мнение всегда будут стоять на той точке зрения, что Крым отобрали незаконно, и будут требовать его вернуть. Поэтому здесь даже нечего обсуждать – это будет всегда»¹². Тем не менее, силовым вариантом решения крымской проблемы В. Рыжков считает неприемлемым: «Потому что танками ни крымскую проблему, ни донецкую проблему не решить. Это понимают любые более или менее разумные люди. Решение может быть только дипломатическим и политическим»¹³.

Примечательна позиция, которую занял в вопросе о Крыме А. Навальный, который в современном западноевропейском публичном дискурсе представлен как ведущий реальный оппонент В. Путина. В своем пространном интервью «Эхо Москвы»¹⁴ он на вопрос о статусе Крыма так обозначил свою позицию: «Крым – тех людей, которые живут в Крыму. ... Крым, конечно, сейчас де-факто принадлежит России. ... Я считаю, что, несмотря на то, что Крым был захвачен с вопиющим нарушением всех международных норм, тем не менее реалии таковы, что Крым сейчас является частью РФ. И давайте не будем обманывать себя. И украинцам я сильно советую тоже не обманывать себя. Он останется частью России и больше никогда в обозримом будущем не станет частью Украины. ... С точки зрения политики и восстановления справедливости, то, что нужно сделать сейчас в Крыму, это провести нормальный референдум. Не такой, как был, а нормальный. И как решат люди, так оно и будет. Я думаю, что результаты этого референдума мы все примерно предполагаем, какие могут быть. Вот как решат – так решат»¹⁵. В качестве утешения для украинских националистов А. Навальный аргументирует те плюсы, которые получила Украина в связи с возвращением Крыма в состав России. Суть позитивных для Украины последствий сводится, по мнению оппозиционера, к следующему: «Это большое счастье, что Крым с абсолютно пророссийским народом, с консервативным настроенным населением, которое не принимает их антикоррупционной революции, не принимает желание идти в Европу, ушел от них. Они лишились 2 млн избирателей, которые тормозили это движение. ... Крым обречен быть тем, что-то типа Северного Кипра, турецкого. Сейчас это непонятная территория, которая де-факто понятно кому принадлежит, но никем не признается»¹⁶.

В целом, анализ приведенных выше позиций либеральных политиков показывает, что у них (и их последователей) не все в порядке с элементарной логикой. Если их сторонники признают, что даже через пять лет после так называемой «аннексии» жители Крыма не проявляют желания вернуться под юрисдикцию Украины, то почему они не признают легитимность волеизъявления крымчан в марте 2014 г.? И это с учетом того, что многие сегодняшние, действительно существующие проблемы полуострова являются не следствием возвращения в состав России, а результатом санкционной политики Украины, США и западноевропейских стран. Отсылка к нарушению законодательства Украины при проведении референдума в Крыму, к его скоротечности, отсутствию международных наблюдателей не вполне правомерны. Прежде всего, потому, что сторонники майдана в Киеве сами нарушили украинское законодательство в результате силового свержения законно действующей власти. Международные гаранты обеспечения легитимности процедур смены власти в Киеве также проигнорировали свои документально закрепленные обязательства. Поэтому форс-мажорные условия проведения референдума в Крыму нельзя оценивать без учета форс-мажорного контекста ситуации на Украине в целом в тот период.

Главный вывод по ситуации в Крыму, который вынуждена признать значительная часть либерального сообщества современной России, состоит в том, что даже санкции, которые должны были вызвать недовольство крымчан присоединением к России, на практике не привели к формированию проукраинских настроений на полуострове.

В этой связи вся многословная апелляция российских либералов к целесообразному использованию международных инструментов для разрешения конфликтной ситуации между Россией и Украиной реально сводится к обоснованию необходимости официального признания российским руководством ключевого тезиса о том, что «Крым не наш», что была совершена «аннексия украинской территории». После такого «покаянного» признания Россия, очевидно, утратит моральное право на какое-либо решающее участие в определении статуса Крыма, и его дальнейшая судьба, так же как и Севастополя, будет полностью отдана на откуп США и их союзников по НАТО.

Такая позиция, которая явно противоречит национальным интересам России, очевидно, не может добавить электоральной и социальной поддержки российским либеральным партиям. Определенные успехи оппозиционных партий в Москве на сентябрьских выборах объясняются не разочарованием населения во внешней политике России последних лет, а последствиями, прежде всего, проведенной пенсионной реформы, отсутствием внятной и последовательной

политики, направленной на ликвидацию повсеместной коррупции, на минимизацию того социального неравенства, которое было заложено либералами в нашей стране в 1990-е гг. и продолжает вызывать недовольство большинства населения и в современных условиях.

Даже оппозиционно настроенные слои российского электората, критически относящиеся к действующему режиму и его внутренней политике, не разделяют либеральных оценок в отношении Крыма. Такая позиция либералов означает фактическое игнорирование мнения большинства крымчан и их пророссийских интересов. Вместо того, чтобы критиковать коррупционные проявления в Крыму, вести борьбу против проявления клановых интересов во властных структурах Крыма, против искажений в региональной этнополитике, против бесконтрольной застройки крымского побережья и иных привлекательных для инвестиций территорий полуострова, представители либеральных партий делают акцент на незаконности присоединения Крыма и необходимости передать решение его судьбы международному сообществу.

Тем самым они подтверждают особый оппозиционный статус своих партий, ориентированных на необходимость добиться любой ценой «благосклонности» со стороны лидеров западноевропейских стран и возвращения России в «семью цивилизованных народов». Можно констатировать, что цена этого вопроса для российских либералов – игнорирование национальных интересов. Россия это уже проходила в 1990-е гг., и большинство россиян хорошо помнят негативные последствия для страны такой недальновидной политики.

Примечания

- 1 См.: *Вилков А. А.* Эволюция российской многопартийности после выборов 2016 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. Сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 62–69. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-1-62-69>
- 2 См.: А Крым наш? URL: <https://krym.yavlinsky.ru/#one> (дата обращения: 26.08.2019).
- 3 См.: «Яблоко» знает, как России решить конфликт с Украиной без возвращения Крыма. URL: <http://www.newsru.com/russia/29feb2016/slabunova.html> (дата обращения: 26.05.2016).
- 4 Там же.
- 5 Основные направления президентской программы Григория Явлинского. URL: <https://2018.yavlinsky.ru/campaign/#more-331> (дата обращения: 26.01.2018).
- 6 *Явлинский Г.* «Возвращение к вопросу проведения законного референдума в Крыму – это признак политической силы». URL: <https://www.yavlinsky.ru/article/vozvrashhenie-k-voprosu-provedeniya-zakonnogo-referenduma-v-krymu-eto-priznak-politicheskoy-sily/> (дата обращения: 26.08.2019).

- ⁷ Явлинский Г. Крах Лаврова – Путина. URL: <https://www.yavlinsky.ru/article/krah-lavrova-putina/> (дата обращения: 26.08.2019).
- ⁸ Подобрый О. Крым не будет встречать украинские танки букетами сине-желтых цветов – российский телеведущий // Obozrevatel. URL: <https://www.obozrevatel.com/abroad/63501-intervyu-s-zapolskim.htm> (дата обращения: 26.08.2019).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Крым как проблема либералов. URL: <https://rossijane.mirtesen.ru/blog/43201858348/Kryim-kak-problema-liberalov.?nr=1> (дата обращения: 26.08.2019).
- ¹² Рыжков В. Особое мнение. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2498999-echo/> (дата обращения: 14.09.2019).
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Насколько далеки интересы радиостанции «Эхо Москвы» от российских национальных интересов, свидетельствует, например, размещение на ее сайте статьи украинского юриста, директора международной ассоциации «Институт национальной политики» Ю. Шулипы, в которой тот обосновывает свое представление и свой план подключения мирового сообщества к войне против России (См.: Шулина Ю. Пятилетию безальтернативности пакта Путина – Порошенко посвящается. URL: <https://echo.msk.ru/blog/yshulipa/2500599-echo/> (дата обращения: 14.09.2019)).
- ¹⁵ Навальный А. Сбитый фокус. URL: <https://echo.msk.ru/programs/focus/1417522-echo.html> (дата обращения: 17.10.2014).
- ¹⁶ Там же.

Образец для цитирования:

Головченко А. В. Проблематика Крыма как фактор политической позиции либеральных партий в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 478–482. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-478-482>

Cite this article as:

Golovchenko A. V. The Issue of Crimea as a Factor of Political Stance of Liberal Parties in Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 478–482 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-478-482>

УДК 328.187

Институциональные противоречия взаимоотношений политических партий с парламентами субъектов Российской Федерации

А. В. Курочкин

Курочкин Анатолий Васильевич, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и международного права, Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, Kurochkin.Tolik@bk.ru

В статье рассматриваются проблемы институционализации отношений политических партий с российскими региональными законодательными собраниями. Автор выделяет противоречия в нормах и политических установках, направленных на расширение партийных возможностей в парламентах субъектов Российской Федерации. В результате исследования сделан вывод о чрезмерном влиянии региональных акторов в вопросах допуска партий к законодательной деятельности.

Ключевые слова: политические партии, региональный парламент, субъекты Российской Федерации, институционализация, политический институт, парламентская партия.

Institutional Contradictions in the Relations Between Political Parties and Regional Parliaments of the Russian Federation

A. V. Kurochkin

Anatoliy V. Kurochkin, <https://orcid.org/0000-0001-9006-1111>, Naberezhnye Chelny Institute of Kazan (Volga region) Federal University, 18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Republic of Tatarstan, Russia, Kurochkin.Tolik@bk.ru

In this article, the author assesses the problems of institutionalizing the relations between political parties and Russian regional legislative assemblies. The author highlights the contradictions in the norms and political approaches that should expand party opportunities in the parliamentary activity of the Russian regions. A conclusion was made that there is excessive influence of regional actors on the admission of parties to legislative activity.

Keywords: political parties, regional parliament, regions of the Russian Federation, institutionalization, political institute, parliamentary party.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-483-486>

Несмотря на то что субъекты Российской Федерации с 2002 г. утратили право регламентировать партийную деятельность, в условиях современной политической практики они продолжают влиять на реализацию политическими партиями своих возможностей.

Так, субъекты Федерации стараются контактировать не с самими политическими партиями, а преимущественно с их региональными отделениями¹. Это является институциональным условием участия партийных организаций в современной региональной политике². Не случай-

но им адресовано требование о необходимости извещения территориальных избирательных комиссий касательно списка своих кандидатов, выдвигаемых для участия в парламентских выборах соответствующего субъекта Российской Федерации.

Такая специфика обоснована федеральным подходом к наделению территориальных партийных представительств чертами политического актора. В частности, региональные отделения несут персональную юридическую и политическую ответственность³, они наделяются некоторыми правами и обязанностями, в том числе через те нормы и политические установки, которые приняты в определенном субъекте РФ⁴.

Однако в данной институциональной основе присутствуют противоречия. Они выражаются, прежде всего, в парламентских возможностях, которыми обладают политические партии через свои региональные подразделения. Так, в политической практике некоторых субъектов Российской Федерации сложился принцип, в соответствии с которым значение приобретает личность, а не вся политическая организация⁵. Поэтому именно региональные партийные отделения рассматриваются в качестве акторов проводимой политики, в том числе на парламентском уровне⁶.

Отчасти такие условия получили выражение в действующих нормах. Так, согласно положениям Федерального закона № 95-ФЗ⁷, существует специальный порядок государственной регистрации партийных отделений в субъектах РФ. Без него политические партии не приобретают в данном регионе возможностей участвовать в избирательном процессе и, как следствие, не получают парламентских прав. В частности, партийные региональные отделения наделены правом заниматься соответствующей деятельностью исключительно при наличии у них государственной регистрации (п. 1 ст. 15).

Тем самым в российских регионах сложилась классификация политических партий не только по критерию наличия у них депутатских мандатов в парламенте, но и по признаку государственной регистрации (государственного признания) соответствующих региональных отделений.

Примечательно, что субъекты Федерации наделены полномочиями в области воплощения гарантий, связанных с отдельными воз-

возможностями политических партий. К их числу отнесены и гарантии партийного участия в деятельности региональных парламентов. Сегодня можно сказать, что данные полномочия являются обязанностью субъектов РФ. В п. 2 ст. 26.2 Федерального закона № 95-ФЗ содержится соответствующее требование о необходимости регламентации участия непарламентских партий в пленарных заседаниях региональных законодательных собраний.

Существует лишь два институциональных варианта решения данного вопроса. Первый – это принятие соответствующих формальных правил в субъекте Федерации (например, в виде специального регионального закона). Однако на сегодняшний день ни в одном регионе данный подход не получил своего воплощения. Вторым вариантом – это закрепление за политическими партиями возможности участвовать в отдельных заседаниях регионального парламента. Как правило, формой такого признания выступают регламенты, содержащие основы парламентской деятельности в субъекте РФ. Практически во всех действующих регламентах законодательных собраний содержится отдельная норма, уточняющая порядок осуществления указанной партийной возможности.

Так, в Регламенте Государственного Совета Республики Татарстан⁸ этому посвящена ст. 46.1. Реализация права на участие в пленарном заседании Госсовета возможна лишь один раз в календарный год. На этом фоне следует отметить, что в п. 2 ст. 26.2 Федерального закона № 95-ФЗ установлено ограничение «не менее одного раза в год», что позволяет субъектам РФ увеличивать количество подобных случаев. Однако в политической практике допуск непарламентских политических партий к заседаниям законодательного собрания остается проблемной зоной региональной политики⁹.

Кроме того, в соответствии со ст. 46.1 Регламента Государственного Совета Республики Татарстан решение о предоставлении права на участие в пленарном заседании партиям, не представленным в республиканском парламенте, выносится Президиумом Госсовета. В этом аспекте наблюдается некоторое противоречие с общими институциональными рамками парламентской и партийной деятельности. Так, весь порядок допуска партий к парламентским слушаниям, включая вопросы, в обсуждении которых принимают участие непарламентские партии, должен определяться либо субъектом РФ, либо его законодательным собранием.

Тем самым в Республике Татарстан можно наблюдать закрепление широкого усмотрения Президиума Госсовета в допуске непарламентских партий на пленарные заседания. Последнее выражается также в том, что именно Президиум Государственного Совета Татарстана определяет, какие вопросы и в каком порядке будут

рассматриваться при участии представителей непарламентских партий. Такая норма из п. 4 ст. 46.1 Регламента Государственного Совета Республики Татарстан прямо нарушает требование ст. 26.2 Федерального закона № 95-ФЗ. Оно, в частности, заключается в необходимости определить реализацию рассматриваемой партийной возможности.

Впрочем, встречаются регламенты региональных законодательных собраний, в которых вообще не уточняется механизм воплощения возможностей политических партий на участие в пленарных заседаниях. Например, в ст. 52 Регламента Законодательного собрания Свердловской области¹⁰ сказано лишь о праве политических партий, не представленных в данном органе, присутствовать на открытом заседании. При этом такая возможность им может предоставляться не менее одного раза в год. Однако кто принимает подобное решение и в каком порядке – Регламент Заксобраний Свердловской области умалчивает, делая отсылку на общие институциональные условия. При этом на федеральном уровне данный вопрос тоже остается открытым.

Указанные варианты институционализации взаимоотношений политических партий с региональными парламентами говорят о том, что с момента закрепления в Федеральном законе № 95-ФЗ соответствующего права не произошло его буквального воплощения в региональной политической практике. Тем самым во многих субъектах Федерации институциональная основа подобных отношений представлена лишь формальными правилами, не реализуемыми в парламентской деятельности. Это происходит при помощи установления значительных барьеров, преодолеть которые большинство региональных отделений партий не в состоянии.

Отсюда следует обратный вывод о необходимости соблюдения политических установок, действующих в определенном субъекте Российской Федерации. Если политическая партия «принимает» условия своего участия в публичной политике, она получает доступ к отдельным аспектам парламентской деятельности. Напротив, выражая резко оппозиционную риторику, партийная организация не только может столкнуться с препятствиями в реализации ее прав, закрепленных в законе, но и не получить государственную регистрацию своего регионального отделения. Последнее грозит увеличением условий для участия партии в региональных и муниципальных выборах, а также в допуске ее членом к парламентской деятельности.

Известны и прямо противоположные примеры, когда политическая партия через свое региональное отделение добивается законного допуска к парламентской деятельности. Подобный случай наблюдался в 2013 г. в Кабардино-Балкарии с участием партии «Яблоко». Партийные представители были вынуждены обратиться в Вер-

ховный Суд Республики с иском, обязывающим республиканский парламент реализовать возможность политических партий, не получивших депутатских мандатов, направлять своих членов на отдельные законодательные слушания¹¹. Ситуация обострялась тем, что в Кабардино-Балкарии ранее была принята норма, запрещающая представителям непарламентских партий выступать на заседаниях Законодательного собрания Республики. Вместе с тем, не дожидаясь исхода дела в суде, республиканский парламент внес поправки в свой Регламент.

Примечательно, что в результате проиллюстрированного противостояния право на доступ к парламентским слушаниям и на участие в них получили не только партии, но и иные общественные объединения. Кроме того, в измененном виде региональная норма закрепила соответствующие возможности даже за гражданами.

Тем самым общий подход к тому, что партии заняты преимущественно достижением власти, а не ее реализацией, мешает сконцентрироваться на выполнении предвыборных программ, что в европейской политике предопределяет электоральные предпочтения. В российских условиях прямой зависимости между данными обстоятельствами по-прежнему не прослеживается, что сопряжено с многочисленными политическими технологиями, не запрещенными действующим законодательством.

Указанный перечень проблем влияет на избирательные и парламентские права политических партий. В свою очередь, это перестраивает понимание конституционного принципа многопартийности, когда государство намеренно допускает существование множества партийных структур, но регистрирует на выборах лишь ограниченный состав избирательных объединений¹².

В указанных условиях политические партии отстраняются от своей ключевой функции – быть посредником между электоратом и властью. Фактическое участие принимают лишь те партийные структуры, которые представляют условное большинство граждан. При этом условное меньшинство в своей совокупности образует серьезный процент населения, чьи интересы не получают воплощения на выборах. Кроме того, при достижении власти партийные организации не способны ее контролировать, т. е. не участвуют в активной части реализации государственной политики.

Для преодоления этого дефекта необходимо детализировать в регламентах законодательных собраний субъектов РФ критерии, по которым может приниматься решение о допуске непарламентских партий к участию в пленарных заседаниях. В частности, предлагается указать основания, в силу которых партийной организации может быть отказано в реализации данного права, например, при наличии нарушений парламентской дисциплины в предыдущие периоды, при на-

личии систематических нарушений в исполнении обязанностей регионального отделения и т. п.

Также требуется увеличить количество партийного участия в пленарных слушаниях региональных парламентов с установленного федерального ограничения в виде одного раза за год до гарантированных субъектом Федерации нескольких раз. Это повысит демократичность законодательных собраний, особенно в тех регионах, чьи конституции и уставы постулируют такой принцип.

Таким образом, несмотря на институциональные изменения в партийно-парламентских взаимоотношениях, правила участия партий в деятельности региональных законодательных собраний остаются непрозрачными. Это позволяет подвергать сомнению вопрос о соблюдении ряда демократических принципов в рамках действующих конституций и уставов субъектов РФ. Впрочем, проблемы региональной демократии заключаются далеко не только в сложившихся нормах и политических установках, но и в политическом сознании самих граждан, активность которых в партийной деятельности уже не столь высока, в отличие от смежных процессов в 1990-х гг.

Примечания

- 1 См.: *Алексеева О. Н.* О некоторых элементах конституционно-правового статуса региональных отделений политических партий // *Закон и право.* 2017. № 2. С. 27–29.
- 2 См.: *Ковин В. С.* Проблемы представительства политических партий в избирательных комиссиях субъектов Российской Федерации // *Вестн. Перм. ун-та. Сер. Политология.* 2015. Вып. 4. С. 29–51.
- 3 См.: *Зазнаев О. И., Гарипов Р. Ф.* Конституционно-правовые проблемы идентификации отдельных органов и должностных лиц с ветвями государственной власти Республики Татарстан // *Вестн. экономики, права и социологии.* 2012. № 4. С. 141–144.
- 4 См.: *Дементьев В. С.* Правовой статус фракции политической партии в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации // *О политико-правовой модернизации в государстве : вопросы теории и практики.* Вып. 12 : сб. науч. ст. по материалам XII Всерос. науч.-практ. конф. / под науч. ред. Н.М. Добрынина. Тюмень : Вектор Бук, 2016. С. 137–139.
- 5 См.: *Макаренко И. Л.* Участие политических партий в формировании органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации : особенности современного конституционно-правового регулирования // *Международный журнал конституционного и государственного права.* 2018. № 4. С. 102–106.
- 6 См.: *Чирикин В. А.* Проблемы регистрации политических партий и их региональных отделений // *Стратегическое управление : теория, практика, проблемы : материалы XIV регион. науч.-практ. конф. / отв. ред. : Ю. Н. Лапыгин, А. И. Новиков.* Владимир : Владимир. филиал РАНХиГС, 2016. С. 276–279.

- ⁷ См.: О политических партиях : федер. закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 09.03.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 29, ст. 2950 ; 2016. № 11, ст. 1493.
- ⁸ См.: О Регламенте Государственного Совета Республики Татарстан : постановление Государственного Совета Республики Татарстан от 26.02.2004 № 2632 (ред. от 21.12.2017) // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2004. № 2 (I ч.) ; Собр. законодательства Республики Татарстан. 2018. № 1 (ч. I), ст. 0008.
- ⁹ См.: *Зазнаев О. И.* Организация государственной власти в Республике Татарстан : проблемы и противоречия // ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6, № 2. С. 7–25.
- ¹⁰ См.: О Регламенте Законодательного Собрания Свердловской области : постановление Законодательного Собрания Свердловской области от 16.12.2014 № 1924-ПЗС (ред. от 06.06.2017) // Обл. газ. 2017. 8 июня.
- ¹¹ См.: Парламент Кабардино-Балкарии внес изменения в регламент в связи с судебным иском «ЯБЛОКО» // Партия «Яблоко» : [сайт]. URL: https://www.yabloko.ru/publikatsii/2013/06/07_0 (дата обращения: 08.06.2019).
- ¹² См.: *Вологина Э. А.* Реализация многопартийности в Российской Федерации // Философия права. 2009. № 4. С. 52.

Образец для цитирования:

Курочкин А. В. Институциональные противоречия взаимоотношений политических партий с парламентами субъектов Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 483–486. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-483-486>

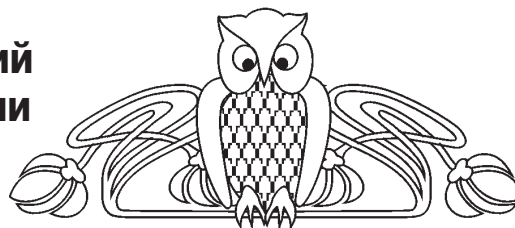
Cite this article as:

Kurochkin A. V. Institutional Contradictions in the Relations Between Political Parties and Regional Parliaments of the Russian Federation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 483–486 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-483-486>

УДК 329.059470+571

О структуре политических идеологий в условиях ценностной конвергенции российских партий

В. И. Головченко

Головченко Владимир Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры теории государства и права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, golovchenkosgu@mail.ru

В статье рассмотрены основные особенности использования политических идеологий в постсоветской России и процессы ценностной конвергенции различных политических партий. Автор констатирует, что ценностные маркеры, которые ранее служили для идентификации и позиционирования различных партийных идеологий и их отграничения друг от друга, теперь утрачивают свое первоначальное значение. Обусловлено это тем, что современные партии в использовании информационно-коммуникационных технологий в большей степени опираются на конвергированные «общечеловеческие ценности». Для России особенно актуальным является предложение обществу такой идеологии, в которой важнейшим структурным элементом будет обоснование привлекательного и воспринимаемого как справедливого для большинства населения образа будущего России.

Ключевые слова: политические идеологии, структура политических идеологий, ценностная конвергенция партийных идеологий.

About the Structure of Political Ideologies within the Value-Based Convergence of Russian Parties

V. I. Golovchenko

Vladimir I. Golovchenko, <https://orcid.org/0000-0001-8856-1723>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, golovchenkosgu@mail.ru

The main features of using political ideologies in post-Soviet Russia as well as value-based convergence of different parties are considered in the article. The author concludes that value markers, which previously served as tools to identify and draw the lines between various party ideologies, have lost their initial meanings. The reason is that by using information and communication technologies modern parties base themselves upon converged "universal human values". As far as Russia is concerned, there is a need in ideology that would substantiate an attractive and perceived by majority of people as "fair" image of the nation's future.

Keywords: political ideologies, structure of political ideologies, value-based convergence of party ideologies.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-487-491>

Изучение проблематики политических идеологий в постсоветской России пережило несколько периодов, в каждом из которых акцент делался на различных ее аспектах. После распада СССР и краха социалистической системы приоритет имели различные аспекты процесса

деидеологизации и обеспечения плюралистичности общественно-политической жизни страны. Наивысшим проявлением этого целеполагания стало конституционное закрепление запрета на государственную идеологию в Российской Федерации.

Становление многопартийности сопровождалось таким бурным ростом политических партий и общественно-политических организаций, что уже после выборов в Государственную Думу 1995 г. (когда в избирательные списки были допущены 43 партии и избирательные объединения) начался процесс целенаправленной «кристаллизации» партийной системы. Важнейшим нормативным инструментом укрупнения российских партий стал ФЗ РФ «О политических партиях», который привел к существенному сокращению этих ведущих субъектов политики в политической системе России¹.

Обозначенные процессы институционализации многопартийности сопровождались эволюцией функциональности политических идеологий и изменением иерархии их структурных элементов². Анализ данной эволюции показал, что ключевой тенденцией стало ослабление роли мировоззренческой составляющей идеологии и усиление их идентификационной функции. Обусловлено это было, прежде всего, тем, что значительная часть возникающих отечественных партий носили персонифицированный характер, а их идеологическое оформление – вспомогательный, инструментальный характер (нередко партии формировались для концентрации ресурсов в борьбе партийного лидера в одномандатном округе на выборах в Государственную Думу). Борьба за лидерство на одних и тех же партийно-идеологических полях еще более усугубляла ситуацию с идейно-мировоззренческим ядром многочисленных российских партий.

Данные процессы в политической жизни постсоветской России вызвали дискуссию научного сообщества по структурному содержанию и функциональности политических идеологий³. Несмотря на различные оценки отдельных аспектов проблемы, большинство исследователей сходились в том, что идеологии представляют собой средство «духовного сплочения и руководства, которое направляет поведение людей в сфере политических отношений, формирует их волю, мобилизует активность,

способствует интеграции социальных групп, вовлеченных в политическое действие или готовящихся к нему»⁴.

Мобилизующая функция идеологии актуализируется с особой силой в условиях значительного расширения возможностей применения в политике коммуникационных технологий. На практике это приводит к тому, что ценностные маркеры, которые ранее служили для идентификации и позиционирования различных идеологий и их отграничения друг от друга, теперь теряют свое первоначальное значение. Связано это с тем, что современные партии в использовании информационно-коммуникационных технологий опираются на конвергированные «общечеловеческие ценности». Не случайно, что со второй половины XX столетия с подачи Д. Белла даже заговорили о конце идеологий в условиях постиндустриального общества⁵. Несмотря на последующий отказ большинства исследователей от столь резкой оценки роли идеологий в политической жизни, их функциональность в современных условиях позволяет действительно говорить об инверсии традиционного их структурирования и содержания⁶.

По мнению А. Н. Сулимина (опирающегося на идеи Н. Пригожина и В. Ильина), «любая крупная идеология в процессе своей нелинейной динамики может проходить определенные точки микробифуркации: этапы расцвета идеи, идеологического насыщения и термодинамической деградации идеи»⁷. Основной причиной деградации идеологий служит определенная закономерность, суть которой состоит в том, что «усиление вброса идеологических образов в общественное сознание прямо пропорционально вызывает их девальвацию и снижение коэффициента полезного действия в социальной сфере»⁸. Фактически главную ответственность за данную ситуацию А. Н. Сулимин возлагает на научную общественность, когда «в ходе научного дискурса появляется множество точек зрения на ее интерпретацию. Возникновение множества способов существования идеи искажает ее первоначальный смысл и приводит к ее дезорганизации»⁹. Если принять аргументы и исторические примеры автора о данной закономерности, проявленной в предреволюционной России и в СССР периода перестройки в условиях кризиса господствующей идеологии, то возникает вопрос о ее применимости в условиях демократии и политической конкуренции?

Вызывает сомнение утверждение автора о том, что «легитимирующей идеологией постсоветской элиты» должна была стать «провозглашаемая демократия»¹⁰. На практике у этой демократии присутствовало четко обозначенное либеральное идеологическое обоснование, которое и должно было стать идейным и мировоз-

зренческим фундаментом политического и социально-экономического развития постсоветской России¹¹. Это либеральное основание было закреплено в Конституции РФ и продолжает быть актуальным и в настоящее время. И это при том, что либеральные партии в России в настоящее время превратились в субъектов политики второго эшелона.

Однако конституционно закрепленные либеральные ценности оказались политически востребованными и рассредоточены в программах большинства ведущих партий современной России, независимо от их идеологической приверженности. Такая дивергенция отражает общемировые тенденции, в результате которых сформировано ценностное ядро, признаваемое сторонниками всех ведущих идеологий в качестве общечеловеческих. Глава 2 Конституции РФ максимально вобрала в себя и закрепила базовые права и свободы человека и гражданина, признанные большинством демократических стран, и не оспаривается ни одной из ведущих политических партий современной России. Возникает резонный вопрос: как оценивать данную ситуацию – как «идеологический эклектизм», представляющий сочетание чужеродных элементов в структуре идеологии, либо как формирование единого ценностного ядра идейно-символического пространства постсоветской России, которое создает основу для формирования общенациональной идеологии?¹²

Формально-ценностное и правовое конституционное основание деятельности большинства отечественных политических партий позволяет рассматривать его как общенациональное целеполагание движения страны в будущее. Однако на практике не утихают научные и общественные дискуссии об отсутствии в стране единой национальной идеи и о потребности выработки таковой в рамках общенациональной доктрины или государственной идеологии¹³.

Обусловлено это тем, что российские партии интерпретируют эти базовые ценности различно и ранжируют их неодинаково по степени важности в контексте программно-идеологического обоснования и встраивания в свои собственные идеологические концепты социального государства и гражданского общества. В результате отсутствует четкое обоснование признаваемого большинством населения стратегического вектора политического и социально-экономического развития страны.

По поводу характеристик этого важнейшего структурного элемента идеологий отечественных партий в научном сообществе обосновываются различные позиции. Например, не совсем правомерно, на наш взгляд, представлять структурные характеристики партийных идеологий в современной России через призму их оценки как «фрагментарных», «незавершенных» идеологий, в которых системообразующим началом высту-

пает популизм. Апелляция к тому, что популизм паразитирует на «более развитых комплексных идеологиях»¹⁴, актуализирует другую проблему – на основании каких критериев осуществлять систематизацию партий и их деление на партии с «комплексными» идеологиями либо с «незавершенными»?

Ответ на этот вопрос вовсе не очевиден. Например, по мнению Ю. А. Нисневича и А. В. Рябова, «олигархический» режим в современной России для обеспечения массовой поддержки использует идеологию «нового консерватизма», представляющую «эклетику смесь идей возвращения стране статуса великой державы, которому якобы мешает “враждебное окружение”, с апелляцией к патриархальным общественным и культурным ценностям»¹⁵. Наш взгляд, оценивать данную «эклетику смесь» в качестве идеологии не вполне правомерно, так как в ней отсутствует важнейший структурный элемент – характеристика политического и социально-экономического образа будущего России, признаваемого гражданами в качестве социально привлекательного и справедливого. Параметр державности в качестве такового россиянами не признается, поскольку рассматривается в качестве важнейшего в другой системе координат, обусловленной размерами страны, ее ресурсами, героической историей и т. д. Характеристика державности вкупе с постулатом о необходимости обеспечения национальной безопасности России не нивелируют в массовом сознании восприятие повсеместной коррупции в стране, не компенсируют проявления вопиющей социальной несправедливости в существующем социальном строе, не дают представления о способах искоренения этих принципиальных общественных пороков. Поэтому данный ценностный элемент целесообразнее рассматривать как конструкт политических технологий, как «идеологический симулякр», по определению А. И. Соловьева¹⁶. С его помощью можно тактически мобилизовать электорат во время избирательной кампании, но нельзя сплотить все население во имя достижения стратегических целей, так как державность для большинства российских граждан не может рассматриваться как самоцель общественного развития, а лишь как один из параметров будущего состояния России.

Программа «Единой России» не предоставляет полноценного программного ответа на совокупность структурных вопросов, характерных для партийной идеологии: «Что представляют собой социальная сущность и социальная база, идеологические ценности партии? Какова социальная роль партии в обществе (правящая, авангардная, оппозиционная, системная и пр.)? Каков способ ее формирования, принципы внутренней организации, источники финансирования партии? Каково многообразие связей и основные

формы работы партии с гражданами? Каковы основные цели и задачи партии в политической, экономической, социальной сферах, культурной и духовной жизни общества на данный конкретно-исторический период?»¹⁷. Все попытки позиционировать «Единую Россию» как всенародную социально-консервативную партию (аналогичную КПСС) не увенчались успехом в связи с пониманием большинством населения ее реальной социальной сущности. По мнению В. А. Гуторова, «у нас нет среднего класса, но у нас есть уже сформировавшаяся региональная и общероссийская бюрократия (я уж не говорю о “новых русских”». Добившись определенных успехов, они становятся самыми примитивными консерваторами только потому, что хотят сохранить тот порядок, который они только что создали»¹⁸.

Кроме того, апелляция «Единой России» к ценностям традиционного, социального российского консерватизма, с одной стороны, не дает представления об ориентирах движения страны в будущее, а с другой – не подкрепляется реальной текущей политикой правящей партии.

Можно согласиться с тем, что протестное движение в современной России в массе своей ориентировано не на возврат либеральной модели 1990-х гг., не на левацкое радикальное изменение существующей политической системы. Оно отражает «недовольство российских граждан решением вопросов социальной защищенности и пенсионной обеспеченности, уровнем криминализации в обществе и уровнем коррумпированности чиновничества – в эшелонах государственной бюрократии»¹⁹. Однако когда эти ключевые социальные пороки подтверждаются от одного электорального цикла к другому, в том числе и «Единой Россией как правящей партией, когда ее представители уже двадцать лет повторяют одни и те же предвыборные обещания по их искоренению, резонно возникает вопрос о целесообразности реального обновления существующей системы политических и социально-экономических отношений.

Чаще всего аргументация сторонников действующей власти сводится к тому, что единственным гарантом стабильности и безопасности функционирования многосоставного российского общества в условиях обострения международных отношений является Президент РФ В. В. Путин. Высокий рейтинг доверия со стороны населения национальному лидеру страны экстраполируется на действующие политические институты, позиционирующие себя как инструменты и механизмы реализации президентской стратегии, легитимированной большинством граждан на выборах. Однако в этой логике есть изъян, многократно подтвержденный в российской и мировой истории, проявляющийся в том, что

наличие персонализированной легитимности существующей политической и социально-экономической системы не может гарантировать стабильности общественного развития в стратегической перспективе.

Гораздо более надежным и стратегически выигрышным является идеологический уровень легитимации политического и социально-экономического курса страны, конкретных преобразований различных сфер общественной жизни. Однако таковая идеология, претендующая на статус государственной, в современной России отсутствует. Претензии оппозиционных партий на представление в качестве общенациональной идеологии своих альтернативных партийных программ не получали на выборах определяющей поддержки. Тем не менее, события последних пяти лет показали, что наряду с конституционно закрепленным ценностным основанием, признаваемым российскими партиями, формируется еще одно ядро, которое можно рассматривать как интегрирующую предпосылку для объединения усилий по формированию общенациональной идеологии. По мнению С. В. Бойко, «результатом противостояния политическим и экономическим санкциям в России стало возрождение патриотизма как идеологии, которая объясняет социально-экономическое и политическое соперничество за умы избирателей, за суверенитет и власть в государстве в ситуации глобальной турбулентности, проявляющейся в формировании нескольких центров глобальной конкуренции»²⁰.

На наш взгляд, целесообразнее вести речь не о патриотизме как общенациональной идеологии или самодостаточном ценностном ядре такой идеологии, а о патриотизме как ценностной мотивации социальной ответственности партийных лидеров, осознающих общественную потребность в ее разработке. Результатом должно стать предложение обществу такой идеологии, в которой важнейшим структурным элементом будет обособление привлекательного и воспринимаемого как справедливого для большинства населения образа будущего России. Без формулирования такой общенациональной цели общественного развития результаты выборов общенационального уровня в России будут оставаться заложниками применения различных политических технологий (в том числе манипуляционных), основанных на персонифицированных идеологических симулякрах. В результате не будет обеспечиваться идеологический и системный уровень легитимации избранных органов власти. Соответственно, постоянно имеется потенциальная возможность проявления кризиса доверия к их деятельности со стороны населения и возникновение различных конфликтных ситуаций, нарушающих стабильное и поступательное общественное развитие.

Примечания

- 1 См.: Феномен многопартийности в российском обществе. Саратов : Научная книга, 2006.
- 2 См.: Головченко В. И. Партийно-идеологический фактор трансформации современной России. Саратов : ИЦ «Наука», 2009.
- 3 См.: Жукоцкая А. В. Проблема идеологии (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1998 ; Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. 1992. № 1–2. С. 130–142 ; Нугаев Р. М., Нугаев М. А., Мадияров А. Б. Знание, ценности, идеология в модернизирующемся обществе (междисциплинарный подход). Казань : Дом печати, 2002 ; Соловьев А. И. Политическая идеология : логика исторической эволюции // Полис. 2001. № 2. С. 10–12.
- 4 Демидов А. Идеология как инструмент политической коммуникации и власти // Власть. 1998. № 8–9. С. 44.
- 5 См.: Bell D. The End of Ideology : On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. N. Y. : Free Press, 1965 ; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М. : Академия, 1999
- 6 См.: Вилков А. А. Эволюция российской многопартийности после выборов 2016 года // Изв. Сарат. ун-та. Нов. Сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 62–69. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-1-62-69>
- 7 Сулимин А. Н. Политическая идеология как система : от организации к распаду // Теории и проблемы политических исследований. 2015. № 6. С. 48.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 Там же. С. 49.
- 11 См.: Шестов Н. И. Миф «демократичности» и миф «партийности» : логика концептуального и функционального конфликта // Демократия в современном мире. Демократия versus партократия : Демократия versus бюрократия. Сборник статей российско-германских «круглых столов». М. : РОССПЭН, 2009. С. 136–153.
- 12 См.: Идеино-символическое пространство постсоветской России : динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О. Ю. Малиновой. М. : РОССПЭН, 2011. С. 35.
- 13 См.: Богатырев К. А. Конституционные основы государственной идеологии и национальной идеи России // Право и безопасность. 2010. № 2 (35), июль. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_31_5.htm (дата обращения: 24.10.2012) ; Казанцев Н. М. Идеология права государству или идеология государства праву? // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 42–50 ; Касьянов В. В. Государственная идеология современной России // Общество : философия, история, культура. 2011. № 3–4. С. 11–14.
- 14 Мусихин Г. И. Популизм : структурная характеристика политики или «ущербная идеология»? // Полития. 2009. № 4 (55). С. 40.
- 15 Нисневич Ю. А., Рябов А. В. Современный авторитаризм и политическая идеология // Полис. 2016. № 4. С. 174.
- 16 См.: Соловьев А. И. Политическая идеология : логика исторической эволюции // Полис. 2001. № 2. С. 5–23.

¹⁷ Колесников В. А. Идеология и ее политическая форма в современной России // Науч. вестн. ВФ РАНХиГС. Сер. Политология и социология. 2017. № 2. С. 23.

¹⁸ Современный российский консерватизм (круглый стол) // ПОЛИТЭКС. 2008. Т. 4, № 2. С. 184.

¹⁹ Колесников В. А.. Указ соч. С. 24.

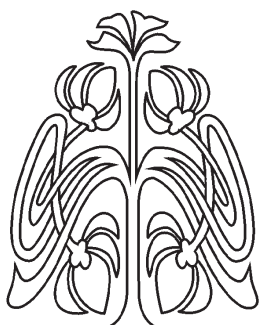
²⁰ Бойко С. В. Политическая идеология в процессах глобальной турбулентности // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2019. Т. 13, № 4. С. 31.

Образец для цитирования:

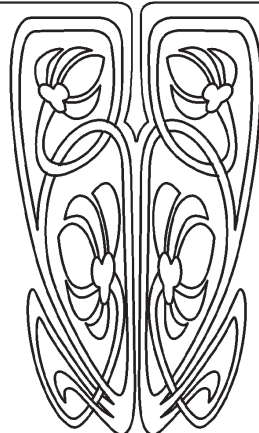
Головченко В. И. О структуре политических идеологий в условиях ценностной конвергенции российских партий // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 487–491. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-487-491>

Cite this article as:

Golovchenko V. I. About the Structure of Political Ideologies within the Value-Based Convergence of Russian Parties. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 487–491 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-487-491>

ПОДПИСКА

Подписка на II полугодие 2020 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36016,
раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов».
Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Оформить подписку онлайн можно
в Интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru)

Адрес издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Социологический факультет

Тел./факс: +7(845-2) 21-36-60, 51-81-26

E-mail: BegininalA@info.sgu.ru, vil57@yandex.ru

Website: <http://soziopolit.sgu.ru/>